

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2021 г., том 28, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Коваленко С.В. История исследования и историография позднего неолита Западного Приамурья в 1980–2010-х гг.	5
Нестеров С.П. Современное состояние проблемы происхождения польцевской культуры в Восточном Приамурье	14
Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А. Некоторые аспекты использования предметов вооружения в Корее и Японии в эпоху палеометалла.	25
Соболев А.Е. Культура гуньтулин на северо-востоке Китая.	33
Шавкунов В.Э. Переселение Баохולי в Елань и ставка вождей чжурчженей в Приморье в XI в.	41

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирские инородцы в политико-административной системе империи XVIII – начала XX в.	48
Недзелик Т.Г. Доброхотное дарение или кабальная сделка? Повседневная история католической общины г. Никольск-Уссурийского (1916–1921 гг.)	54
Маклюков А.В. Дальневосточный вариант ГОЭЛРО: условия и особенности разработки	60
Емельянов Е.П. Периодизация всеобщей истории в советских учебниках 1920-х гг.	67
Исупов В.А., Кышпанаков В.А. Население Хакасии в зеркале Всесоюзной переписи 1939 г.	72
Шарапов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты	81
Романов Р.Е. Кампания по героизации тысячников в Новосибирской области (март – июнь 1942 г.): механизм социально-трудовой коммуникации	89
Матханова Н.П. Письма М.М. Громыко начала 1960-х гг. как пример коммуникативных практик историков	98
Куперштох Н.А. Трансформации в системе высшего образования Сибири в 1990-е гг.	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бобров Д.С., Вишневецкий С.О., Морозова Т.И. Международная молодежная научная школа-конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 12–14 октября 2020 г.)	115
Никулин Д.О. Первая мировая война в новейшей отечественной историографии: изучение повседневности (рец.: на кн.: Шумилова Э.Е. Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны: монография. Екатеринбург: Издательские решения, 2020. 178 с.)	119

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

Учредители: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашдэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дёнингхаус* (Германия), д-р ист. наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *В. Линн* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), д-р ист. наук *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Нур-Султан, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Кураг*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н. Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н. Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7-383) 330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Н.М. Райзвих*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 31.03.21. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 51.

Адрес издательства и типографии:
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2. Издательство Сибирского отделения Российской академии наук

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2021, vol. 28, N 1

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Kovalenko S.V. Studying history and historiography of the late Neolithic of western Amur Region in the 1980s–2010s.	5
Nesterov S.P. The current state of the problem of the Poltse Culture origin in the eastern Amur Basin	14
Nesterkina A.L., Solovyeva E.A. Several aspects of using weapons in the ancient Korea and Japan in Paleometal epoch	25
Sobolev A.E. Guntuling culture in northeastern China	33
Shavkunov V.E. Resettlement of Baohuoli to Elan and the headquarters of the Nüchens leaders in Primorye in the XI century	41

NATIONAL HISTORY

Dameshek L.M., Dameshek I.L. Siberian aboriginals in the political and administrative system of the empire in the XVIII – XX centuries	48
Nedzelyuk T.G. A willing gift or a bonded transaction? Daily history of the Catholic community in Nikolsk-Ussuriysky (1916–1921)	54
Maklyukov A.V. Far Eastern version of GOELRO: conditions and features of development.	60
Emelyanov E.P. Periodization of world history in Soviet textbooks of the 1920s.	67
Isupov V.A., Kyshpanakov V.A. Population of Khakassia as reflected by the 1939 Census	72
Sharapov S.V. The State of Agriculture in Novosibirsk and Altai Regions on the eve of the Great Patriotic War: economic and socio-political aspects	81
Romanov R.E. Campaign to glorify tysyachniks in the Novosibirsk region (March–June, 1942): the mechanism of social and labor communication	89
Matkhanova N.P. Letters of M.M. Gromyko in the early 1960s as an evidence of communicative practices of historians.	98
Kupershtokh N.A. Transformations in the higher education system of Siberia in the 1990s	107

ACADEMIC LIFE

Bobrov D.S., Vishnevskiy S.O., Morozova T.I. International Youth Scientific School-Conference «Current Challenges of Historical Studies: Young Scholars' Perspective» (Novosibirsk, October, 12–14, 2020).	115
Nikulin D.O. The First World War in the recent domestic historiography: studying everyday life (Book review: Shumilova E.E. The everyday life of large cities in West Siberian cities during the years of the First World War: a monograph. Yekaterinburg: Izdatel'skiye resheniya, 2020, 178 p.)	119

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *Viola Lynne* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynischeva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l a d d r e s s: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
E d i t o r i a l s t a f f m a n a g e r: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of the Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807
The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: 10.15372/HSS20210101
УДК 902:930(571)

С.В. КОВАЛЕНКО

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ В 1980–2010-х гг.

Центр по сохранению историко-культурного наследия
Амурской области,
РФ, 675000, г. Благовещенск, пер. Уралова, 5/2

Статья посвящена анализу культурно-хронологических схем позднего неолита Западного Приамурья, представленных в историографии первой половины 1980-х – начала 2010-х гг. Работа, будучи второй частью обобщающего историографического исследования, включает подробную характеристику четвертого и пятого историографических этапов. Четвертый этап (первая половина 1980-х – вторая половина 1990-х гг.) связан преимущественно с расширением картографии осиноозерской культуры и накоплением источниковой базы для ее дальнейшего изучения. Пятый историографический этап (2000–2010-е гг.) представлен работами Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) и Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. Рассматривается связь основополагающих эталонных концепций 1960–1970-х гг. с современными наработками начала 2010-х гг.

Ключевые слова: Западное Приамурье, историография, поздний неолит, осиноозерская культура, генезис, хронология.

S.V. KOVALENKO

STUDYING HISTORY AND HISTORIOGRAPHY OF THE LATE NEOLITHIC OF THE WESTERN AMUR REGION IN THE 1980s – 2010s

Center for Preservation of Historical
and Cultural Heritage of the Amur Region
Uralova str., 5/2, Blagoveshchensk, 675000, Russian Federation

This article continues the generalizing research on the scientific concepts of the late Neolithic of Western Amur Region. There was a relative lull in studying the Neolithic in the region from the late 1970s to early 2000s. Despite this, the 1980s- 1990s can be classified as a separate stage, when the Osinoozersk culture cartography continued to expand, and the source base for the further studies accumulated. This was largely derived from archaeological surveying and discovery of the late Neolithic data as results of stationary investigations on multilayer sites in the region. At this stage, university archaeological studies started and the municipal archaeological service was created that made a great contribution to the discovery and preservation of the late Neolithic sites. A new phase of archaeological research has begun in Western Amur Region since the early 2000s. This period has been marked with beginning a new stage of stationary work of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS) on the regional late Neolithic sites. The field work led to the start of international expeditions in the region. In 2003, the Center for Preservation of the Historical and Cultural Heritage of Amur Region was established. Its activity made a significant

Станислав Викторович Коваленко – начальник археологического отдела, Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области., e-mail: stas-kov7@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0840-2920>.

Stanislav V. Kovalenko – Head of the Archaeological Department of the Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region.

contribution to studying the late Neolithic. The research resulted in broadening the source base to analyze the Osinoozersk culture; new types of cultural sites were discovered, which made it possible to identify a number of features in the housebuilding, stone tools and pottery of the late Neolithic era. Despite this, many issues remain to be discussed and resolved at the moment. On the one hand, a problem to solve is the culture chronology and its relationship with the early Neolithic Novopetrovka culture; on the other hand, its relation with the early Iron Age population in western Amur Region has to be proved. The transition of the Osinoozerskaya culture bearers to producing economy is the issue deserved to be studied and get additional research. Solving these issues is inextricably linked with the qualitative and quantitative improvement of the source base.

Key words: western Amur Region, historiography, late Neolithic, Osinoozersk culture, genesis, chronology.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья представляет собой вторую часть историографического анализа научных концепций позднего неолита Западного Приамурья. В предыдущей части [1] были рассмотрены три первых историографических этапа в изучении позднего неолита региона, которые охватили период со второй половины XIX в. до 1977 г.: I этап – вторая половина XIX в. – 1935 г.; II этап – 1935 – 1961 гг.; III этап – 1961–1977 гг. [1].

С позиции историографии, каждый из этих этапов характеризовался уровнем накопления, обработки и осмысления материала. К концу 1970-х гг. А.П. Окладниковым и А.П. Деревянко была полностью сформирована схема развития неолитических культур Западного Приамурья, в том числе выделена осиноозерская культура позднего неолита, датированная III–II тыс. до н.э. В современной интерпретации культура коррелируется с эпохой позднего неолита в регионе. В данный период было определено место культуры в историческом развитии юга Дальнего Востока России. По сходству керамики и конструктивным особенностям жилищ сделан вывод, что она сложилась на основе местных древних традиций и генетически связана с новопетровской культурой, несмотря на значительный хронологический разрыв и существенные различия в каменном инвентаре. По мнению исследователей, немалую роль в формировании каменной индустрии носителей осиноозерской культуры сыграли контакты с поздним этапом громатухинской культуры. Сделан вывод о появлении у населения, хозяйственная деятельность которого основывалось на охоте и рыболовстве, новой отрасли хозяйства – земледелия [2, с. 655–656; 3, с. 149–150; 4, 157, 166, 192–195; 5, с. 385–388; 6, с. 9–12, 222; 7, с. 33–42; 8, с. 107, 236, 253–254, 257; 9, с. 41, 104–109]. Представление о культуре вплоть до начала XXI в. было зафиксировано на уровне источниковой базы, сложившейся к началу 1970-х гг. [10, с. 73, 74; 11, с. 61, 62; 12, с. 322–324; 13, с. 100, 101].

Уровень изученности позднего неолита региона в конце XX – начале XXI в. условно можно разделить на два этапа: IV этап – первая половина 1980-х – вторая половина 1990-х гг.; V этап – 2000–2010-е гг.

IV ЭТАП (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1980-х – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1990-х гг.)

В рамках данного этапа продолжало расширяться картографирование осиноозерской культуры и накопление источниковой базы для ее дальнейшего изучения и осмысления.

Предпосылки активной разведочной деятельности 1980–1990-х гг. были заложены в 1972 г., когда на базе Благовещенского государственного педагогического института (с 1996 г. – университета) усилиями Б.С. Сапунова и В.В. Сухих была создана археологическая лаборатория. Основной целью исследований стало изучение механизма смены культурных традиций Приамурья. Особое внимание уделялось изучению неолитических культур Приамурья и сопредельных территорий.

Из исследований Института археологии и этнографии СО РАН, затронувших изучение и позднего неолита, следует выделить раскопки Е.И. Деревянко 1981 и 1983 гг. на горе Шапка в Михайловском районе [14, с. 116–124]. На фоне преобладающего средневекового материала при разборке жилищ и в межжилищном пространстве удалось проследить остатки поздненеолитического культурного горизонта и выявить артефакты, относящиеся к осиноозерской культуре¹.

В 1982 г. Б.С. Сапуновым были опубликованы первые методические рекомендации по работе с памятниками археологии Амурской области, в которых особое внимание обращалось на географические особенности распространения осиноозерской культуры [15, с. 6].

В середине 1980-х гг. археологическим отрядом Благовещенского государственного педагогического института (БГПИ) проводятся активные разведочные работы в регионе с целью проверки состояния ранее выявленных и поиска новых объектов археологического наследия. В результате обнаружен ряд объектов с материалами эпохи неолита.

По данным Б.С. Сапунова, на 1989 г. благодаря многолетним исследованиям на территории Амурской области было выявлено свыше 750 археологиче-

¹ Деревянко Е.И. Отчет о полевых исследованиях на горе Шапка. Амурская область. 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №10079. 89 л.; Она же. Отчет о раскопках городища на горе Шапка. Амурская область. 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 9733. 102 л.

ских памятников, в том числе периода позднего неолита [16, с. 57]. В результате паспортизации, архивно-библиографических и разведочных исследований в аннотированный список памятников истории и культуры Амурской области 1991 г. вошли объекты периода раннего и позднего неолита² [17].

В 1995 г. Д.П. Болотин обследовал обнаруженный в 1989 г. Б.С. Сапуновым памятник Ровное I, расположенный на высокой террасе левого берега р. Зеи недалеко от г. Благовещенска. Анализ археологической коллекции показал его принадлежность осиноозерской культуре³ [18, с. 52]. В ходе полевых исследований 1996 г., проводившихся вдоль р. Амур между селами Михайловка и Сергеевка Благовещенского района, был найден и частично изучен многослойный памятник Михайловка-Ключ [19, с. 70]. Среди поздненеолитических находок встречены каменная булава и несколько бифасиально регулированных наконечников стрел из разноцветного халцедона [20, с. 11].

В 1998 г. на опорном памятнике осиноозерской культуры Осинное Озеро вблизи раскопа 1962 г. заложен шурф, из которого были отобраны пробы на палинологический анализ. Учитывая поврежденность неолитического слоя памятника, в 1999 г. продублировали разрез стенки 1998 г. В шурфе на глубине 30 см найден неолитический сосуд с орнаментом в виде налпных рассеченных валиков, взята проба грунта на спорово-пыльцевой анализ [21, с. 105–106].

В 1999 г. в Свободненском районе выявлено несколько памятников эпохи каменного века, обследована пещера «Каменный дом» у с. Буссе [19, с. 70]. В 3,5 км к северо-западу от с. Киселеозерка Белогорского района на песчаной дюне, расположенной на северо-восточном берегу оз. Киселевское, открыто многослойное поселение Киселеозерка II. На релке собрана коллекция археологического материала, часть которого относится к осиноозерской культуре [18, с. 52].

В 2000 г. были опубликованы материалы ряда памятников каменного века Амурской области, выявленных в ходе археологических исследований 1980–1990-х гг. совместной археологической лабораторией Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ), ДВО и СО РАН [22]. Основное место отводилось описанию каменной индустрии на-

чального этапа неолита, а керамики в коллекции не было. В этом материале, часть которого является подъемным (а культурные слои развееанными), присутствуют артефакты поздненеолитического облика [22, с. 45, 47, 55, 69, 70].

В 1980–1990-х гг. продолжало расширяться картографирование осиноозерской культуры, пополнялась источниковая база, чему во многом способствовало проведение археологических разведок и стационарных исследований на многослойных памятниках в регионе. К концу XX в. в Западном Приамурье было зафиксировано более 100 памятников, охватывавших хронологический диапазон от раннего до позднего неолита.

V ЭТАП (2000 г. – 2010-гг.)

В начале 2000-х гг. в археологии Западного Приамурья наступила новая фаза в исследовании позднего неолита. Было положено начало стационарным работам ИАЭТ СО РАН на памятниках неолита, состоялись международные экспедиции.

Летом 2000 г. в Амурской области работала Комплексная археологическая экспедиция по Зейскому водохранилищу и р. Зее под руководством академика А.П. Деревянко. На этой территории, во многом совпавшей с маршрутом Дальневосточной археологической экспедиции 1961 г., вновь обследовались объекты, ранее отнесенные к периоду позднего неолита [23, с. 4–10].

С 2000 г. С.В. Алкиным проводились исследования памятника Михайловка-Ключ – мастерской по изготовлению каменных орудий, которая функционировала на протяжении длительного времени в районе выходов качественного халцедонового сырья [19, с. 70; 24, с. 11–14; 25, с. 188–190]. В 2001 г. в научный оборот были введены данные по радиоуглеродному возрасту памятников осиноозерской культуры. Для жилища № 2 Осинное Озеро (раскопки 1962 г.) получено радиоуглеродное определение по бересте 3715 ± 35 л.н. (кал. 2274–2032 гг. до н.э., АА-36744). Для неолитического слоя памятника Михайловка-Ключ определена радиоуглеродная дата по углю — 4255 ± 150 л.н. (кал. 3340–2490 гг. до н.э., СОАН-3466). Даты показали соответствие ранее предложенному хронологическому диапазону культуры [26, с. 47–48].

В том же году А.В. Гребенщиков в статье, посвященной анализу раннего неолита среднего Амура, высказал мнение по поводу преемственности новопетровской культуры раннего неолита и осиноозерской поздненеолитической культуры на основании близости керамического производства и технологии строительства жилищ. По его заключению, взгляд на осиноозерцев как на исторических преемников традиций

² Статунов Б.С. Полевой отчет о паспортизации археологических памятников [в Амурской области]. 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №13600. 63 л.; № 13601. Приложение к отчету. 135 л.; *Он же*. Паспортизация археологических памятников в Константиновском районе Амурской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №15379. 98 л.; *Сухих В.В.* Паспортизация археологических памятников Тамбовского района Амурской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №15388. 67 л.

³ Болотин Д.П. Отчет об археологической разведке в Благовещенском районе Амурской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №19234.а 39 л.

новопетровских племен по ряду причин нельзя признать верным [25, с. 193; 27, с. 51–56].

Созданный в 2003 г. Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, который возглавил Н.Н. Зайцев, начал активно проводить сплошную паспортизацию археологических объектов области, в результате которой были открыты новые памятники осиноозерской культуры [18, с. 52–53; 28, с. 156]. В этот период сотрудниками Благовещенской лаборатории археологии ИАЭТ СО РАН вводятся в научный оборот неолитические материалы, полученные в результате исследований прошлых лет. Ряд представленных объектов содержал материал, который коррелировался с эпохой позднего неолита и расширял ареал носителей осиноозерской культуры [29, с. 95–101; 30, с. 66, 69, 71, 74, 80, 105, 106].

В 2004 г. на поселении в устье р. Громатухи было изучено осиноозерское жилище, представленное остатками наземной конструкции, анализ которой позволил воссоздать ее внешний вид, особенности пространственной ориентации и внутренней организации жилого пространства с очагом, зонами для работы и отдыха. Это жилище интерпретируется как сезонная временная (промысловая) постройка. Предполагается, что оно могло иметь разборно-переносную конструкцию. Это первое жилище осиноозерской культуры в пределах северной части ее ареала [25, с. 191; 31, с. 82–86; 32, с. 90–110]. Для осиноозерского слоя получены четыре радиоуглеродные даты по углю: 3600 ± 45 л.н. (кал. 4080–3730 л.н., СОАН-5759); 3350 ± 40 л.н. (кал. 3690–3470 л.н., МТС-05939); 3340 ± 40 л.н. (3690–3480 л.н., МТС-05940); 3350 ± 40 л.н. (3630–3410 л.н., МТС-05941), что соответствует хронологическому диапазону существования культуры [33, с. 105].

И.Я. Шевкомуд в 2004 г. в результате сравнительного анализа осиноозерской культуры и близкой ей хронологически вознесенской культуры нижнего Амура сделал вывод об их очевидном сходстве в технико-типологических основах камнеобработки, типах жилищ, некоторых технологических особенностях получения керамики, а также в формах сосудов. Но такого рода сходство он объяснил стадийной и территориальной близостью культур. Однако детальные признаки в типологии инвентаря и керамики свидетельствуют о культурных различиях [34, с. 141].

Опубликованные в 2005 г. результаты палинологического анализа пробы из шурфа 1998 г. на эпонимном памятнике Осинное Озеро показали, что в процессе формирования культурного слоя растительность в окрестностях поселения изменялась от лесостепи с участием березово-осиновых и кустарниково-широколиственных ассоциаций к разреженному лиственнично-широколиственному лесам и злаково-разнотравным лугам [21, с. 105]. Благодаря про-

веденному спорово-пыльцевому анализу грунта из отложений неолитического слоя шурфа 1999 г. по составу и соотношению компонентов спектра была реконструирована растительность березово-широколиственных лесов. Выяснилось, что в культурном слое, относящемся к осиноозерской культуре, наряду с другими определена пыльца культурных злаков (*Cerealia*), с высокой степенью достоверности указывающая на то, что обитатели стоянки практиковали земледелие [21, с. 105–106].

Первые итоги по локализации источников обсидиана в Приамурье были получены благодаря анализу материалов с неолитических объектов территории среднего Амура, с использованием обсидиановых артефактов, представленных в том числе образцами с поселения Осинное Озеро. Были установлены основные источники археологического обсидиана для Среднего Приамурья – базальтовые плато Облученское и Суюньхэ, расположенные на левом и правом берегах Амура на расстоянии 50–320 км от археологических памятников [35, с. 99–105].

С 2004 по 2007 г. на Троицком могильнике на р. Белой в северо-западной части Ивановского района во время раскопок мохэских погребений были зафиксированы фрагменты поздне-неолитического слоя. Новое местонахождение осиноозерской культуры получило название Озеро Табор. Культурная принадлежность памятника определена по комплексу находок характерной керамики, орнаментированной налепными криволинейными валиками с насечками, и ретушированным каменным орудиям, выполненным преимущественно на отщепах халцедонового сырья. Особенности неолитического комплекса стали наличие микропластинчатой технологии в каменном инструментарии и обнаружение уникального для Приамурья небольшого круглодонного сосуда с гребенчатым орнаментом под венчиком. Следов жилищных конструкций на памятнике не выявлено. Поселение предварительно интерпретировано как сезонный поселенческий комплекс с преимущественной ориентацией на эксплуатацию речных ресурсов [25, с. 191–192; 36, с. 132–134; 37, с. 54–56, 173; 38, с. 225–226; 39, с. 30].

Выход в свет в 2008 г. «Истории Амурской области с древнейших времен до начала XX века» стал знаковым событием для археологии региона и итогом многолетнего труда нескольких поколений археологов и историков [28, с. 157, 40]. В книге обобщены и опубликованы все последние данные по осиноозерской культуре, полученные в процессе раскопок, разведок и архивно-библиографических исследований. Культура была представлена как созданная оседлым населением, хозяйство которого основывалось на охоте, рыболовстве и, возможно, раннем земледелии. Существованию комплексного хозяйства способство-

вали природные условия лесостепи с водоемами, богатыми рыбой [40, с. 34–40].

Проведенные в 2009 г. исследования возвышенной части средневекового городища на горе Шапка в Михайловском районе дали новые материалы об объекте, в том числе был выявлен неолитический слой, относящийся к осиноозерской культуре. Материал коллекции определен как поселенческий [41, с. 120–127].

Анализ семи радиоуглеродных определений, полученных на памятниках Осинное Озеро, Михайловка-Ключ и Громатуха, слой 1, позволил к 2010 г. датировать осиноозерскую культуру в рамках 5290–3410 л.н. [33, с. 107]. Таким образом, на настоящий момент предположение о генетической преемственности осиноозерской и новопетровской культур не подтвердилось, поскольку между поздним этапом новопетровской культуры (8980–8590 л.н.) и ранним – осиноозерской (5290–4430 л.н.) существует временной разрыв около 4 тыс. лет [33, с. 107–108].

Промежуточным подведением итогов в исследовании позднего неолита региона стал выход в 2011 г. публикации С.В. Алкиной, раскрывающей современное состояние изучения осиноозерской неолитической культуры. Им обобщены результаты последнего десятилетия в изучении культуры и намечены задачи для дальнейших исследований [25, с. 188–198]. Анализ источников позволил выделить ряд новых культурообразующих элементов. Отмечены особенности неолитического комплекса поселения Озеро Табор – это микропластинчатая технология каменного инструментария и находка небольшого круглодонного сосуда с гребенчатым орнаментом под венчиком [25, с. 192]. Выделены два новых типа жилищ. Первый представлен наземным жилищем без котлована в устье р. Громатухи. Второй гипотетически обозначен легкими временными жилищами в местах стоянок, которые могли сооружаться на памятниках Михайловка-Ключ и Озеро-Табора. По мнению С.В. Алкиной, говорить о возможности существования у осиноозерцев земледелия преждевременно, так как данных недостаточно, а вопрос о начале формирования производящего хозяйства в Приамурье в целом пока далек от разрешения и требует дополнительных усилий [25, с. 193]. Рассматривая дискуссионный вопрос о взаимосвязи между осиноозерской и новопетровской культурами, он подвергает критике выводы А.В. Гребенщикова [27] и предлагает к обсуждению гипотезу о сосуществовании позднего этапа новопетровской и раннего этапа осиноозерской культуры, по крайней мере, в одной части ее ареала [25, с. 193–194; 27, с. 51–56]. С.В. Алкин отмечает неоднозначность в исследовательской ситуации вокруг понимания осиноозерской культуры. По его мнению, это наименее изученная культура среднего Амура. Характеристика хозяйственно-культурного типа носителей осино-

озерской культуры как охотников и рыболовов с возможными элементами раннего земледелия требует уточнения. Остается открытой проблема происхождения культуры, ее хронологии и периодизации, связи с другими неолитическими культурами региона [25, с. 195].

В 2011 г. в окрестностях с. Албазино обнаружена неолитическая стоянка Ульдугич I, где были найдены фрагменты осиноозерской керамики. Проведенные в 2012 г. раскопки выявили остатки неолитического слоя, который был частично разрушен более поздним средневековым поселением. Керамика и каменные артефакты, обнаруженные в этом слое, отнесены к осиноозерской культуре [42, с. 47; 43, с. 494–498]. На данный момент этот памятник является самым западным в ареале культуры.

В 2012 г. отряд Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области проводил раскопки поселения Осинное Озеро. Была получена коллекция археологических находок, основную часть которой составили каменные артефакты и фрагменты керамики осиноозерской культуры. Керамика представлена фрагментами венчиков, доньшек и стенок лепных сосудов. Доля готовых орудий в коллекции незначительна. В целом инструментарий охарактеризован как типичный для жилищных комплексов с разнообразной хозяйственной деятельностью населения. На нижней границе культурного слоя выявлены столбовые ямы, возможно, представлявшие собой конструкцию легкого навеса. Периферийная часть поселения, вероятно, состояла из комплекса сезонных легких навесов и шалашей небольших размеров (4×5 м), не заглубленных в землю и использовавшихся для разнообразной деятельности людей в теплое время года. В публикации по итогам работ 2012 г. большой блок посвящен истории исследования эпонимного памятника осиноозерской культуры. Впервые введены в научный оборот графические, глазомерные планы раскопок 1962 г., адаптированные из научного отчета⁴ [44].

С 2012 по 2016 г. проводилась активная работа по картографированию объектов осиноозерской культуры. Корпус памятников, содержащих характерный археологический материал осиноозерской культуры, стал включать 20 объектов [18, с. 49–57; 45, с. 89–93; 46, с. 41–55].

При исследованиях 2006–2014 гг. памятника Калиновка (писаница) обнаружено значительное количество фрагментов керамики, орнаментированной параллельными налепными валиками, а также единичные каменные орудия поздненеолитического вре-

⁴ Окладников А.П. Отчет об археологических исследованиях в бассейне реки Амур в 1962 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2439. 88 л. № 2439а Альбом иллюстраций к отчету. 20 л., 44 ил.

мени, среди которых выделены халцедоновые ядрища, наконечники стрел, вкладышное орудие. Один из культурных горизонтов был отнесен к осиноозерской культуре [47, с. 9]. Данный объект расширяет ареал культуры в северном направлении.

В рамках изучения проблемы генезиса урильской культуры раннего железного века Западного Приамурья отмечается актуальность выявления ее связей с осиноозерской культурой, роль традиций которой пока достаточно не определена [48, с. 30; 49, с. 298–299]. Отмечено, что в орнаментации сосудов урильской культуры присутствуют такие элементы декора, как налепной расщепленный валик и почерченные линии, характерные для осиноозерской культурной традиции [8, с. 192–193, 337; 48, с. 30].

Появление новых радиоуглеродных определений по бересте из жилища 2 Осинового Озера (раскопки 1962 г.)⁵ – 3911 ± 148 л.н. (кал. ±1σ, 2616–2143 ; ±2 σ 2872–1983 до н.э., Nska-01110) [48, с. 30] и по нагару на фрагментах керамики осиноозерской культуры из слоя 1 и жилища с памятника Громатуха – 3380 ± 45 л.н. (кал. ±2 σ, 3811–3479 л.н., МТС-17809) и 3460 ± 50 л.н. (кал. ±2 σ, 3852–3587 л.н. МТС-17804) [50, с. 3, 7–10] подтвердило ранее установленный хронологический диапазон осиноозерской культуры:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что в последние три десятилетия произошло расширение источниковой базы для анализа осиноозерской культуры, многие дискуссионные проблемы, касающиеся этой культуры, остаются на данный момент не разрешенными. Из непубликованных материалов осиноозерской культуры следует назвать коллекцию 1966 г. с поселения Семиозерка Ивановского района и артефакты разведочных работ 1977 г. на территории Серышевского и Белогорского районов Амурской области⁶. Часть неолитических коллекций с памятников хранится в фондах Амурского областного краеведческого музей им. Г.С. Новикова-Даурского (АОКМ)⁷.

Открытой остается проблема, связанная с изучением генезиса культуры. Несмотря на отмеченный прогресс в датировке осиноозерской культуры, не решен вопрос о ее внутренней периодизации и связи с новопетровской культурой раннего неолита, с одной стороны, и с населением эпохи раннего железного века Западного Приамурья – с другой. Также одним из важнейших остается вопрос о переходе носителей

осиноозерской культуры к производящему хозяйству. Решение указанного вопроса требует дополнительных исследований с комплексным использованием различных методов, таких как флотация культурного слоя на поселениях, спорово-пыльцевой анализ проб, трасологическое изучение орудий труда, детальное изучение особенностей керамического производства и др.

Особого внимания требует решение проблем, связанных с состоянием корпуса источников. В такой исследовательской ситуации одной из важнейших задач представляется обобщение и анализ всей совокупности информации с целью понимания места и роли поздненеолитической осиноозерской культуры в древней истории Западного Приамурья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коваленко С.В. Научные концепции XX в. о позднем неолите Западного Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 1. С. 5–14.
2. Деревянко А.П. Неолит Среднего Амура // Древняя Сибирь (макет I тома «Истории Сибири»): Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ: [б.и.], 1964. С. 649–657.
3. Окладников А.П., Деревянко А.П. Неолит Дальнего Востока // История Сибири с древнейших времен и до наших дней. Л.: Наука, 1968. Т. 1: Древняя Сибирь. С. 127–150.
4. Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1970. 204 с.
5. Окладников А.П., Васильевский Р.С., Деревянко А.П. Археологические исследования на Осиновом озере (раскопки 1965 года) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск: [б.и.], 1971. Ч. II. С. 323–392.
6. Деревянко А.П. Ранний железный век Дальнего Востока: Курс лекций. Новосибирск: [б.и.], 1972. Ч. 2. 276 с.
7. Окладников А.П., Деревянко А.П. Осиноозерская культура на Среднем Амуре // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока: ДНЦ АН СССР, 1973. Т. 9. С. 33–42.
8. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 354 с.
9. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.
10. Мартынов А.С. Археология СССР: учеб. пособ. М.: Высш. шк., 1973. 296 с.
11. История Дальнего Востока СССР: От эпохи первобытно-общинных отношений до наших дней: в 4 т. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДНЦ АН СССР, 1974. Т. 1, кн. 1: Первобытное общество на территории Дальнего Востока СССР. 166 с.
12. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. 379 с. (Археология СССР в 20 т.; [т. 15])
13. Мартынов А.С. Археология: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2000. 439 с.
14. Деревянко Е.И. Городище на горе «Шапка» // Эпоха камня и полеометалла азиатской части СССР. Новосибирск: [б.и.], 1988. С. 110–126.
15. Саунов Б.С. Методические рекомендации по работе с памятниками археологии. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ин-т, 1982. С. 6–7.
16. Саунов Б.С. История археологических исследований на территории Амурской области // Проблемы краеведения. Арсенев. чтения: тез. докл. конф. Уссурийск: [б.и.], 1989. С. 56–57.

⁵ Коллекция ИАЭТ СО РАН 1962 г.

⁶ Окладников А.П., Саунов Б.С. Отчет о раскопках у с. Семиозерки Дальневосточной археологической экспедиции в 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3538. 18 л. 7 ил.; Ивлиев А.Л. Отчет об археологической разведке в Амурской области, 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 6711. 77 л.

⁷ АОКМ. Ед. хр. 10553/1-7.

17. Памятники истории и культуры Амурской области. Аннотированный список. Благовещенск: [б.и.], 1991. 136 с.
18. Коваленко С.В. Памятники осиноозерской неолитической культуры бассейна реки Зея // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск. Хэйхэ, 16–18 мая 2016 г.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. С. 49–57.
19. Сапунов И.Б. Об истории исследования археологических памятников Амуро-Зейского плато // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2002. С. 65–70.
20. Болотин Д.П., Сапунов Б.С. Древние культуры Приамурья. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2000. 16 с.
21. Кузьмин Я. В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток: Тихоокеанский ин-т географии ДВО РАН, 2005. 282 с.
22. Сапунов Б. С., Петров В. Г., Сапунов И. Б. Памятники каменного века в Амурской области: Препринт. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2000. 75 с.
23. Сапунов Б.С. Экспедиция 2000 г. в бассейне Зеи (записки археолога) // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2001. Вып. 3. С. 4–10.
24. Алкин С.В. Предварительные результаты изучения памятника Михайловка-Ключ в Среднем Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 11–14.
25. Алкин С.В. Современное состояние изучения осиноозерской неолитической культуры Среднего Приамурья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 188–198.
26. Джалал Э. Дж. Т., Деревянко А.П., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Табаров А.В., Зайцев Н.Н. Новые радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Приамурья // Вестн. Амур. гос. ун-та. 2001. Вып. 12. С. 47–48.
27. Гребенников А.В. Ранний неолит Среднего Амура: мифы и реальность // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2001. Вып. 3. С. 49–61.
28. Нестеров С.П. Очерк истории археологического изучения Амурской области // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: мат-лы Всерос. семинара, посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. С. 153–158.
29. Петров В.Г., Сапунов Б.С. Амурская область, Тамбовский район, с. Куропатино, пункт 40 // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Третья междунар. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 95–101.
30. Петров В.Г., Зайцев Н.Н., Сапунов Б.С. Памятники каменного века Амурской области (выпуск второй): Препринт. Благовещенск: БГПУ, 2004. 120 с.
31. Деревянко А.П., Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ, Ко Чже Вон, Нестеров С.П., Кан Сун Сек, Ким Чон Чан, Кан Си Нэ, Волков П.В., Комарова Н.А., Савелова А.В., Кудрич О.С., Мин Чжи Хён. Полевые исследования памятника Громатуха на реке Зея в 2004 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X, ч. I. С. 82–86.
32. Волков П.В., Нестеров С.П. Осиноозерское жилище на поселении Громатуха // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2008. Вып. 5. С. 90–110.
33. Кузьмин Я.В., Нестеров С.П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 103–110.
34. Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 156 с.
35. Попов В.К., Кузьмин Я.В., Шевкомуд И.Я., Гребенников А.В., Гласкок М.Д., Зайцев Н.Н., Петров В.Г., Наумченко Б.В., Конопацкий А.К. Обсидиан в археологических памятниках Среднего и Нижнего Приамурья: геохимический состав и источники // Пятое Гродековские чтения: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. «Амур – дорога тысячелетий». Хабаровск: Хабар. краев. краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2006. Ч. I. С. 99–105.
36. Алкин С.В., Фэн Эньсюэ. Совместные российско-китайские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2004 г. // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 4: Востоковедение. С. 132–134.
37. Деревянко А.П., Ким Бом Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хен У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ынстик. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Тэджон: Изд-во Ин-та культурного наследия, 2008. Вып. 1. Ч. 1: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 году. 218 с.
38. Деревянко А. П., Ким Бонгон, Алкин С. В., Нестеров С. П., Субботина А. Л., Хон Хён У, Ю Ынстик. Совместные российско-корейские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 222–227.
39. Деревянко А.П., Ким Бом Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хен У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ынстик. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Ин-та культурного наследия, 2008. Вып. 1. Ч. 2: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 году. 154 с.
40. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. Благовещенск: Изд. компания «РИО», 2008. 424 с.
41. Зайцев Н.Н., Волков П.В., Волков Д.П., Коваленко С.В. Неолитическая коллекция с горы Шапка в Амурской области (по результатам раскопок 2009 г.) // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 120–127.
42. Черкасов А., Беляков А. Археологические исследования в Албазино // Родина. 2012. № 5. С. 47.
43. Вальчак С.Б., Черкасов А.Н. Раскопки поселения Ульдугичи I в Амурской области // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда. Казань: [б.и.], 2014. Т. III. С. 494–498.
44. Коваленко С.В. Полевые исследования неолитической стоянки на Осиновом озере в 2012 году // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2014. Вып. 7. С. 102–129.
45. Коваленко С.В. Картография осиноозерской археологической культуры Западного Приамурья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: м-лы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 89–93.
46. Коваленко С.В. Памятники осиноозерской неолитической культуры левого берега верхнего и среднего Амура // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 18–23 мая 2015 г.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. Вып. 5. С. 41–55.
47. Забияко А.П., Миронов М.А. Культурный комплекс Калиновка: основные результаты археологических исследований 2006–2014 гг. // Религиоведение. 2017. № 4. С. 5–20.
48. Коваленко С.В. История исследования осиноозерской позднелинитической культуры Западного Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 2. С. 26–32.
49. Нестеров С.П. Начало раннего железного века в Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 298–301.
50. Деревянко А.П., Деревянко Е.И., Нестеров С.П., Табаров А.В. Кадзунори Учидэ, Даи Куникита, Кацуки Морисаки, Хироюки Мацудзаки. Новые радиоуглеродные даты громатухинской культу-

ры начального этапа неолита в Западном Приамурье // Археология, этнография, и антропология Евразии. 2017. Т 45, № 4. С. 3–12. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.003-012.

REFERENCES

1. Kovalenko S. V. Scientific concepts of the XX century on the late Neolithic of Western Amur Region. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2020, vol. 27, no. 1, pp. 5–14. (In Russ.)
2. Derevyanko A. P. Neolithic of the Middle Amur. *Drevnyaya Sibir' (maket I toma «Istorii Sibiri»): materialy po drevney istorii Sibiri*. Ulan-Ude, 1964, pp. 649–657. (In Russ.)
3. Okladnikov A. P., Derevyanko A. P. The Neolithic of the Far East. *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen i do nashikh dney*. Leningrad, 1968, vol. 1, pp. 127–150. (In Russ.)
4. Derevyanko A. P. Novopetrovka Culture of the Middle Amur. Novosibirsk, 1970, 204 p. (In Russ.)
5. Okladnikov A. P., Vasilevsky R. S., Derevyanko A. P. Archeological studies on Lake Osinovo (excavations of 1965). *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nevostochnoy arkhologicheskoy ekspeditsii*. Novosibirsk, 1971, pt. 2, pp. 323–392. (In Russ.)
6. Derevyanko A. P. The Early Iron Age of the Far East. Lecture course. Novosibirsk, 1972, pt. 2, 276 p. (In Russ.)
7. Okladnikov A. P., Derevyanko A. P. Osinozersk Culture on the Middle Amur. *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka (istoriya, arkhologiya, etnografiya, filologiya)*. Vladivostok, 1973, vol. 9, pp. 33–42. (In Russ.)
8. Derevyanko A. P. The Early Iron Age of the Far East. Novosibirsk, Nauka, 1973, 354 p. (In Russ.)
9. Okladnikov A. P., Derevyanko A. P. The remote past of Primorye and Priamurye. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo, 1973, 440 p. (In Russ.)
10. Martynov A. S. Archeology: a textbook. Moscow, Higher School, 1973, 296 p. (In Russ.)
11. Okladnikov A. P., Andreev A. P., Brodyansky D. L., Krushanov A. I. et al. History of the USSR Far East (from primitive society to present time). Vladivostok, 1974, vol. 1, bk. 1, 166 p. (In Russ.)
12. The Northern Eurasia Neolithic. Moscow, Nauka, 1996, 379 p. (Archaeology of the USSR...: in 20 vols; vol. 15) (In Russ.)
13. Martynov A. S. Archeology. Moscow, Higher School, 2000, 439 p. (In Russ.)
14. Derevyanko E. I. Fortified settlement on Mount Shapka. *Epokha kamnya i paleometalla aziatskoy chasti SSSR*. Novosibirsk, 1988, pp. 110–126. (In Russ.)
15. Sapunov B. S. Methodical recommendations to study archeological sites. Blagoveshchensk, 1982, 22 p. (In Russ.)
16. Sapunov B. S. History of archeological studies in Amur Region. *Problemy kraevedeniya: tez. dokl. Arsenyev. chteniy*. Ussuriysk, 1989, pp. 56–57. (In Russ.)
17. Monuments of History and Culture of the Amur Region: annotated list. Blagoveshchensk, 1991, 136 p. (In Russ.)
18. Kovalenko S. V. Sites of the Neolithic Osinozersk culture in the Zeya River basin. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy VI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Blagoveshchensk – Kheikhe, 16–18 maya 2016 g.)*. Blagoveshchensk, 2016, vol. 6, pp. 49–57. (In Russ.)
19. Sapunov I. B. On the history of studying archeological sites of the Amur-Zeya Plain. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Blagoveshchensk, 2002, vol. 3, pp. 65–70. (In Russ.)
20. Bolotin D. P., Sapunov B. S. The ancient cultures of Amur Region. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2000, 16 p. (In Russ.)
21. Kuz'min Ya. V. Geochronology and paleoenvironment of the Late Paleolithic and Neolithic in temperate zone of East Asia. Vladivostok, Pacific Inst. of Geography FEB RAS, 2005, 282 p. (In Russ.)
22. Sapunov B. S., Petrov V. G., Sapunov I. B. Stone Age sites in the Amur Region. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2000, 75 p. (In Russ.)
23. Sapunov B. S. The expedition of 2000 in the Zeya River basin (archeologist's notes). *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 2001, vol. 3, pp. 4–10. (In Russ.)
24. Alkin S. V. Preliminary results of studying Mikhaylovka-Klyuch site in Mid-Amur Region. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2001, vol. 7, pp. 11–14. (In Russ.)
25. Alkin S. V. Contemporary state of studying the Neolithic Osinozersk culture of Mid Amur Region. *Aktual'nye problemy arkhologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Ussuriysk, 2011, pp. 188–198. (In Russ.)
26. Jall E. J. T., Derevyanko A. P., Kuz'min Ya. V., Orlova L. A., Bolotin D. P., Sapunov B. S., Tabarev A. V., Zaytsev N. N. New carbon dating of the archeological sites of Mid-Amur Region. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2001, vol. 12, pp. 47–48. (In Russ.)
27. Grebenshchikov A. V. Early Neolithic of Mid Amur: myths and reality. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 2001, vol. 3, pp. 49–61. (In Russ.)
28. Nesterov S. P. Essay on the history of archaeological study of Amur Region. *Vuzovskaya nauchnaya arkhologiya i etnologiya Severnoy Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg.: materialy Vseross. seminar, posvyashch. 125-letiyu B.E. Petri, Irkutsk, 3–6 maya 2009 g.* Irkutsk, 2009, pp. 153–158. (In Russ.)
29. Petrov V. G., Sapunov B. S. Amur Region, Tambovka district, Kuropatino village, site 40. *Arkhologiya i sotsiokul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territoriy: Tret'ya mezhdunar. konf. «Rossiya i Kitay na dal'nevost. rubezhakh»*. Blagoveshchensk, 2003, pp. 95–101. (In Russ.)
30. Petrov V. G., Zaytsev N. N., Sapunov B. S. Stone Age sites in the Amur Region. Blagoveshchensk, 2004, vol. 2, 120 p. (In Russ.)
31. Derevyanko A. P., Kang Ch. H., Bang M. B., Ko J. W., Nesterov S. P., Kang S. S., Kim J. Ch., Kang S. N., Volkov P. V., Komarova N. A., Savelova A. A., Kudrich O. S., Min J. H. Field studies of Gromatukha site on the Zeya River in 2004. *Problemy arkhologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy Godovoy sessii In-ta arkhologii i etnografii SO RAN 2004 g.* Novosibirsk, 2004, vol. 10, pt. 1, pp. 82–86. (In Russ.)
32. Volkov P. V., Nesterov S. P. Osinozersk Culture's dwelling at Gromatukha settlement. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 2008, vol. 5, pp. 90–110. (In Russ.)
33. Kuz'min Ya. V., Nesterov S. P. Chronology of Neolithic cultures of western Amur Region. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 2010, vol. 6, pp. 103–110. (In Russ.)
34. Shevkomud I. Ya. Late Neolithic of the Lower Amur. Vladivostok, FEB RAS, 2004, 156 p. (In Russ.)
35. Popov V. K., Kuz'min Ya. V., Shevkomud I. Ya., Grebenshchikov A. V., Glaskok M. D., Zaytsev N. N., Petrov V. G., Naumchenko B. V., Konopatskiy A. K. Obsidian in archeological sites of the mid- and lower Amur region: geochemical composition and sources. *Pyatyye Grodekovskiy chteniya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Amur – doroga tysyacheletiy»*. Khabarovsk, 2006, pt. 1, pp. 99–105. (In Russ.)
36. Alkin S. V., Feng E. Russian and Chinese combined studies of Troitsky burial ground in Amur Region in 2004. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2006, vol. 5, no. 4, pp. 132–134. (In Russ.)
37. Derevyanko A. P., Kim B. G., Nesterov S. P., Choi M. S., Hong H. W., Alkin S. V., Subbotina A. L., Yoo E. Sh. Data and studies of the Russian-Korean archeological expedition in Western Amur Region. Daejeon, 2008, vol. 1, pt. 1, 218 p. (In Russ.)
38. Derevyanko A. P., Kim B. G., Alkin S. V., Nesterov S. P., Subbotina A. L., Hong H. W., Yoo E. Sh. Russian-Korean Joint Studies of the Troitsky Burial Ground in the Amur Region in 2007. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: materialy Godovoy sessii IAET SO RAN 2007 g.* Novosibirsk, 2007, vol. 13, pp. 222–227. (In Russ.)

39. Derevyanko A.P., Kim Bong Gon, Nesterov S.P., Choi Maeng Sik, Hong Hyeng Woo, Alkin S.V., Subbotina A.L., Yoo Eun Shik. Data and Studies of the Russian-Korean Archaeological Expedition in the Western Amur Region. Daejeon, 2008b, vol. 1, pt. 2, 154 p. (In Russ.)
40. Zabiyaiko A. P. (ed.) History of the Amur Region from ancient times to the early XX century. Blagoveshchensk, 2008, 424 p. (In Russ.)
41. Zaytsev N. N., Volkov P. V., Volkov D. P., Kovalenko S. V. Neolithic collection from Mount Shapka in Amur Region (based on excavation results in 2009). *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 2010, vol. 6, pp. 120–127. (In Russ.)
42. Cherkasov A., Belyakov A. Archaeological studies in Albazino. *Rodina*, 2012, no. 5, p. 47. (In Russ.)
43. Val'chak S. B., Cherkasov A. N. Excavations of the Uldugichi I site in the Amur Region. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkhelogicheskogo s"ezda*. Kazan, 2014, vol. 3, pp. 494–498. (In Russ.)
44. Kovalenko S. V. Field studies of the Neolithic site on Lake Osinovoe in 2012. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 2014, vol. 7, pp. 102–129. (In Russ.)
45. Kovalenko S. V. Cartography of the Osinozersk archaeological culture in Western Amur Region. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i soprodel'nykh territoriy: materialy itogovoy sessii Instituta arkhologii i etnografii SO RAN*. Novosibirsk, 2013, vol. 19, pp. 297–301. (In Russ.)
46. Kovalenko S. V. Sites of the Neolithic Osinozersk culture on the left bank of the Upper- and Mid-Amur River. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Blagoveshchensk – Kheihе –Kharbin, 18–23 maya, 2015 g.)*. Blagoveshchensk, 2015, vol. 5, pp. 41–55. (In Russ.)
47. Zabiyaiko A. P., Mironov M. A. Kalinovka cult complex: the main results of the archaeological discoveries in 2006–2014. *Religiovedenie*, 2017, no. 4, pp. 5–20. (In Russ.)
48. Kovalenko S. V. History of studying the late Neolithic Osinozersk culture of Western Amur Region. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2017, vol. 24, no. 2, pp. 26–32. (In Russ.)
49. Nesterov S. P. The beginning of the early Iron Age in Primurye. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i soprodel'nykh territoriy: materialy itogovoy sessii Instituta arkhologii i etnografii SO RAN*. Novosibirsk, 2013, vol. 19, pp. 297–301. (In Russ.)
50. Derevyanko A. P., Derevyanko E. I., Nesterov S. P., Tabarev A. V., Uchida K., Kunikita D., Morisaki K, Matsuzaki H. New radiocarbon dates of the early Neolithic Gromatukha culture in western Amur Region. *Arkheologiya, etnografiya, i antropologiya Evrazii*, 2017, vol. 45, no. 4, pp. 3–12. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.003-012. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.01.2021

Дата рецензирования 22.01.2021

Статья принята к публикации 01.02.2021

DOI: 10.15372/HSS20210102

УДК 902/904(571)

С.П. НЕСТЕРОВ

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ПОЛЬЦЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОСТОЧНОМ ПРИАМУРЬЕ***Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

Появление в Восточном Приамурье польцевской культуры относят ко второй половине I тыс. до н.э. Концепция о ее происхождении на основе урильской культуры высказана после масштабных раскопок памятников в Кукелевском археологическом микрорайоне в 1960-е гг. Начало формирования польцевской культуры отнесли к VII–VI вв. до н.э. Дальнейшие исследования гончарства урильской и польцевской культур определили их сосуществование в пределах V в. до н.э. На современном этапе исследования польцевской культуры произошли заметные изменения в представлениях о генезисе данной культуры, получены новые радиоуглеродные даты для некоторых поселений, но основным пока остается положение об урильской составляющей как основе формирования польцевской культуры. Миграционное направление в формировании польцевской культуры обозначено не явно. Китайские исследователи отмечают сходство материалов культурного типа ваньяньхэ и культуры гуньтулин с сопредельной территории правого берега Амура – Нижнесунгарийской равнины, или Саньцзяна, с польцевской культурой. Они высказали предположение о миграционном характере появления этих культур в Приамурье, участие населения урильской культуры в их становлении ими также не отрицается.

Ключевые слова: Приамурье, польцевская культура, концепции происхождения, Саньцзян, ваньяньхэ, гуньтулин, миграция, относительная радиоуглеродная хронология.

S.P. NESTEROV

**THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM
OF THE POLTSE CULTURE ORIGIN IN THE EASTERN AMUR BASIN**Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Ak. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article presents a modern vision of the research history of the Poltse culture origin in the eastern Amur Basin. The main database appeared as a result of excavations in the 1960s of settlements of this culture near Kukelevo village at the Kochkovatka River, tributary of the Amur River. New excavations of the Poltse culture Zheltyy Yar, Malmyzh-I sites aimed to obtain new material to clarify the situation with its early stage. However, they made it possible to identify artifacts of this culture's late period and transition of population of the eastern Amur Basin to the early Middle Ages. Its formation on the basis of the Uril culture was attributed to the VII–VI centuries BC since the beginning of the study of the Poltse culture. Further studies of the pottery of the Ural and Poltse cultures proved their coexistence within the V century BC. The new radiocarbon dates for dwelling 1 of Zheltyy Yar site with Uril ceramic vessels have shown its existing in the II century BC. The author suggests that the Kolchem-type ceramics of the Lower Amur are very close to those of the Uril culture, and their carriers existed on the margins of the Poltse culture world at the turn of the era. These facts indicate that later the population of the Uril culture could live together in the same territory complementing each other with the achievements of their cultures in housing construction, everyday life and economic activity during the period of assimilation by the early carriers of the Poltse traditions. At the present stage of the study of the Poltse culture, certain changes have taken place in the perceptions of its genesis, new radiocarbon dates of some settlements have appeared, but the conclusion about the Uril component as the basis of its formation remains in the first place. The migration direction is not clearly indicated. The Chinese researchers see the similarity of the Wanyanhe and Guntulin culture materials in the Amur Basin (Heilongjiang) with the Poltse culture. However, they do not deny the participation of the Uril culture's population in their formation in the new territory.

Key words: Amur Basin, Poltse culture, origin concepts, Sanjiang, Wanyanhe, Guntuling, migration, relative, radiocarbon chronology

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Этнокультурная динамика в Приамурье во второй половине I тыс. до н.э.: происхождение польцевской культуры» № 20-09-00192А.

Сергей Павлович Нестеров – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: nest-erov@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3629-2730>.

Sergey P. Nesterov – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ. КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ РАСКОПОК

Первые систематические научные сведения об археологических материалах, в том числе о трех погребениях у памятника Винзавод в г. Хабаровске, из жилища пос. Малмыж-1, которые в дальнейшем были отнесены к польцевской культуре, были получены А.П. Окладниковым в ходе исследований на нижнем Амуре в 1935 г. [1, с. 17–19; 2, с. 165].

Следующий этап уже интенсивного накопления материалов по данной культуре приходится на конец 1950-х – 1960-е гг. Масштабные раскопки проведены на пос. Амурский Санаторий (Винзавод); открыты и исследованы поселения в окрестностях с. Кукелево Еврейской АО (Польце I, II, Кочковатка, Кукелево, Рыбное Озеро II, Круглое Озеро), а также на р. Бира (Желтый Яр). К 1970-м гг. на территории от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре обнаружено более 50 поселений польцевской культуры, получившей это название после раскопок 1963–1964 и 1966–1967 гг., 10 жилищ в 5 км западнее с. Кукелево, которое местные жители называют «Польце»¹. Всего же в восточной части Приамурья от Малого Хингана до низовьев Амура выявлено более 100 памятников [3, с. 6–7].

До начала XXI в. в изучении памятников польцевской культуры в Приамурье отмечается некоторое «затишье»: на протяжении примерно 30 лет масштабных раскопок не проводилось. Однако в эти годы выходит ряд монографических изданий, где обобщаются результаты исследования урильской и польцевской культур [2; 4; 5].

Раскопки польцевских памятников проводились, но в небольших объемах. Так, на Петропавловском озере В.Н. Копытько исследовано 11 погребений, совершенных по обряду кремации [6]; одно аналогичное захоронение раскопано В.Е. Медведевым на о. Сучу [7, с. 305]. Погребение на о. Сучу на Амуре имеет возраст, согласно калиброванным радиоуглеродным определениям (кал. $\pm 2\sigma$), между 106 г. до н.э. и 52 г. н.э. (2020 ± 30 л.н., СОАН-1279). Для Петропавловского могильника получены два неравнозначных калиброванных интервала: 350 г. до н.э. – 320 г. н.э. (1970 ± 100 л.н., ЛЕ-4167) и 210–640 г. н.э. (1620 ± 100 л.н., ЛЕ-4166) [8, с. 13]. Их корреляция позволяет отнести данный некрополь к 210–320 гг., т.е. к III – первой половине IV в. В.Е. Медведев все эти погребения датировал концом I в. до н.э. [8, с. 16]. Таким образом, получается, что у польцевского насе-

¹ Такое название в 1987 г. автор встретил в одном из археологических отчетов по Курской губернии Российской империи, хранящемся в Институте истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург. Данный факт свидетельствует о том, что среди казаков-переселенцев из Забайкалья, основавших в 1858 г. на левом берегу р. Кочковатка с. Кукелево, были выходцы и из далекой западной части России.

ления произошла смена погребального обряда с ингумации, представленной захоронениями недалеко от пос. Амурский Санаторий и на памятнике Кондон-Почта [3, с. 95–96; 7, с. 305], на кремацию.

Однако анализ опубликованных материалов погребений Петропавловского могильника позволяет усомниться в отнесении их к трупосожжениям. Не вызывает сомнения лишь факт использования огня в погребальном обряде, так как заполнение могильных яттен состоит из углистой массы; встречаются обгоревшие плахи от обкладки могилы; многие предметы (в том числе остатки берестяных емкостей), зерна проса и конопля, камни обожжены. Что касается остатков сожженных костей (пепла), то только в одном случае указывается на «мелкие косточки синечерного цвета», найденные рядом с обгоревшими плахами (погребение 7). Как человеческие они не определяются. Фрагменты скелетов из других погребений представлены обломками обгоревших (погребение 2) или не обгоревших (погребение 4, 10, 11) обломков трубчатых костей. Другой костный материал характеризуется как «несколько обожженных косточек» (погребение 3, 5), «мелкие косточки» в углистой массе (погребение 9). В погребении 8 костей человека вообще не было, а погребальный инвентарь состоял из вазовидного сосуда, кости животного и обгоревших зерен проса [6, с. 3–6]. Наличие в данных могилах незначительного количества обожженных человеческих костей, скорее, говорит об использовании огня во время вторичного погребения костей, собранных на месте первичного воздушного захоронения, чем об обряде трупосожжения.

В 1992–1993 гг. В.А. Дерюгиным на пос. Малмыж-1 раскопаны два жилища, материалы которых находят наиболее близкие аналоги и среди артефактов пос. Желтый Яр, Амурский Санаторий в Приамурье и Глазовка-городище в Приморье [2, с. 166]. В Приамурье, в Бикинском районе Хабаровского края, в 2000 г. В.А. Краминцевым при раскопках Васильевского городища зафиксирован ранний горизонт, относящийся к польцевской культуре. Из обнаруженных в нем около 200 фрагментов керамики восстановлены вазовидный и баночный сосуды с отогнутым наружу венчиком, а также крышки сосудов [9; 10]. Несколько памятников польцевской культуры открыто в долине р. Кур (левый приток Амура): Най-1 и -2, Мыс, Новокуровский Залив и др. На них обнаружены западины жилищ, найдены целые баночные сосуды с отогнутым наружу венчиком и крышки [11]. В 2008 и 2009 гг. О.В. Яншиной проведены новые раскопки двух жилищ на поселении Желтый Яр [12].

Всего за 85 лет раскопок памятников польцевской культуры в Восточном Приамурье исследовано около 30 жилищ, примерно 15 захоронений, совершенных разными способами, получены материалы из

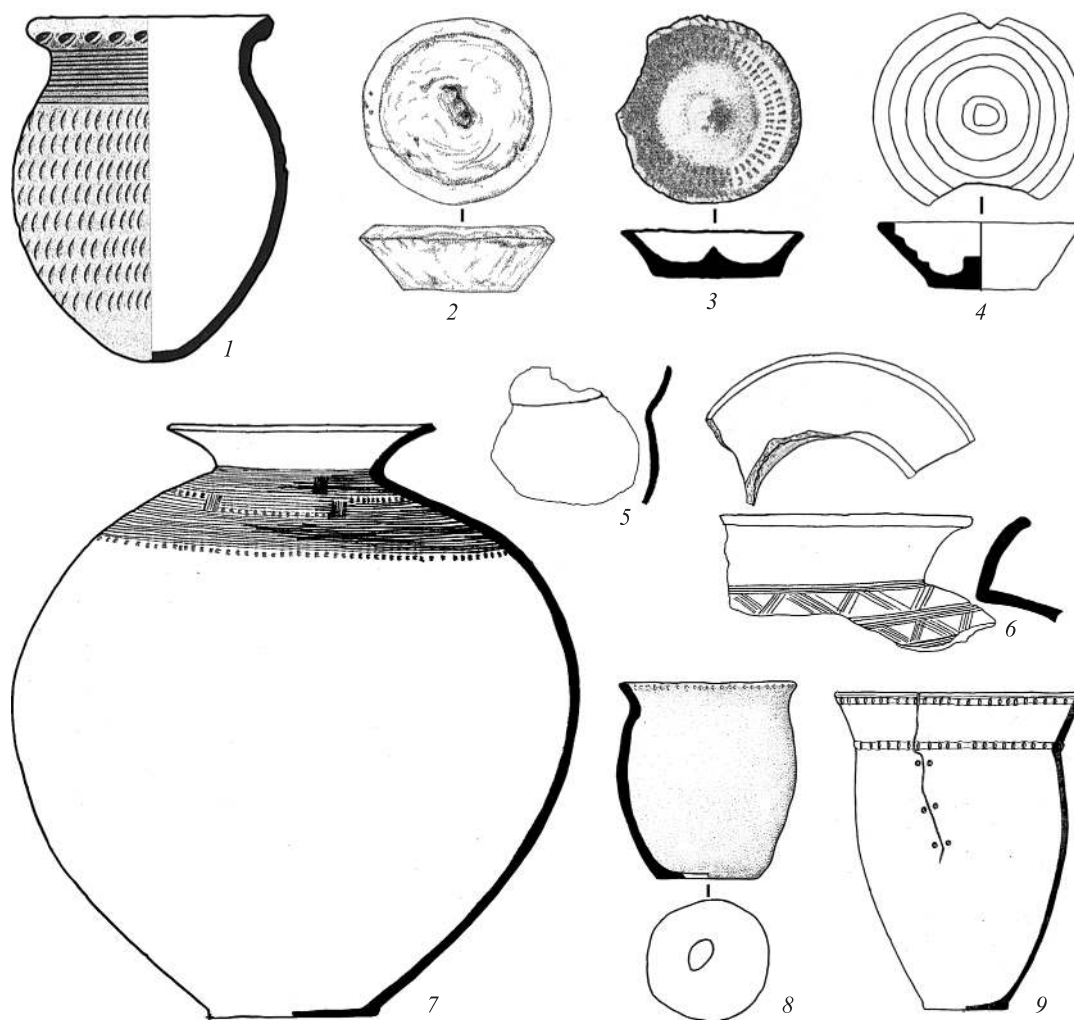
культурных слоев на нескольких многослойных объектах, в том числе на уже известном памятнике Амурский Санаторий [13].

КОНЦЕПЦИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОЛЬЦЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Основная концепция о происхождении польцевской культуры на местной более древней основе урильской культуры была высказана сразу же после раскопок ее памятников в 1960-е гг. В периодизации культуры были определены три хронологических этапа: желтоярковский – ранний или переходный от урильской культуры (Кочковатка, Рыбное Озеро II, Желтый Яр, Польце II); польцевский – время распространения классических памятников, таких как Польце I и Амурский Санаторий; и кукелевский – финаль-

ный, выделенный на тот момент условно (Кукелево, Бензобаки, Кочковатка II) [3, с. 158, 161].

Новые радиоуглеродные определения, полученные по трем образцам угля из жилища 1 (2008 г.) ключевого памятника Желтый Яр раннего этапа, неожиданно показали, что оно и жилище 2 относятся к V–VII вв. н.э. По мнению О.В. Яншиной, на памятнике Желтый Яр присутствуют два горизонта заселения данной площадки. К раннему относится жилище 1 (1967 г.), к позднему – жилище 2 (1969 г.) и жилища 1, 2 (2008 и 2009 гг.) [12, с. 264–267]. В целом позиция автора о принадлежности к раннепольцевскому этапу материалов из жилища 1 (1967 г.) не подвергается сомнению [12, с. 260]. Несмотря на то, что О.В. Яншина видит сходство сосудов первого типа с плавно вогнутой S-образной горловиной, яйце-

Керамика с поселений Желтый Яр (1, 4–9), Максим Горький (2) и Амурский Санаторий (3). 1 – по: [12, с. 262]; 4, 6–9 – по: [17, с. 196, 199, 202, 204, 205]; 2 – по: [4, с. 334]; 3, 5 – по: [3, с. 348, 311].

Ceramics from the settlements of Zheltyy Yar (1, 4–9), Maxim Gorky (2) and Amur Sanatorium (3). 1 – by: [12, p. 262]; 4, 6–9 – by: [17, p. 196, 199, 202, 204, 205]; 2 – by: [4, p. 334]; 3, 5 – by: [3, p. 348, 311].

видным туловом и сравнительно плоским дном (рисунок, 1) с посудой ольгинской культуры Приморья, она также указывает на аналогии и в Приамурье. По ее мнению, такая керамика здесь представлена достаточно широко (Малмыж-1, Ханку, Змейка-1, Удинск, Гагцынга, Кукульня, Быки-1 и др.). Но в целом вопрос о ее ареале остается открытым [12, с. 261–262, 270–271]. Данный тип сосуда с Желтого Яра И.Я. Шевкомуд назвал *маркером* не только для его позднего комплекса, но и в целом для кукелевского этапа польцевской культуры, добавив к списку О.В. Яншиной еще ряд памятников с нижнего Амура (Иннокентьевка-4, Сусанино-9, -10) [14, с. 167].

Эти последние наработки в исследовании проблем польцевской культуры ставили своей целью получение нового материала для прояснения ситуации с ее ранним этапом [12, с. 259]. Однако на деле они позволили выявить артефакты, которые характеризуют, скорее, последний этап данной культуры и переход населения Восточного Приамурья в следующую фазу исторического развития – в раннее Средневековье, которое на данной территории увязывается с известными из китайских летописей племенами хэйшуй мохэ. В.Е. Медведев полагает, что «в IV–V вв. в Приамурье и соседних регионах существовала гибридная польцевско-мохэская культура, а вернее – переходный период от одной культуры к другой» [15, с. 207]. При этом на современном этапе исследования позиция желтоярковского этапа как раннего, связанного с формированием польцевской культуры, осталась в том же виде, как она была сформулирована в 1960–1970-е гг.

В 1990-е гг. начало формирования польцевской культуры в V в. до н.э. в Восточном Приамурье было дополнительно обосновано А.В. Гребенщиковым на основании изучения гончарства носителей урильской культуры и серии полученных радиоуглеродных дат. По его мнению, близость ряда дат «разнокультурных комплексов эпохи раннего железа заставляет предполагать вероятность длительного сосуществования носителей урильской и польцевской культур» в рамках V в. до н.э. [16, с. 72].

О возможном сосуществовании населения двух культур на северо-востоке нижнего Амура писал И.Я. Шевкомуд, который считал, что керамика кольчёмского типа (Кольчём-3, верхний слой с жилищем; Голый Мыс-5, комплекс А) «очень близка урильской, но по радиоуглеродным датам (около рубежа эр) существующей уже в польцевском окружении. Вероятно, на окраинах польцевского культурного мира происходит некоторая консервация урильских традиций» [14, с. 170].

Эти факты говорят о том, что позднее население урильской культуры и ранние носители польцевских

традиций могли проживать чересполосно, дополняя достижениями своих культур друг друга в домостроении, быте и хозяйственной деятельности (жизнеобеспечении, гончарстве, металлургии и др.). К поздним памятникам урильской культуры в настоящее время относят поселения Кочковатка (жилище 1), Бензобаки, Петропавловка и Максим Горький, обитатели которых могли быть современниками польцевских первопоселенцев в Восточном Приамурье. «В керамических комплексах этих памятников отмечается присутствие посуды и предметов мелкой пластики типично польцевского облика, что может служить дополнительным аргументом в пользу идеи о непосредственном соседстве представителей различных этнокультурных групп древнего населения» [16, с. 72]. К числу таких изделий принадлежат чаши-светильники (рисунок, 2). Аналогичные чаши-жировики с выступом на дне для опоры фитиля есть в материалах польцевской культуры из жилищ 2, 9 поселения Польце I (7 экз., причем 5 из них происходят из жилища 2) (рисунок, 3), Польце II (2 экз.), Амурский Санаторий (2 экз.). Присутствуют светильники и в жилище 1 (1967 г.) поселения Желтый Яр, в материалах которого, по мнению исследователей, отражена конкретная специфика урило-польцевских изменений (рисунок, 4) [16, с. 72].

Еще одним признаком поздних памятников урильской культуры считается появление особого типа посуды с горловиной «необычных очертаний», под которыми подразумевается ее выпуклость наружу. На поселении Максим Горький – это горшки, на памятниках Бензобаки и Кочковатка такая горловина встречена на двух сосудах-сфероидах [16, с. 73]. Похожий фрагмент сосуда найден на памятнике Желтый Яр (рисунок, 5) [3, с. 341, табл. LXIII]. В публикации не указано, из какого он происходит жилища, но сравнение с полным поквадратным описанием результатов раскопок жилища 1 в 1967 г. позволяет исключить данный сосуд из материалов этого жилища и из пространства вокруг него на общей площади в 256 м² [17]. Он может быть связан или с артефактами из жилища 2 (1969), или с окружающей его территории. Необходимо заметить, что в керамических комплексах польцевской культуры сосудов с подобной горловиной, напоминающих тыкву-горлянку, не встречено.

Назвав польцевских первопоселенцев современниками позднеурильского населения, А.В. Гребенщиков, по сути, высказался за их переселение на данную территорию, не раскрывая района его исхода [16, с. 72]. Тем самым обозначено положение о происхождении польцевской культуры как миграционной, скорее всего, протопольцевские племена пришли на земли Восточного Приамурья (как левобережья, так и правобережья – в Саньцзян) и вступили с местным

урильским населением в этнокультурный контакт, который закончился ассимиляцией носителей урильской культуры, возможно, не ранее рубежа эр.

Если это так, то встает правомерный вопрос: могла ли ассимиляция продолжаться полтысячелетия, примерно с VI–V вв. до н.э.? И в этом плане очень важно определить хронологию позднего периода урильской культуры, ранние даты польцевской культуры и время бытования жилища 1 (1967 г.) поселения Желтый Яр, материалы которого легли в основу начального этапа польцевской культуры.

ХРОНОЛОГИЯ УРИЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Прежде чем говорить о хронологии урильской культуры в Восточном Приамурье, необходимо отметить, что, согласно миграционной концепции ее происхождения в Приамурье, протоурильское население переселилось в этот регион из западных и юго-западных пределов Маньчжурии и восточных районов Внутренней Монголии в XI в. до н.э. вследствие экспансии государства Западное Чжоу [18; 19, с. 245–246]. Двигаясь двумя путями – через верховья р. Нэнцзян (Нонни) и по долине р. Сунгари, две группы протоурильского этнокультурного конгломерата вышли соответственно: одна – в Западное Приамурье в район о. Урильского на Амуре, другая – в район впадения р. Сунгари в Амур. Естественной границей между двумя районами пришлого населения Маньчжурии, как и в предыдущие эпохи, стали горы Малого Хингана с труднопроходимым 150-километровым участком Амура, осложнявшим контакты населения к западу и к востоку от них.

На территории Приамурья урильская культура, согласно данным радиоуглеродного датирования ее памятников, существовала с XIII по III в. до н.э. (1260–204 гг. до н. э.) [20, с. 97, 103–104; 21, с. 90–93; 22; 23, с. 304–305].

Время существования населения урильской культуры в Западном Приамурье, согласно серии радиоуглеродных дат и стратиграфическим данным с памятников Сухие Протоки-1, -2, Букинский Ключ-1, Безумка, Малые Симичи на р. Бурее с четко разделяемыми культурными слоями, определяется от XI до II в. до н.э. В конце III–II в. до н.э. здесь в результате миграции из Восточного Забайкалья прототалаканских племен и при участии населения урильской культуры сформировалась талаканская культура заключительного этапа раннего железного века (II в. до н.э. – III в. н.э.).

Отсутствие в радиоуглеродной хронологии урильской культуры Западного Приамурья значительных «пробелов» свидетельствует о том, что датированы как ранний, так и поздний этапы ее развития.

Согласно радиоуглеродным определениям, в Восточном Приамурье урильская культура существовала в этих же хронологических рамках – XI–III в. до н.э. Здесь ее памятники обнаружены на территории от восточной границы Малого Хингана на восток до устья р. Амур, их много и на р. Уссури, вплоть до северной границы Приморского края [14, с. 161]. К ранним ее памятникам исследователи относят поселения Кукелевского археологического микрорайона в Еврейской АО: Рыбное Озеро, Кочковатка, Бензобаки [4, с. 243], вероятно, Круглое Озеро [16, с. 70], на нижнем Амуре – Голый Мыс-1 (слои 6–9) [14, с. 163]. Появление носителей урильской культуры на нижнем Амуре И.Я. Шевкомуд связал с миграцией урильского населения из Западного Приамурья, датируя его IX–VIII вв. до н.э., полагая, что с этого момента можно говорить о раннем железном веке в данном регионе. Исследователь также считал, что здесь он продолжался до III–I вв. до н.э., «до формирования польцевской культуры», отнесенной им уже к *развитому железному веку* [14, с. 143, 149, 166]. Поздними памятниками урильской культуры в Восточном Приамурье являются поселения Петропавловское, Максим Горький, Нижнетамбовское-2 и Нижнетамбовский могильник [14, с. 162]. Согласно трем синхронизированным калиброванным радиоуглеродным определениям, Нижнетамбовский могильник может быть датирован 80–90 гг. IV в. до н.э., хотя разброс калиброванных дат укладывается в период с конца IX (815 г.) до конца III в. (204 г.) до н.э. Могильник отнесен исследователями к позднему этапу урильской культуры, ко времени перехода к польцевской культуре [23, с. 304–305].

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ПОЛЬЦЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сложности с датировкой польцевской культуры появились сразу после масштабных раскопок в Кукелевском археологическом микрорайоне в 1960-х гг. Одно из первых радиоуглеродных определений по древесному углю с эпонимного памятника Польце I (без указания места, где он был собран, дана только глубина в 1,5 м от уровня современной поверхности) показало дату 2930 ± 80 л.н. (980 г. до н.э., ЛЕ-652) [24, с. 260]. Ее современная калибровка (программа Calib611) показала, что дата соответствует хронологическому диапазону $1323–923 (\pm 2\sigma, \text{вероятность } 95 \%)$ гг. до н.э., или второй половине XIV–X вв. до н.э. Обратив внимание на столь раннюю для польцевской культуры абсолютную дату (по сути, это начало формирования в Приамурье урильской культуры), А.П. Окладников и А.П. Деревянко заметили, что ее возраст все же «определяется тем, что она непосредственно следует по всем признакам за уриль-

ской культурой» [5, с. 276–277]. По их мнению, крупные сосуды-сфероиды из жилищ Польце I продолжают «в своих очертаниях и даже в орнаментике старые урильские традиции» [5, с. 271]. Остальные два радиоуглеродных определения по образцам угля с Польце I оказались примерно на 600 лет моложе даты 2930 ± 80 л.н. (ЛЕ-652); 2350 ± 40 л.н. (индекс лаборатории установить не удалось. – С. Н.) [3, с. 160], кал. 542–361 гг. до н.э. ($\pm 2\sigma$, вероятность – 96 %) и 2470 ± 60 л.н. (КРИЛ-7) [25, с. 180], кал. 767–411 гг. до н.э. ($\pm 2\sigma$, вероятность – 100 %). Синхронизация двух последних хронологических диапазонов показала, что поселение Польце I существовало в середине VI–V вв. до н.э.

Похожий временной отрезок – середину VI – середину IV в. до н.э. – показали два образца угля с древних поселений у с. Тахта Ульчского района Хабаровского края [26, с. 196]. Для поселения Тахта I получена дата 2385 ± 75 л.н. (СОАН-82)², кал. 770–358 гг. до н.э. ($\pm 2\sigma$, вероятность – 99 %). Для поселения Тахта II радиоуглеродное определение составило 2280 ± 100 л.н. (СОАН-83), кал. 570–87 гг. до н.э. ($\pm 2\sigma$, вероятность – 92 %).

Синхронизация временных отрезков, полученных для памятников Польце I, Тахта I и II, показала, что эти поселения польцевской культуры существовали в середине VI–V вв. до н.э. Такой хронологический расклад, полученный по четырем радиоуглеродным датам, подтверждает предложенную А.П. Дервянко датировку – конец желтоярковского этапа польцевской культуры в VI в. до н.э. и начало ее польцевского этапа, в который кроме Польце I и Амурского Санатория можно включить материалы с поселений Тахта I и II. Окончание этого этапа исследователь определил II–I вв. до н.э. [3, с. 161].

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЛИЩА 1 (1967 г.) ПОСЕЛЕНИЯ ЖЁЛТЫЙ ЯР

При определении культурно-хронологического места материалов из раскопок пос. Желтый Яр в конце 1960-х гг. в Восточном Приамурье А.П. Дервянко отметил, что сосуды и другие изделия из жилищ «имеют много аналогий в польцевской культуре, ...но нельзя не обратить внимание и на близость некоторых форм сосудов и их орнаментации с сосудами урильской культуры. Все это свидетельствует о том,

² Образец угля собран «на глубине 0,7–1,2 м от поверхности, в супесчаных осадках заключены прослойки и линзы очажного угля. Он предоставлен А.П. Окладниковым и Н.Д. Оводовым; археологическая датировка – неолит, начало II тыс. л. до н.э. Полученная дата соответствует 415 ± 75 г. до н.э. В присланном позднее личном сообщении А.П. Окладников изменил мнение об археологическом возрасте образца: «В данном случае (поселение Тахта) ранний, т.е. неолитический, слой прорезан землянками раннего железного века» [26, с. 196].

что поселения типа Желтый Яр представляют собой переходный этап от урильской к польцевской культуре» [3, с. 95]. Под близостью к урильской культуре имелись в виду, прежде всего, находки из жилища 1, так как жилище 2 (1969 г.) и материалы из него, по приведенному выше мнению О.В. Яншиной, принадлежат к более позднему этапу заселения этого места – первой половине I тыс. н.э.

Всего на полу жилища 1 найдено 6 археологически целых сосудов, из них 3 – это светильники (см. рисунок, 4) [17, с. 178; с. 207, табл. 14, 8]. Сосуд № 2 – «баночного типа, со слабо выпуклым туловом и широким дном. Венчик маленький, прямой, слегка отогнут наружу. По внешнему краю венчика сделаны редкие прямые вертикальные насечки (рисунок, 8) [17, с. 172, 199, табл. 6, 1]. Горшки с горловиной подобной морфологии являются ведущей категорией посуды у населения урильской культуры. Их прототипом могли быть сосуды с горловиной в культуре нижнего слоя сяцзядянь (например, пос. Сяньянлин) [27]. Данная керамическая традиция могла попасть в Приамурье в XI в. до н.э. с переселенцами протouriльского поликультурного конгломерата и получить здесь развитие уже в урильском гончарстве. Нанесение на срез венчика орнамента в виде насечек и различной формы вдавлений также характерно для данного типа сосудов урильской культуры [16, с. 81, табл. II, 1–4].

Сосуд № 3 – это большая емкость высотой около 37 см, тулово сферическое (рисунок, 7), с узкой горловиной и невысоким венчиком в виде широкого раструба (в первоначальном описании – «блюдовидно отогнутый»). Верх венчика плоский, срезан во внешнюю сторону, имеет насечки. От нижней линии горловины и по плечикам сосуд украшен широким поясом из горизонтально прочерченных линий, разрываемых короткими 5–6 штрихами и недлинными линиями ямок-наколов, сплошной ряд которых в нижней части орнаментального поля ограничивает всю композицию. Остальная часть тулова без орнамента [17, с. 174; с. 202, табл. 9, 1]. В этом же жилище найдены большой фрагмент венчика и 3 обломка орнаментированных разнонаправленными зубчатыми прочесами плечиков от сосудов аналогичных форм (см. рисунок, 6) [17, с. 176, 202, 203]. Данный тип сосуда-сфероиды имеет многочисленные аналогии среди емкостей урильской культуры, в том числе с поселения Урильский Остров [16, с. 43, рис. 30; с. 46; с. 90, табл. XI, 3, 4] в Западном Приамурье, которое не входило в ареал польцевской культуры.

Сосуд № 4 – «большой ведрообразный, слабо-профилированный..., с яйцевидновыпуклым туловом, вытянутым к узкому выделенному дну. Венчик – прямой конусовидный раструб. Сосуд орнаментирован двумя наклепными рассеченными валиками, один

**Радиоуглеродные даты, полученные по нагару на поверхности керамики из жилища 1 (1967)
памятника Желтый Яр**

**Radiocarbon dates obtained from carbon deposits on the ceramic surface from dwelling 1 (1967)
of the Zholtiy Yar site**

Номер фрагмента керамики по описи Number fragment of ceramic according to inventory	Радиоуглеродный возраст, л.н. Radiocarbon age, BP	Индекс лаборатории Laboratory index	Калиброванная дата* ($\pm 1\sigma$), до н.э. Calibrated date ($\pm 1\sigma$) BC	Калиброванная дата ($\pm 2\sigma$), до н.э. Calibrated date ($\pm 2\sigma$) BC	$\delta^{13}\text{C}$, ‰
1093	2,240 \pm 20	IAAA-100629	377–355 (29 %) 287–233 (71 %)	386–350 (29 %) 310–209 (71 %)	–25.9
1163	2,140 \pm 20	IAAA-100630	338–330 (6 %) 203–161 (80 %) 132–118 (14 %)	349–313 (14 %) 208–95 (86 %)	28.2
1546	2,110 \pm 30	IAAA-100631	179–92 (96 %) 67–63 (6 %)	203–46 (100 %)	–

*Для определения калиброванных значений использовалась «Calib radiocarbon calibration program» (Calib611) [28].

из них налеплен под внешним краем венчика, второй – на изгибе у горловины» (рисунок, 9) [17, с. 177–178; с. 196, рис. 3]. По морфологии это – баночный (ситулообразный) сосуд, который имеет аналогии среди посуды урильской культуры (тип 3 группы открытых сосудов [16, с. 41, 42, рис. 29; с. 44]). Расположение налепных рассеченных валиков на сосуде также схоже с орнаментацией урильских сосудов как в Западном (Урильский Остров, Сухие Протоки-2, Букинский Ключ-1), так и в Восточном (Бензобаки, Рыбное Озеро) Приамурье [17, с. 91, табл. XII, 4, 6; с. 93, табл. XIV, 8; с. 80, табл. I, 16; с. 95, табл. XVI, 10; 21, с. 130, рис. 5, 2].

Приведенные характеристики сосудов с пола жилища 1 (1967 г.) Желтого Яра свидетельствуют о том, что данная постройка относится к урильской, а не к польцевской культуре. Этому не противоречит обнаружение фрагментов керамики с вафельным орнаментом, с серией горизонтальных валиков на горловине, папиллярными отпечатками. На сосудах урильской культуры выглаженные валики, скомпонованные в единое орнаментальное поле, известны, начиная с ее раннего периода (Букинский Ключ-1, слой 5.1 и 3.3 – Западное Приамурье, р. Буря; Петропавловка – Восточное Приамурье) [16, с. 104, табл. XXV, 2; 21, с. 157, рис. 22, 4; с. 151, рис. 26, 13]. Сосуд, сплошь покрытый вафельными отпечатками, найден на памятнике Букинский Ключ-1 в слое 5.1 с артефактами только урильской культуры [21, с. 35, рис. 15]. Вафельные оттиски нанесли роликовыми штампами, которыми покрывали поверхность сосудов до основания плечиков, изредка, как отмечалось выше, и всю поверхность [16, с. 53]. Обнаруженные в жилище 1 (1967) Желтого Яра каменные плечиковые мотыжки [17, с. 206, табл. 13, 4, 5] также характерны для урильской культуры [4, с. 349, табл. LXXV].

О.В. Яншина в результате новых раскопок на памятнике Желтый Яр пришла к выводу о том, что жилища 1, 2 (2008 и 2009 гг.) и, видимо, жилище 2 (1969 г.) представляют поздний этап польцевской культуры. Керамика же с пола жилища 1 (1967 г.) маркирует предположительно ранний этап освоения данной возвышенности, и она сопоставима с материалами пос. Амурский Санаторий, который исследователи относят к началу формирования польцевской культуры, или, точнее, отмечают урило-польцевские изменения [3, с. 90–95; 12, с. 265; 16, с. 72]. Одним из аргументов таких процессов на фоне признания артефактов из жилища 1 (1967) ранними [12, с. 265] стала находка в нем 3 светильников как свидетельство урило-польцевских взаимоотношений (см. выше). Однако если признать жилище 1 (1967 г.) урильским, то и появление в быту чаш-светильников можно считать достижением носителей этой культуры.

Для уточнения времени бытования жилища 1 (1967 г.) приведем радиоуглеродные определения, полученные в 2010 г. (см. таблицу).

Полученные временные интервалы, в течение которых мог накапливаться нагар на сосудах, дали следующие значения ($\pm 2\sigma$): 386–209 (IAAA-100629); 349–95 (IAAA-100630) и 203–46 гг. до н.э. (IAAA-100631)³. Синхронизация данных значений показала хронологический отрезок 209–95 гг. до н.э., или последнее десятилетие III – первое десятилетие I в. до н.э.

³ Предварительно обработанные образцы превращали в графит в Institute of Accelerator Analysis Ltd. (IAA). Наличие большого влияния «пресноводного резервуарного эффекта» на результаты радиоуглеродного датирования не зафиксировано.

Автор благодарит профессора Минору Сакамото из National Museum of Japanese History и профессора Исао Усуки из Sapporo Gakuin University за возможность воспользоваться результатами радиоуглеродного датирования.

Если исходить из факта принадлежности жилища 1 (1967 г.) Желтого Яра носителям урильской культуры, датировка которого приходится в основном на II в. до н.э., то переходный желтоярковский этап, к которому относятся памятники Кочковатка II, Рыбное Озеро II и Польце II, таким образом, меняет свою позицию на хронологической шкале – с VII–VI, максимум на конец III – начало I в. до н.э. Или придется признать, как отмечал И.Я. Шевкомуд для урильской керамики кольчёмского типа (см. выше), проживание позднего урильского населения в окрестности носителей польцевской культуры.

Время финального этапа урильской культуры А.В. Гребенщиков, исходя из двух некалиброванных радиоуглеродных дат (2420 ± 60 л.н., СОАН-2617; 2350 ± 20 л.н., СОАН-2618) образцов угля с пола жилища 1 в пос. Кочковатка у с. Кукелево и двух определений для жилищ 5 (2490 ± 30 л.н., Ки-3748) и 6 (2540 ± 50 л.н., Ки-3749) памятника Максим Горький с нижнего Амура, определяет VI–V вв. до н.э. [16, с. 72]. Калибровка ($\pm 2\sigma$) этих двух дат с Кочковатки, а также еще двух радиоуглеродных определений, одно – угля из заполнения котлована (2565 ± 25 л.н., СОАН-2616), другое – костей из трех ям под полом жилища 1 (2660 ± 30 л.н., Ки-3752) [21, с. 119], показала два хронологических отрезка: 808–800 гг. до н.э. (ямы и заполнение котлована) и 407–398 гг. до н.э. (пол). Более надежными выглядят радиоуглеродные даты угля с пола жилища – V–IV вв. до н.э. Образец костей из трех ям явно сборный, а в котлован уголь мог высыпаться из слоев, содержащих следы более древних пожарниц, в том числе природных.

По калиброванным ($\pm 2\sigma$) датам двух жилищ поселения Максим Горький установлен временной промежуток их бытования – 790–520 гг. для жилища 5 и 812–418 гг. до н.э. для жилища 6. Их синхронизация показала хронологический отрезок существования поселения между 790 и 520 гг. до н.э., или VIII–VI вв. до н.э., что довольно много для одного поселения, хотя верхняя дата укладывается в начало финального этапа урильской культуры в Восточном Приамурье. Но знаменует ли она начало урило-польцевских отношений?

НОВЫЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ В РАЗВИТИИ ПОЛЬЦЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование гончарства населения польцевской культуры позволило Хон Хён У показать, что «материалы польцевской культуры сопоставимы с материалами ряда культур Маньчжурии. Они полностью идентичны культуре [культурного типу. – С.Н.] ваньяньхэ и находят много аналогий в культурах гуньтулин и фэнлинь. Больше всего сходных черт в морфологии и орнаментации керамических сосудов

отмечено между этапами I и II культуры гуньтулин (II в. до н.э.– II в. н.э.) и пос. Польце I». Так, найденный на пос. Польце I сосуд с ручкой демонстрирует связь с культурой гуньтулин, «поэтому мы можем датировать данный памятник II–I вв. до н.э., а поселения Желтый Яр и Амурский Санаторий – более ранним временем, IV–III вв. до н.э.» [29, с. 24–26].

По этим датам и результатам анализа керамического материала Хон Хён У построена относительная типология и хронология польцевских памятников Восточного Приамурья. Первый этап (Кочковатка II, Рыбное Озеро II) датируется VI–IV вв. до н.э., второй (Желтый Яр, Амурский Санаторий) – IV–III вв. до н.э., третий (Польце I, II, Най I) – II–I вв. до н.э. [29, с. 21].

Несмотря на изменение содержания этапов развития польцевской культуры, Хон Хён У полагает, что памятники первого и частично второго этапа или имеют достаточно много урильских черт в керамике (Желтый Яр), или посуда еще сохраняет единичные признаки этой культуры (например, блюдовидно отогнутый венчик с Амурского Санатория). На третьем этапе на керамике Польце I они уже не фиксируются. В Приамурье с появлением польцевских памятников типа Польце I, II и Най I памятники типа Амурского Санатория исчезают [29, с. 23].

Что касается точек зрения китайских исследователей на происхождение польцевской культуры, то, несмотря на то, что они связывают его, как и появление культурного типа ваньяньхэ на территории Нижнесунгарийской равнины (Саньцзяна), с переселением протопольцевского населения с территории Ляодунского полуострова и районов нижнего течения р. Ляохэ [30, с. 271], все же допускают участие в формировании этой культуры носителей урильской культуры. Среди некоторых китайских исследователей существует концепция о существовании единого культурного образования, которое на равнине Саньцзян представлено культурным типом ваньяньхэ [31], а в российском Приамурье польцевской культурой. Они также полагают, что из него впоследствии выделилась культура гуньтулин [32, с. 26]. Однако есть и другое мнение, согласно которому культура гуньтулин не имеет общих корней с ваньяньхэ и польцевской культурой, несмотря на ряд явных аналогий [33].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ мнений исследователей о происхождении польцевской культуры в Восточном Приамурье показал, что, несмотря на некоторые изменения в структуре ее генезиса, новые абсолютные даты, уточнившие хронологию некоторых поселений, все еще дискуссионным остается положение об

урильской составляющей как основе ее формирования. Миграционное направление формирования польцевской культуры в исследованиях обозначено не явно (отмечена только допустимость того, что польцевские первооселенцы в V в. до н.э. были современниками позднеурильского населения; есть упоминание о населении с керамикой, близкой урильской: оно проживало около рубежа эр на окраинах польцевского культурного мира), хотя, на наш взгляд, этот факт является перспективным. Если появление в Восточном Приамурье польцевской культуры исследователи в целом относят ко второй половине I тыс. до н.э., то начало ее формирования определяют VII–VI вв. до н.э. Однако все имеющиеся радиоуглеродные даты для поселений Польце I, Тахта I и II, Сикачи-Алян [22], скорее, маркируют начальные этапы урильской культуры, нежели польцевской. Не исключено, что их хронологические определения вполне могут датировать какие-то события времени существования урильской культуры (например, пожарища) и не иметь отношения к упомянутым польцевским поселениям. Поэтому определение радиоуглеродным методом времени бытования эпонимного памятника Польце I является актуальной задачей дальневосточной археологии раннего железного века. На его материалы завязаны многие этнокультурные построения истории населения в раннем железном веке и в переходе к эпохе раннего Средневековья не только в Приамурье и Приморье, но и на сопредельных территориях.

В противоположность точке зрения российских ученых, китайские археологи отмечают схожесть культурного типа ваньяньхэ и культуры гуньтулин с Нижнесунгарийской равнины (Саньзяна) с польцевской культурой и их миграционное происхождение, хотя участие населения урильской культуры в становлении этих культур на новой территории ими также не отрицается.

В отличие от переселения протоурильского культурного конгломерата из Маньчжурии в Приамурье в XI в. до н.э., когда они пришли, по сути, на опустевшие по невыясненным пока причинам земли [14], протопольцевские племена, предположительно мигрировавшие сюда во второй половине I тыс. до н.э., столкнулись здесь с поздним населением урильской культуры. Возможно, именно о факте прихода нового населения свидетельствуют элементы аборигенной материальной культуры в материалах польцевской культуры, и наоборот. Главная задача современных исследований – выявление данных элементов и поиск им аналогий для того, чтобы понять механизм взаимодействия двух культур и определить хронологический период, когда это произошло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Окладников А.П.* О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск: Наука, 1980. С. 3–52.
2. *Дерюгин В.А.* Результаты раскопок на поселении Малмыж-1 в 1992–93 гг. // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 165–171.
3. *Деревянко А.П.* Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.
4. *Деревянко А.П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 356 с.
5. *Окладников А.П., Деревянко А.П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.
6. *Копытько В.Н.* Петропавловка – могильник раннего железного века (польцевская культура) // Новейшие исследования памятников первобытной эпохи на юге Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1988. С. 3–7.
7. *Медведев В.Е.* Об исследовании польцевской культуры в Приамурье // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 298–308.
8. *Медведев В.Е.* Корсаковский могильник: хронология и материалы. Новосибирск: Наука, 1991. 175 с.
9. *Краминцев В.А.* Поселение и городище Васильевка-3 – новые памятники польцевского времени в Бикинском районе Хабаровского края // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. Т. 3. С. 82–89.
10. *Краминцев В.А.* Васильевское городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 130–139.
11. *Васильев Ю.М.* Памятники польцевской культуры р. Кур // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 156–174.
12. *Янишина О.В.* Поселение Жёлтый Яр: к проблеме соотношения польцевских и ольгинских памятников // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток: ООО «Рея», 2010. С. 259–272.
13. *Краминцев В.А., Киселев С.А., Черников Е.В.* Поселение Амурской Санаторий. История исследований и спасательные археологические раскопки в 2017 году // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. СПб.: Изд-во «Росток», 2018. С. 137–145. DOI: 10.18411/kra-2018-20.
14. *Шевкомуд И.Я.* Неолит – палеометалл в нижнем Приамурье – концепция палеоэтнокультурного развития. // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 140–176.
15. *Медведев В.Е.* Двухслойный памятник Амурзет и некоторые вопросы археологии Приамурья // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 199–228.
16. *Гребеничиков А.В., Деревянко Е.И.* Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железного века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 120 с.
17. *Деревянко А.П., Глинский С.В.* Поселение раннего железного века у села Желтый Яр Еврейской автономной области // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СОАН СССР, 1972. С. 145–207.
18. *Нестеров С.П., Гирченко Е.А.* Концепции происхождения урильской культуры в Приамурье // Восток Азии: проблемы изуче-

ния и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. СПб: Изд-во «Росток», 2018. С. 201–209. DOI: 10.18411/nes-2018-27.

19. Подутов А.В. Род сушэнь в китайских письменных памятниках // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2016. Вып. 4. С. 244–260.

20. Древности Буреи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 352 с.

21. Шеломихин О.А., Нестеров С.П., Алкин С.В. Долина Буреи в эпоху палеометалла: материалы и исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. 194 с.

22. Нестеров С.П., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А. Хронология культур раннего железного века и средневековья Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 3. С. 19–25.

23. Шевкомуд И.Я., Бочкарева Е.А., Косицына С.Ф., Мацумото Т., Учуда К. Исследования Нижнетамбовского могильника (о погребении воина с мечом) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 2. С. 301–306.

24. Семенов А.А., Романова Е.Н., Долуханов П.М. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА // Сов. археология. 1969. № 1. С. 251–261.

25. Нацокин В.Д., Стариков Э.В., Жидовленко В.А. Радиоуглеродная датировка лаборатории истории лесов Сибири и Дальнего Востока Института леса и древесины им. В.Н. Сукачева СО АН СССР г. Красноярск (сообщение I) // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. 1973. № 40. С. 180–192.

26. Фирсов Л.В., Панычев В.А., Орлова Л.А. Радиоуглеродные даты лаборатории геохронологии Института геологии и геофизики СО АН СССР, Новосибирск // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. 1972. № 38. С. 190–197.

27. Нестеров С.П., Гирченко Е.А. Морфологический анализ сосудов с горловиной эпохи палеометалла Приамурья и Южной Маньчжурии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 522–527. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.522-527.

28. Stuiver M., Reimer P.J. Extended ¹⁴C Data Base and Revised CALIB 3.0 ¹⁴C Age Calibration Program // Radiocarbon. 1993. Vol. 35, N 1. P. 215–230.

29. Хон Хён У. Керамика польцевской культуры на востоке Азии (V в. до н.э. – IV в. н.э.): автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 30 с.

30. Нестеров С.П., Соболев А.Е. Культурный тип ваньяньхэ на северо-востоке Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 556–564. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.556-564.

31. Чжунго дунбэй дицуй Ся чжи Чжаньго шици дэ каогу вэньхуа яньцзю (Исследование археологических культур на территории северо-востока Китая от эпохи династии Ся до периода Сражающихся царств). Пекин: Изд-во Кэсюэ, 2009. 318 с. (на кит. яз.).

32. Цзя Вэймин, Вэй Гоцзун. Лунь илоу дэ каогусюэ вэньхуа (К вопросу об археологической культуре илоу) // Бэйфан вэньху. 1989. № 3. С. 24–29 (на кит. яз.).

33. Ян Ху, Линь Сюэжэнь. Шилунь Ваньяньхэ лэйсин юй Поэрцай вэньхуа дэ гуаньси (О связях польцевской культуры и культурного типа ваньяньхэ) // Бэйфан вэньху. 2006. № 4. С. 21–27 (на кит. яз.).

REFERENCES

1. Okladnikov A. P. On the works of the archaeological team of the Amur Complex Expedition in the lower Amur River in summer

1935. *Istochniki po arkheologii Severnoy Azii (1935-1976)*. Novosibirsk, 1980, pp. 3–52. (In Russ.)

2. Deryugin V. A. The results of excavations at the Malmyzh-I settlement in 1992–93. *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostey vostoka Azii*. Khabarovsk, 2009, pp. 165–171. (In Russ.)

3. Derevyanko A. P. Amur Basin (I millennium BC). Novosibirsk, Nauka, 1976, 384 p. (In Russ.)

4. Derevyanko A. P. Early Iron Age of the Amur Basin. Novosibirsk, Nauka, 1973, 356 p. (In Russ.)

5. Okladnikov A. P., Derevianko A. P. The distant past of Primorie and Amur Basin. Vladivostok, Far East Book Publ., 1973, 440 p. (In Russ.)

6. Kopyt'ko V. N. Petropavlovka is a burial ground of the Early Iron Age (Poltse culture). *Noveyshie issledovaniya pamyatnikov pervobytnoy epokhi na yuge Dal'nego Vostoka SSSR*. Vladivostok, 1988, pp. 3–7. (In Russ.)

7. Medvedev V. E. On studying the Poltse culture in the Amur Basin. *Fundamental'nyye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii*. Novosibirsk, 2013, pp. 298–308. (In Russ.)

8. Medvedev V. E. Korsakov. Burial ground: chronology and materials. Novosibirsk, Nauka, 1991, 175 p. (In Russ.)

9. Kramintsev V. A. The settlement and fortress of Vasilyevka-3 are new sites of the Poltse time in the Bikinsky district of Khabarovsk Region. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Blagoveshchensk, 2002, vol. 3, pp. 82–89. (In Russ.)

10. Kramintsev V. A. Vasilyevskoe fortress. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i Tsentral'noy Azii*. Vladivostok, 2002, pp. 130–139. (In Russ.)

11. Vasil'ev Yu. M. Sites of the Poltse culture of the Kur River. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka*. Vladivostok, 2002, pp. 156–174. (In Russ.)

12. Yanshina O. V. Settlement Zheltyy Yar: on the problem of correlation between the Poltse and Olga sites. *Priotkryvaya zavesu tysyacheletiy: k 80-letiyu Zhanny Vasil'evny Andreevoy*. Vladivostok, 2010, pp. 259–272. (In Russ.)

13. Kramintsev V. A., Kiselev S. A., Chernikov E. V. Settlement Amur Sanatorium. Research history and rescue archaeological excavations in 2017. *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona*. Saint Petersburg, 2018, pp. 137–145. DOI: 10.18411/kra-2018-20. (In Russ.)

14. Shevkomud I. Ya. Neolithic–paleometal in the lower Amur Basin, the concept of paleoethnocultural development. *Pervobytnaya arkheologiya Dal'nego vostoka Rossii i smezhnykh territoriy Vostochnoy Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Vladivostok, 2015, pp. 140–176. (In Russ.)

15. Medvedev V. E. Amurzet, a two-layer site, and some questions of archaeology of the Amur Basin. *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostey vostoka Azii*. Khabarovsk, 2009, pp. 199–228. (In Russ.)

16. Grebenshchikov A. V., Derevyanko E. I. Pottery of the ancient tribes of the Amur Basin (beginning of the early Iron Age). Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2001, 120 p. (In Russ.)

17. Derevyanko A. P., Glinsky S. V. Settlement of the early Iron Age near Zhelty Yar village in Jewish Autonomous Region. *Materialy po arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1972, pp. 145–207. (In Russ.)

18. Nesterov S. P., Girchenko E. A. Concepts of Uril culture origins in the Amur Basin. *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona. K 15-letiyu Tsentra po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Amurskoy oblasti*. Saint Petersburg, 2018, pp. 201–209. DOI: 10.18411/nes-2018-27. (In Russ.)

19. Polutov A. V. The Sushen clan in Chinese written records. *Srednevekovyye drevnosti Primor'ya*. Vladivostok, 2016, iss. 4, pp. 244–260. (In Russ.)

20. Derevyanko E. I. (ed.) Antiquities of Bureya. Novosibirsk, Inst. of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2000, 352 p. (In Russ.)

21. Shelomikhin O. A., Nesterov S. P., Alkin S. V. The valley of the Bureya River in the Paleometal era: materials and research of Bukinsky Klyuch-1 and Bezumka sites. *Blagoveshchensk*, 2017, 194 p. (In Russ.)
22. Nesterov S. P., Kuzmin Ya. V., Orlova L. A. Chronology of the cultures of the early Iron Age and the Middle Ages of the Amur Basin. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 1998, no. 3, pp. 19–25. (In Russ.)
23. Shevkomud I. Ya., Bochkareva E. A., Kositsyna S. F., Matsu-moto T., Uchida K. Research of the Nizhnetambov burial ground (on the burial of a soldier with a sword). *Severnaya Evraziya v antropo-gene: chelovek, paleotekhnologii, geokologiya, etnologiya i antropo-logiya: materialy Vseros. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Irkutsk, 2007, vol. 2, pp. 301–306. (In Russ.)
24. Sementsov A. A., Romanova E. N., Dolukhanov P. M. Radiocarbon dates of the LOIA laboratory. *Sovetskaya arkheologiya*, 1969, no. 1, pp. 251–261. (In Russ.)
25. Nashchokin V. D., Starikov E. V., Zhidovlenko V. A. Radiocarbon dating of the Laboratory of the Forest History in Siberia and the Far East of the V.N. Sukachev Institute of Forest and Timber of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Krasnoyarsk (Communication 1). *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*, 1973, no. 40, pp. 180–192. (In Russ.)
26. Firsov L. V., Panychev V. A., Orlova L. A. Radiocarbon dates of the Laboratory of Geochronology, Institute of Geology and Geophysics, Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Novosibirsk. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*, 1972, no. 38, pp. 190–197. (In Russ.)
27. Nesterov S. P., Girchenko E. A. Morphological analysis of vessels with the neck of the Paleometal age from the Amur Region and Southern Manchuria. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2019, vol. 25, pp. 522–527. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.522-527. (In Russ.)
28. Stuiver M., Reimer P. J. Extended ¹⁴C data base and revised CALIB 3.0 ¹⁴C age calibration program. *Radiocarbon*, 1993, vol. 35, no. 1, pp. 215–230.
29. Woo H. H. Ceramics of the Poltse culture in the East of Asia (V century BC – IV century AD): diss. abstr. Novosibirsk, 2008, 30 p. (In Russ.)
30. Nesterov S. P., Sobolev A. E. Wanyanhe cultural type in north-eastern China. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2020, vol. 26, pp. 556–564. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.556-564. (In Russ.)
31. The study of archaeological cultures in the territory of China's north-east from the era of the Xia Dynasty to the Warring States. Beijing: Kexiue, 2009, 318 p. (In Chin.)
32. Jia W., Wei G. On the question of the archaeological culture of the Yilou. *Beifang wenwu*, 1989, no 3, pp. 24–29. (In Chin.)
33. Yang H., Lin X. On the connections between Poltse culture and the Wanyanhe cultural type. *Beifang wenwu*, 2006, no 4, pp. 21–27. (In Chin.)

Статья поступила в редакцию 06.01.2021

Дата рецензирования 24.01.2021

Статья принята к публикации 01.02.2021

DOI: 10.15372/HSS20210103

УДК 903.22

А.Л. НЕСТЕРКИНА, Е.А. СОЛОВЬЕВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ В КОРЕЕ И ЯПОНИИ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

В эпоху палеометалла на территории древней Кореи и Японии формируется отношение к предметам вооружения как к объектам, обладающим сакральным значением и маркирующим особый социальный статус их владельцев. В пользу этого свидетельствуют морфологические особенности и археологический контекст обнаружения предметов вооружения. По итогам анализа археологических источников получены выводы о том, что в древней Корее из всех предметов вооружения особым почитанием пользовались каменные кинжалы, бронзовые скрипковидные и узколезвийные кинжалы, а в древней Японии – бронзовые узколезвийные кинжалы, клевцы и копья. Особого внимания при изучении ритуальной функции оружия в Корее и Японии заслуживают уникальные памятники – оружейные клады и изображения предметов вооружения на элементах погребальных конструкций и утвари. Важную роль оружия в ритуальных практиках наглядно демонстрируют также находки клевцов с антропоморфными изображениями в Японии.

Ключевые слова: древняя Корея, древняя Япония, бронзовое оружие, узколезвийный кинжал, скрипковидный кинжал, клевец, копье, ритуальная практика.

A.L. NESTERKINA, E.A. SOLOVYEVA

SEVERAL ASPECTS OF USING WEAPONS IN ANCIENT KOREA AND JAPAN IN PALEOMETAL EPOCH

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentieva Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

There are cases of finding weapons in burials and hoards of the Paleometal epoch in the territory of the Korean Peninsula and the Japanese Islands. The archaeological context of such findings and their morphological features testify to the ritual use of weapons. The study objective is a comparative analysis of some categories of findings. Bronze and iron weapons are most often found in burials expressing a special relation towards the buried person and emphasizing a high social status in the ancient Korean area. Stone models of daggers, which should be used only in ritual practice, became widespread in the Paleometal epoch. The petroglyphic images on the dolmen “lids” are known as well. Besides, the hoards containing weapons have been found. Based on the archaeological source analysis, the authors conclude that stone daggers, bronze broad bladed and narrow-bladed daggers were the most worshiped in ancient Korea. In the territory of ancient Japan weapons are found in burials and hoards. Weapons in the burials were found mainly in the sites of the northern Kyushu Island; the main flow of migrations from mainland China and the Korean Peninsula passed through this part of the Japanese Islands. For a long time bronze and iron continued to be the subject of import for the inhabitants of ancient Japan, so the findings of numerous objects made of metal are rare. In western Japan, several hoards of bronze objects consisting of *dotaku* bells, daggers or short swords, tanged spearheads and spears are known. Two tanged spearheads with faces on the back side take a special place, and a pictorial representation of weapons on a ceramic fragment clearly emphasizes the sacred meaning of objects. Thus, the author concludes that a special relation to weapons as objects of sacred significance was formed in the Paleometal epoch in the territory of ancient Korea and Japan.

Key words: ancient Korea, ancient Japan, bronze weapon, dagger, broad-bladed dagger, tanged spearhead, spear, ritual practice.

Анастасия Леонидовна Нестеркина – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: a.l.subbotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3703-1527>.

Елена Анатольевна Соловьева – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: easolovievy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3481-7292>.

Anastasiya L. Nesterkina – Candidate of Historical Sciences, Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Elena A. Solovyeva – Candidate of Historical Sciences, Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху палеометалла на территории Корейского полуострова и Японского архипелага получают распространение оригинальные по своим морфологическим особенностям образцы оружия – кинжалы, клевцы, наконечники пик и копий. В Корее этот период соответствует бронзовому и раннему железному веку и датируется X в. до н.э. – III в. Здесь самым распространенным типом оружия считаются кинжалы. В эпоху бронзы кинжалы в Корее из-за своей специфической формы получили название «скрипковидные». На этапе поздней бронзы – раннего железа оформляется новый тип бронзовых кинжалов, являющийся продолжением линии развития скрипковидных клинков, с зауженным лезвием и уменьшенными боковыми выступами – «узколезвийные». Кроме того, наряду с бронзовыми кинжалами в бронзовом веке на территории Кореи использовались и каменные кинжалы. В Японии указанный период соответствует периоду *яёй*. В качестве типичных предметов вооружения в данное время можно отметить аналогичные корейским бронзовые узколезвийные кинжалы и клевцы.

Некоторые ученые, обращаясь к материалам Северо-Восточного Китая, считают, что бронзовые кинжалы в основной своей массе однозначно использовались в качестве оружия. Типологические изменения в кинжалах вызваны изменениями в способах применения их в войнах. Кинжалы с выраженными выступами (скрипковидные) использовались для прямого колющего удара, а кинжалы без выступов (узколезвийные) – для колющего и режущего ударов. Тем не менее отмечается, что ни в одной из локальных культур с бронзовыми кинжалами на территории Маньчжурии не выявлено явных свидетельств применения бронзовых кинжалов в боевых действиях [1, с. 103, 106].

По аналогии с материалами Северо-Восточного Китая, а также с учетом складывавшейся практики скифского времени на территории Евразии, в том числе Сибири, можно предположить, что предметы вооружения могли быть в ходу в качестве ритуальных предметов и маркеров особого социального статуса их владельцев. Следует допустить, что некоторые из бронзовых кинжалов с территории Корейского полуострова могли также служить предметами вооружения.

МАТЕРИАЛЫ С ТЕРРИТОРИИ
КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В эпоху бронзы и раннего железного века на территории Корейского полуострова, как и Маньчжурии, явных следов каких-либо масштабных военных действий не зафиксировано. Кроме того, специфика внешнего облика найденных предметов вооружения,

главным образом кинжалов, косвенно указывает на их ритуальный характер. О ритуальном использовании бронзовых скрипковидных и узколезвийных кинжалов свидетельствует также контекст их обнаружения: практически все известные до сих пор на Корейском полуострове находки связаны с погребальными комплексами.

Типичным примером погребального комплекса с бронзовым кинжалом является захоронение в каменном ящике Сонгунни, пров. Чхунчхон-намдо. Объект исследован в 1974 г. сотрудниками Университета Конджу и Национального музея Республики Корея. Он представляет собой помещенный в грунтовую яму каменный ящик размерами 2,05 × 1 × 0,8–0,9 м без каких-либо надмогильных конструкций. Стенки ящика сложены из поставленных на ребро каменных плит. Перекрытием служила цельная каменная плита подовальной формы размерами 2,6 × 1,2 м. Пол выложен тремя каменными плитками. Погребальный инвентарь располагался компактно, слева от тела погребенного. Здесь обнаружены бронзовый скрипковидный кинжал (общая длина 33,4 см), стамеска, шлифованный каменный кинжал с цельной рукоятью (длина 34,1 см), 11 каменных шлифованных наконечников стрел, 17 нефритовых пронизок и 2 нефритовые подвески *когок* (*магатама*). Острие бронзового кинжала направлено к ступням погребенного, пронизки и каменные наконечники стрел лежали поверх бронзового кинжала. Шлифованный каменный кинжал находился в районе пояса, также с острием, направленным к ступням умершего. Выше него найдена бронзовая стамеска [2, с. 62–63].

Среди погребальных комплексов с кинжалами присутствуют мегалитические сооружения – дольмены, которые представляют собой не просто захоронения, а погребальные памятники племенной элиты, монументальные ритуально-поминальные сооружения, являвшиеся предметом почитания и в более поздние эпохи. Дольмены, в которых найдены скрипковидные кинжалы, сконцентрированы главным образом на юго-западе Корейского полуострова, в пров. Чолла-намдо, на побережье Южного моря и в бассейне р. Посонган. Больше всего находок кинжалов имеется на полуострове Йосу. В дольменах провинции Чолла-намдо найдено 16 скрипковидных кинжалов: Усанни Нэу (2 экз.), Токчхири (1 экз.), Ундэри (1 экз.), Понгедон (1 экз.), Чокляндон (7 экз.), Пхёнёдон (1 экз.), Оримдон (2 экз.), Хваджандон (1 экз.) [3, с. 38–42, 49].

Ярким примером дольмена с находками бронзовых скрипковидных кинжалов является сооружение № 8 на могильнике Усанни Нэу в уезде Сынджу пров. Чолла-намдо. Памятник исследован в 1988 г. сотрудниками Музея Университета Чоннам. Здесь, в окрестностях д. Нэу, сосредоточено около 120 доль-

менов, образующих четыре группы. Дольмены расположены рядами, ориентированными по линии север–юг. Дольмен № 8 относится к типу сооружений без опорных камней. Непосредственно под массивной каменной крышкой (3,1 × 1,8 м), ориентированной продольной осью по линии север–юг, располагалась погребальная камера. Она сложена несколькими слоями каменных плиток. Пол камеры выстлан 16, а перекрытие – 6 плитками, толщина которых составляет 0,6–0,8 м. Размеры погребальной камеры дольмена – 1,47 × 0,5–0,56 × 0,55 м. На уровне верхней части стенок погребальной камеры из одного слоя каменных плиток выложена насыпь размерами 2,1 × 2,8 м.

Комплекс погребального инвентаря дольмена № 8 включает бронзовый скрипковидный кинжал, 2 подвески *когок* (*магатама*) и 5 мелких нефритовых бусин. Бронзовый скрипковидный кинжал обнаружен в северной части погребальной камеры, на расстоянии 0,15 м от ее западной стенки, острием на север. Он представляет собой изделие, которое, вероятно, было сломано и подверглось вторичной обработке. Длина кинжала составляет 17,8 см, максимальная ширина 5,5 см, длина черешка 4,0 см. Такой короткий клинок вряд ли мог являться эффективным боевым оружием. Скорее всего, его помещение в захоронение имело символическое значение как маркера особого социального статуса погребенного. В противоположной южной части погребальной камеры найдены подвески *когок* (*магатама*) и бусины.

В эпоху бронзы на территории Корейского полуострова широкое распространение получили шлифованные каменные кинжалы. Они также являются частой находкой в составе погребального инвентаря дольменов. Так, на памятнике Усанни Нэу в 18 из 53 раскопанных дольменов найдены каменные кинжалы. Это тщательно заполированные, искусно выполненные изделия. Многие из них не несут на себе никаких следов заточки [2, с. 71–73].

Особого внимания заслуживает факт существования в эпоху поздней бронзы на территории Корейского полуострова каменных кинжалов с чрезмерно увеличенной рукоятью. Такие предметы происходят из дольменов пров. Кёнсан-намдо на юго-востоке Кореи [4, с. 52–53]. Самыми известными памятниками с подобными каменными кинжалами считаются Кведжондон в г. Пусан и Мугери в г. Кимхэ.

Каменный ящик Кведжондон, представлявший собой погребальную камеру дольмена без опорных камней, был обнаружен случайно в ходе проведения строительных работ. Длина погребальной камеры составляет 1,8 м, высота стенок – 0,7 м. Рядом с каменным ящиком встречена каменная плита размерами 1,6 × 0,5 × 0,2 м, вероятно, крышка дольмена. Комплекс инвентаря захоронения включают шлифованный каменный кинжал, 5 шлифованных каменных

наконечников стрел и лощеный сосуд с поверхностью красного цвета. Несущая часть кинжала (рукоять), образованная двумя полукруглыми вырезами с левой и правой сторон, плавно переходит в вытянутой эллипсовидной формы перекрестье и аналогичной формы навершие. Размеры навершия превышают размеры перекрестья незначительно (рисунок, 1). Общая длина кинжала – 25,2 см [5, с. 99].

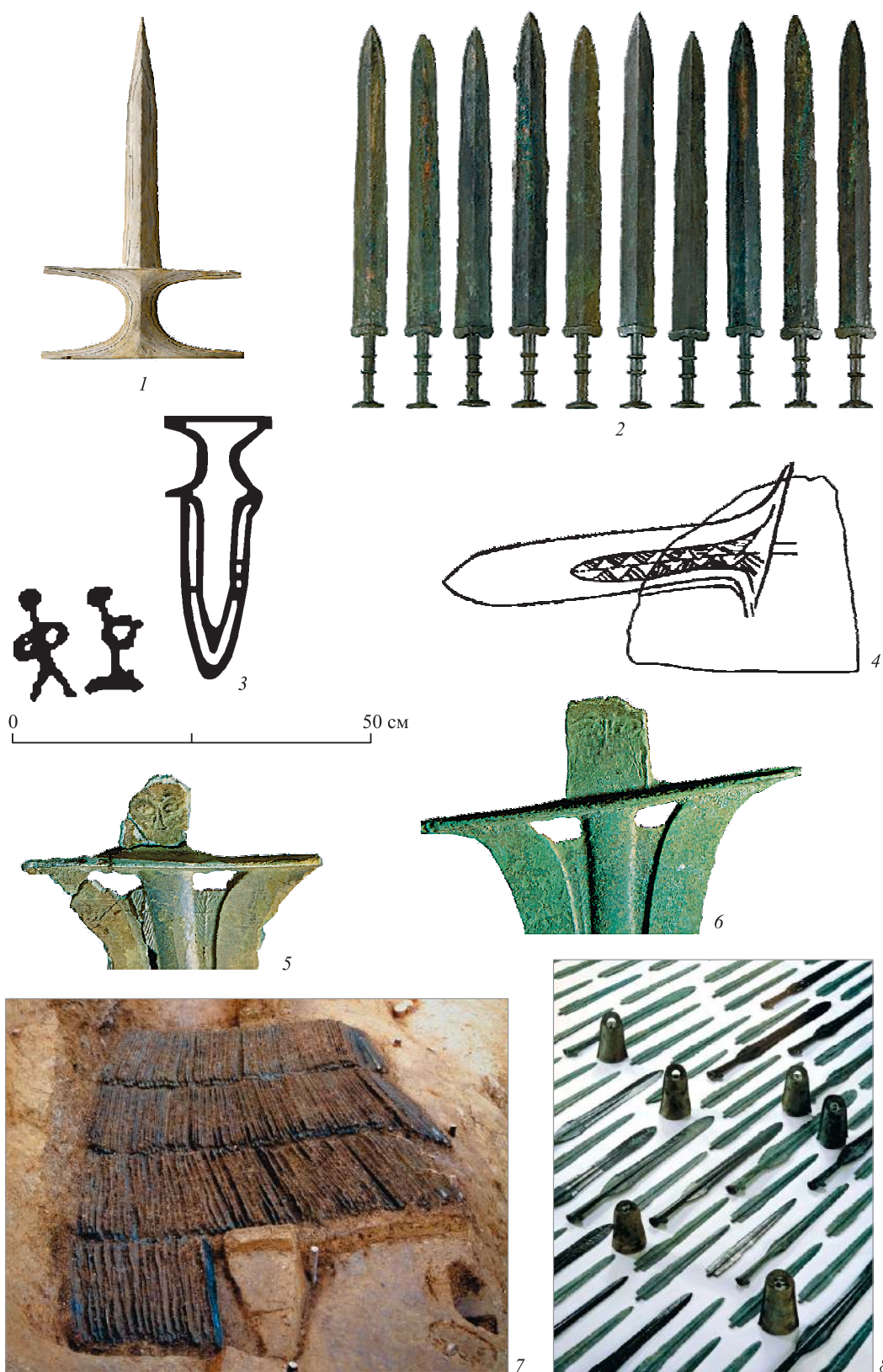
Дольмен Мугери найден жителями г. Кимхэ в 1962 г. Крышка дольмена на момент его обнаружения отсутствовала. Погребальная камера сложена из галечника, ее перекрытием служили 3 каменные плитки. Камера ориентирована продольной осью по линии запад–восток, ее размеры составляют 2,3 × 1,2 м. В ней находился погребальный инвентарь: фрагменты красного лощеного сосуда, 8 каменных шлифованных наконечников стрел, шлифованный каменный кинжал, 3 бронзовых наконечника стрел, 3 нефритовых. Кинжал имеет форму, аналогичную изделию из дольмена Кведжондон. Его общая длина составляет 46 см [6, с. 140–147].

Морфологические особенности кинжалов с увеличенной рукоятью делают их неудобными для использования в бою и свидетельствуют, скорее, в пользу их ритуально-символической функции.

О том, что шлифованные каменные кинжалы в древности представляли собой сакральные предметы, свидетельствуют и их изображения на каменных плитах дольменов. Одно из таких изображений обнаружено на дольмене Инбири в г. Пхохан, пров. Кёнсан-пукто. На южной вертикальной плоскости каменной крышки дольмена размерами 1,4 × 1,35 м изображено 2 кинжала и подтреугольный предмет, напоминающий каменный наконечник стрелы без черешка. Кинжалы расположены горизонтально, их общая длина составляет 38 см. Рукоять имеет ступенчатую форму.

На южной вертикальной плоскости (2,68 × 1,72 м) крышки дольмена Оримдон в г. Йосу, пров. Чолла-намдо, присутствует композиция в виде изображения каменного кинжала и 2 антропоморфных фигур. У кинжала цельная рукоять, острие направлено вниз. Существует версия, что одна из антропоморфных фигур, расположенных слева от кинжала, показана в молитвенной позе: она стоит на коленях, а ее руки подняты вверх по направлению к кинжалу (рисунок, 3). К сожалению, данная интерпретация пока не находит аналогов среди других наскальных изображений на территории Кореи. Как бы то ни было, исследователи отмечают, что изображения кинжалов на крышках дольменов имеют тот же смысл, что и помещение самих кинжалов в погребения [7, с. 121–125].

В погребениях периода поздней бронзы – раннего железа кинжалы встречаются в комплексе погребального инвентаря наряду с зеркалами, которые, не-

Оружие древней Кореи и Японии в ритуальном контексте.

1 – каменный кинжал с увеличенной рукоятью из дольмена Мугери, г. Кимхэ; 2 – кинжалы восточно-чжоуского типа из клада Санънимни, уезд Ванджу; 3 – изображение каменного кинжала и антропоморфных фигур на крышке дольмена Оримдон в г. Йосу; 4 – изображение

- клевец на фрагменте керамики из Карак-Каги (реконструкция), 5 – клевец с личиной из Хакуто; 6 – клевец с личиной, преф. Фукуока, 7 – клад бронзовых предметов в Кодзидани в процессе раскопок, 8 – набор бронзовых предметов из Кодзидани.
- 1 – по: [Kim Wolle. Кимхэ Мугери чисонмё-ый чхультхопхум (Погребальный инвентарь дольмена Мугери в г. Кимхэ) // Тон-а мухва (Культура Восточной Азии). 1963. №1. С. 139–158 (на кор. яз.).]
- 2 – по: [Chwe Hynson. Панмульгван юмуль-ло иль-нын ети яги: Ванджу Саньнимни чхультхо тонджусик тонгом (Древние предания, прочитанные по музейным экспонатам: кинжалы восточно-чжоуского типа, найденные в Саннимни, уезд Ванджу). 30.09.2019. URL: <https://www.jjan.kr/news/articleView.html?idxno=2062781> (дата обращения: 10.12.2020 – на кор. яз.).]
- 3 – по: [Kim Gwongu. Чхондонги сидэ амгахва-ый чхынви кванге-ва амгахва хваксан-ый сахве кёндже-джок пэгён гомтхо (Анализ хроностратиграфии и социально-экономического контекста распространения петроглифов Кореи) // Йоннамхак (Изучение района Йоннам). 2018. №66. С. 149–180 (на кор. яз.).]
- 4 – по: [Яёидзин-но тё:дзю:гига. Токио: Ю:дзаккаку, 1996. 178 с. (на яп. яз.).]
- 5, 6 – по: [Кодай-но као. Фукуока: Фукуокаси рэксихакубуцукан, 1982. 64 с. (на яп. яз.).]
- 7, 8 – по: [Яёйсэидоки-ни мисэрарэта хитобито (Люди, очарованные бронзовыми предметами яёй). Соно сэисакугидзюцу то саиси-но сэкаи (Технология производства и мир ритуалов). Симанэ: Ха:бэсудо сюббан, 2012. 96 с. (на яп. яз.).]

Ancient Korea and Japan weapons ritual context

- 1 – stone dagger with enlarged handle from Mugye-ri dolmen, Gimhae; 2 – Eastern Zhou-type daggers from the Sangrim-ri hoard, Wanju; 3 – the drawing image of stone dagger and anthropomorphous figures on the Orim-dong dolmen lid, Yeosu; 4 – tanged spearhead drawing on the ceramic sherd from Karako-Kagi site (reconstruction), 5 – faced tanged spearhead from Hakutou, 6 – faced tanged spearhead from Fukuoka prefecture, 7 – Kojindani bronze hoard during the excavation, 8 – bronze objects from Kojindani hoard.
- 1 – in: [Kim Won-ryong. Gimhae Mugye-ri jiseokmyo-ui chultopum [Burial items of the Mugye-ri dolmen in Gimhae]. *Dong-a munhwa [East Asia culture]*, 1963, no. 1, pp. 139–158 (In Kor.).]
- 2 – in: [Choe Heungseon. Bakmulgwan yumul-lo ilk-neun yet iyagi: Wanju Sangrim-ri chulto dongjusik donggeom [Ancient legends read from museum exhibits: Eastern Zhou-type daggers found in Sangrim-ri, Wanju county]. 30.09.2019. URL: <https://www.jjan.kr/news/articleView.html?idxno=2062781> (date of query: 10.12.2020 – In Kor.).]
- 3 – in: [Kim Gwongu. Cheongdonggi sidae amgakhwa-ui cheungwi gwangye-wa amgakhwa hwaksan-ui sahoe gyeongje-jeok baegyong geomto [Examining the stratigraphic relation of Korean Bronze Age petroglyphs and the socio-economic background of their spread]. *Youngnamhak [Youngnam studies]*, 2018, no. 66, pp. 149–180 (In Kor.).]
- 4 – in: [Yayoijin-no choujuugiga. Tokyo, Yuuzankaku, 1996, 178 p. (In Jap.).]
- 5, 6 – in: [Kodai-no kao. Fukuoka, Fukuokashi ritsurekishi hakubutsukan, 1982, 64 p. (In Jap.).]
- 7, 8 – in: [Yayoisaidoki-ni miserareta hitobito (People charmed by Yayoi bronze). Sono seisakugijutsu to saishi-no sekai (Technological aspects and ritual space). – Shimane, Harvest shubban, 2012, 96 p. (In Jap.).]

сомненно, выполняют ритуальную функцию. Такое сочетание свидетельствует и о ритуальном значении самих кинжалов. Наиболее ярким примером является комплекс, обнаруженный на памятнике Хоамдон, в черте г. Чхунджу, пров. Чхунчхон-пукто.

В 2014–2015 гг. в ходе спасательных археологических раскопок на этом памятнике сотрудниками Центра по изучению культурного наследия Центральной Кореи исследовано три погребения. Одно из них содержало наибольшее количество инвентаря. Оно представляло собой грунтовую яму воронковидной формы размерами 1,75 × 0,82 м, глубиной 1,75 м. О наличии некогда в яме деревянного саркофага свидетельствует найденный на ее полу древесный тлен. С учетом многочисленных обломков камня в заполнении ямы можно предполагать, что над погребением была сооружена насыпь. Комплекс погребального инвентаря составляют ритуальные бронзовые изделия (узколезвийные кинжалы – 7 экз., зеркало с тонким линейным орнаментом, клевец, втульчатые наконечники копий – 3 экз.), бронзовые орудия труда (кельт, долото – 4 экз., стамески – 2 экз.), сосуд с черной лощеной поверхностью и фрагмент фарфорового предмета [8, с. 35–67].

Уникальными по своему значению памятниками, доказывающими не утилитарное назначение кин-

жалов, являются клады. На территории Корейского полуострова пока известен один такой объект. В 1975 г. в местности Саньнимни в пров. Чолла-пукто была сделана случайная находка из 26 бронзовых кинжалов восточно-чжоуского типа (рисунок, 2). В полевых записях тех лет точный контекст обнаружения кинжалов не зафиксирован. Упомянуется лишь, что кинжалы располагались острием на восток в виде компактного скопления на глубине примерно 0,6 м от поверхности земли. Длина изделий варьирует от 44,4 до 47,2 см. Следы заточки и использования на клинках отсутствуют [2, с. 91–92].

МАТЕРИАЛЫ С ТЕРРИТОРИИ ЯПОНСКОГО АРХИПЕЛАГА

В различных памятниках периода яёй¹ в Японии археологи достаточно часто находят предметы вооружения. Поскольку появление металла на Японских островах в середине периода яёй связано напрямую с

¹ Период яёй характеризуется появлением изделий из металла, распространением рисосеяния, проникновением мигрантов с территории Корейского полуострова; датируется X в. до н.э. – серединой III в. н.э. В рамках этого периода выделяются следующие этапы: начальный – X–VIII вв. до н.э.; ранний – VII–IV вв. до н.э.; средний – IV в. до н.э. – I в. н.э.; поздний – I – середина III в. н.э. [9, p. 83].

Корейским полуостровом и производство собственной бронзы зафиксировано на территории Японии только в конце периода *яёй*, предметы из бронзы, в том числе оружие, представляли особую ценность. Обнаружение предметов из бронзы является типичным для памятников периода *яёй*, но в то же время памятников, на которых найдено более 3 бронзовых изделий одновременно, на территории Японских островов всего 18. Бронзовое оружие в погребениях обнаружено только на памятниках северной части о. Кюсю. В погребении № 4 могильника Фукиагэ, преф. Оита, найдены железный меч, бронзовый клевец, 15 браслетов из раковин гохора, множество бусин. Могильник относится к середине периода *яёй*. В погребениях № 13 и 23 представлены железные и бронзовые мечи, браслеты из раковин гохора, бронзовые зеркала китайского происхождения [10, с. 16]. На памятнике Татэива, преф. Фукуока, представляющем собой могильник из 43 погребений в глиняных кувшинах, обнаружены бронзовые мечи, железные мечи с фрагментами шелковой ткани, втульчатый наконечник копья, браслеты из раковин, зеркала китайского происхождения [10, с. 14–15].

Одним из самых изученных является могильник Ёситакаэ-Такаки, преф. Фукуока. На территории грунтового могильника, который является частью комплекса Иимори, имеется большое количество погребений в керамических сосудах и деревянных саркофагах. Самый богатый инвентарь содержится в погребении № 3 с деревянным саркофагом: 2 бронзовых узколезвийных кинжала, клевец, втульчатый наконечник копья, зеркало с тонким линейным орнаментом, нефритовая подвеска *магатама* и 95 яшмовых бусин-пронизок [11, с. 8]. Зеркало и многочисленные бусины, составлявшие ожерелье, возможно, считались признаком религиозного авторитета, а наличие нескольких предметов оружия – признаком общинного лидерства или общинного авторитета. Погребенный в данной могиле, по мнению К. Мидзогути, имел, вероятно всего, особый статус [12, р. 154]. Бронзовые узколезвийные кинжалы, втульчатые наконечники копий, зеркала с тонким линейным орнаментом, нефритовые подвески *магатама* обнаружены при раскопках могильника Уки-Кундэн, преф. Сага, в погребениях в керамических сосудах [2, с. 314–315]. Данный памятник отнесен исследователями к среднему этапу периода *яёй* [13, р. 275]. Интерес для исследователя представляет также единственный рисунок клевица периода *яёй* на фрагменте керамики из Каракко-Каги, преф. Нара (рисунок, 4). Комплекс Каракко-Каги – один из самых известных археологических памятников периода *яёй* – занимает площадь около 300 тыс. м² и включает несколько объединенных поселений, производственные площадки, бронзолитей-

ные мастерские, погребальные площадки, ограничительные рвы. Памятник существовал с раннего этапа периода *яёй* до конца периода *кофун*. Среди находок среднего этапа периода *яёй* – большое количество фрагментов керамической посуды, в том числе изготовленной на территории современных префектур Окаяма, Осака, Сига, Миэ и др. На фрагментах керамики обнаружено более 200 рисунков, выполненных острым инструментом, среди которых присутствуют изображения птиц, животных, людей, строений, лодок и других предметов [14].

На территории Японских островов найдено около 300 бронзовых клецов периода *яёй*, два из них занимают особое место, поскольку на тыльной стороне обушной части изображены личины. Клевец из Хакуто, преф. Фукуока, датируется поздним этапом *яёй* (рисунок, 5), обнаружен на площадке, предположительно использовавшейся в ритуальных целях [15, с. 43]. На средней части лезвия присутствует орнамент из параллельных наклонных линий. Контекст находки второго клевица (рисунок, 6) неизвестен, указано только то, что обнаружен он в преф. Фукуока и датируется также поздним этапом *яёй* [15, с. 43]. Следов заточки на клевцах не имеется, расположение личин на обушной части свидетельствует о том, что клевцы к рукояти не прикреплялись и выполняли исключительно ритуальные функции. Изображения личин традиционно японские авторы относят к защитной функции предмета [15, с. 43]. Аналогичные по детализации изображения личин встречаются на нескольких бронзовых колоколах *дотаку*: глаза, брови, нос и отсутствие рта.

На территории о. Кюсю и в районе Внутреннего моря Сэто на о. Сикоку и о. Хонсю (Западная Япония) известно несколько случаев находок скоплений бронзовых предметов вне контекста погребальных или иных памятников – так называемые клады, состоящие из наконечников копий, коротких мечей или кинжалов, клецов, бронзовых колоколов *дотаку*. На о. Кюсю это памятник Кэнмидани, преф. Сага. На западном склоне холма случайно обнаружены фрагменты бронзы, а после проведения раскопок найдено в нескольких неглубоких ямах 12 втульчатых наконечников копий средней ширины, относящихся к позднему этапу *яёй* [10, с. 17–18]. Наиболее многочисленные находки бронзовых предметов, или клады, сосредоточены на территории современных префектур Хёго и Симанэ. На памятнике Коцуру, преф. Хёго, обнаружено 14 бронзовых мечей среднего этапа периода *яёй* в нескольких углублениях на склоне холма. На памятнике Сакурагаока, преф. Хёго, в небольших ямах найдено 14 колоколов *дотаку* и 7 клецов, датируемых средним – поздним этапами периода *яёй*. На памятнике Камоивакура, преф. Симанэ, обна-

ружено 39 колоколов *дотаку* в яме, это самое большое по количеству местонахождение. В Сиданиоку в ямах на склоне холма обнаружены 2 колокола *дотаку* и 6 коротких мечей, расположенных остриями вниз. Самым известным местонахождением является памятник Кодзидани. Здесь найдено 358 втульчатых наконечников копий и 16 коротких мечей, уложенных рядами в неглубокой яме (рисунок, 7), и 6 колоколов *дотаку* в соседней яме на расстоянии 7 м (рисунок, 8). Все памятники преф. Симанэ датируются средним – поздним этапами периода *яёй*. Во всех указанных случаях на предметах вооружения следов заточки не зафиксировано [10, 2012, с. 28–52].

На некоторых памятниках встречаются также каменные модели мечей, клевцов и кинжалов, а среди находок из памятника Минамиката саисэикаи, преф. Окаяма, известны деревянные копии предметов вооружения [Там же, с. 26–27].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ комплексов с оружием эпохи палеометалла в Корее позволяет заключить, что и бронзовые, и каменные кинжалы в означенную эпоху нередко не только использовались в качестве оружия, но и выступали в роли ритуальных, сакральных предметов. Об этом свидетельствует контекст обнаружения кинжалов. Чаще всего их находят в составе погребального инвентаря дольменов наряду с украшениями и другими предметами, например с подвесками *когок* (*магатама*). Встречаются и уникальные комплексы – клады кинжалов и изображения кинжалов на крышках дольменов. На ритуальное использование кинжалов указывают и их некоторые морфологические особенности. Это, к примеру, чрезвычайно массивная и неудобная в практическом использовании рукоять каменных кинжалов, лезвие с выступами у скрипковидных бронзовых кинжалов, короткий клинок, отсутствие следов заточки и использования на лезвиях большинства предметов. Кроме того, поскольку кинжалы не являются обязательным атрибутом погребального комплекса, можно заключить, что их помещали в захоронения людей, обладавших особым социальным статусом.

Аналогичная ситуация характерна и для Японии периода *яёй*: предметы вооружения здесь также чаще выполняли роль сакральных и ритуальных изделий, а не боевого оружия. Однако здесь имеются определенные особенности. В период *яёй* многие сферы жизни были ритуализированы, главным отражением ритуального содержания в это время стали изделия из металла, прежде всего из бронзы. В отличие от Корейского полуострова, каменные кинжалы на Японском архипелаге не получили такого широкого применения в ритуальных практиках. В Корее сакраль-

ная функция оружия нашла свое выражение главным образом в погребальном обряде. Что касается Японии, то здесь бронзовое оружие чаще встречается в виде кладов, чем в качестве предметов погребального инвентаря.

Особого внимания заслуживает использование оружия в Японии в погребальном обряде. Обнаружение в погребениях Японии набора из бронзового зеркала, кинжала или меча и подвесок *магатама*, по мнению некоторых ученых, имеет сходство с появившимися позже символами власти – «тремя регалиями» [13, р. 274]. Учитывая период оформления государственных образований, борьбы за власть, наличие нескольких политических центров на о. Кюсю и на юго-западе о. Хонсю, можно предположить, что обладание данным набором предметов отражало начало формирования особых ритуальных элементов. Упоминание о зеркале, мече и яшмовых подвесках как символах императорской власти содержится в «Нихонсёки» – одном из древнейших письменных источников: богиня Аматерасу дала их первому императору Ниниги-но-микото, своему внуку, когда он был послан на землю [16, с.128].

В целом можно заключить, что в эпоху палеометалла на Корейском полуострове и на территории Японского архипелага формируется особое отношение к оружию как к сакральному объекту, которое получило свое отражение в различных сферах жизни общества в зависимости от региональных особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кан Ин Ук. Функциональный анализ скрипковидных кинжалов (провинция Ляонин, Китай) // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 103–107.
2. Хангукса – чхондонги мунхва-ва чхольги мунхва (История Кореи: культура бронзового и железного века). Сеул: Кукса пхёнчхан вивонхва (Нац. ин-т истории Кореи), 1997. Т. 3. 586 с. (на кор. яз.).
3. Ан Синвон. Ёрёнсик тонгом мунхва-ый ильёнгу (Исследование культуры бронзовых кинжалов ляонинского типа): дис. магистр. Сеул: Ун-т Ханъян, 1993. 126 с. (на кор. яз.).
4. Ли Джончхоль. Чхондонги сидэ кирь-ый чонджэ инсик-ква юхёнхва (Выявление и локализация направлений культурных контактов в период бронзового века) // Хосо когохак (Археология района Хосо). 2018. Т. 41. С. 38–63 (на кор. яз.).
5. Пусан-ый сонса юджок-ква юмуль (Памятники и предметы древней истории Пусана). – Пусан: Пусан гваннёк сирип панмульгван Покчхон пунгван (Отделение Покчхон Муниципального муз. Пусана), 1998. 190 с. (на кор. яз.).
6. Ким Воллён. Кимхэ Мугери чисонмё-ый чхультхопхум (Погребальный инвентарь дольмена Мугери в г. Кимхэ) // Тон-а мунхва (Культура Восточной Азии). 1963. №1. С. 139–158 (на кор. яз.).
7. Лим Сегвон. Хангут-ый амгаххва (Петроглифы Кореи). Сеул: Тэвонса, 1999. 143 с. (на кор. яз.).
8. Ким Муджун, Ли Соньён, Со Джунсон, Ли Мёнсу. Чхунджу чонхап сыпочхы таун чосон пуджи нэ ЧхунджуХоамдон юджок (Памятник Хоамдон, расположенный на участке, отведенном под сооружение спорткомплекса в г. Чхунджу). Чхонджу: Чунвон

мунхваджэ ёнгувон (Центр по изуч. культур. наследия Центральной Кореи), 2017. 897 с. (на кор. яз.).

9. An Illustrated Companion to Japanese Archaeology / ed. by W. Steinhaus and S. Kaner. Oxford: Archaeopress, 2016, 342 p.

10. Яёйсэидоки-ни мисэрэрта хитобито (Люди, очарованные бронзовыми предметами яёй). Соно сэисакугидзюцу то саиси-но сэкаи (Технология производства и мир ритуалов). Симанэ: Ха:бэсуто сюббан, 2012. 96 с. (на яп. яз.)

11. Ёситакэ-такаки. Яёйдзидай маисо:исэки-но тэ:сагайё: (Краткий отчёт об исследовании погребальных памятников периода яёй). Фукуока-си кёйкуинкай. Фукуока: Нисинихон симбунинсацу, 1986. 24 с. (на яп. яз.)

12. *Mizoguchi Koji*. An archaeological history of Japan: 30.000 BC to AD 700. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002. 274 p.

13. The Cambridge History of Japan. Ancient Japan. Vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, 310 p.

14. Яёйдзин-но тэ:дзю:гига (Рисунки животных и птиц людей яёй). Токио: Ю:дзанкаку, 1996. 178 с. (на яп. яз.)

15. Кодай-но као (Лики древности). Фукуока: Фукуокаси ричурэкиси хакубуцукан, 1982. 64 с. (на яп. яз.)

16. Нихонсёки. Анналы Японии. СПб: Гиперион, 1997. Т.1. 496 с.

REFERENCES

1. *Kang In Uk*. Functional analysis of violin-shaped daggers (Liaoning Province, China). *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 1996, no. 3, pp. 103–107. (In Russ.)

2. History of Korea: bronze and early iron age. Seoul, Nat. Inst. of Kor. History, 1997, vol. 3, 586 p. (In Kor.)

3. *Ahn Simwon*. Studying the culture of Liaoning type bronze daggers: Master's diss. Seoul, Hanyang Univ., 1993, 126 p. (In Kor.)

4. *Lee Jongcheol*. Recognition of the existence and patterning of bronze-age roads. *Hoseo Archaeology*, 2018, vol. 41, pp. 38–63. (In Kor.)

5. Sites and objects of ancient history of Busan. Busan, Bokcheon Branch of Busan Metropolitan Mus., 1998, 190 p. (In Kor.)

6. *Kim Won-ryong*. Burial items of the Mugye-ri dolmen in Gimhae. *East Asia culture*, 1963, no. 1, pp. 139–158. (In Kor.)

7. *Lim Se Kwon*. Petroglyphs of Korea. Seoul, Daewonsa, 1999, 143 p. (In Kor.)

8. *Kim Moo-joong, Lee Seong-yong, So Jun-seop, Lee Myeong-su*. Hoam-dong site located in the area designated for construction of the sports complex at Chungju. *Cheongju, Jungwon Cultural Properties Inst.*, 2017, 897 p. (In Kor.)

10. People charmed by Yayoi bronze. Technological aspects and ritual space. Shimane, Harvest Shubban, 2012, 96 p. (In Jap.)

11. *Takaki Yo*. Yayoi period burial sites study report. Fukuoka, Nishinohon Shimbuninsatsu, 1986, 24 p. (In Jap.)

12. *Mizoguchi K*. An archaeological history of Japan: 30.000 BC to AD 700. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 2002, 274 p.

13. The Cambridge history of Japan. Ancient Japan. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1993, vol. 1, 310 p.

14. Yayoi people's drawings of animals and birds. Tokyo, Yuu-zankaku, 1996, 178 p. (In Jap.)

15. The faces of prehistory. Fukuoka, 1982, 64 p. (In Jap.)

16. Japanese chronicle. Annals of Japan. Saint Petersburg, Giperion, 1997, vol. 1, 496 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.12.2020

Дата рецензирования 25.12.2020

Статья принята к публикации 14.01.2021

DOI: DOI: 10.15372/HSS20210104
УДК 902/904

А.Е. СОБОЛЕВ

КУЛЬТУРА ГУНЬТУЛИН НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ

Музей истории города Хабаровска,
РФ, 680013, г. Хабаровск, ул. Ленина, 85

В рамках исследований культур раннего железного века в районах нижнего течения р. Сунгари, среднего и нижнего течения р. Уссури и ее левых притоков китайскими исследователями были обнаружены многочисленные памятники новой культуры, получившей название «гуньтулин» по одноименному поселению. В процессе изучения исследованы основные типы городищ, а также жилищ, которые представлены двумя основными типами, отличающимися внутренней структурой каркасно-столбовой конструкции полужемлянки. Одно из жилищ обнаруживает близость по конструкции к подобным объектам культурного типа ваньяньхэ и польцевской культуры. Анализ предметного комплекса позволяет провести параллели с польцевской культурой и культурным типом ваньяньхэ. В керамике во всех трех культурах прослеживаются аналогии, в частности, присутствуют изделия с рогообразной ручкой. Сходные черты можно видеть и среди изделий из кости и рога с польцевской культурой. Среди находок следует отметить фигурки свиньи или ежа, которые были обнаружены на памятниках культурного типа ваньяньхэ и урльской культуры. По мнению китайских исследователей, хронологические границы культуры гуньтулин укладываются в период II в. до н.э. – II в. н.э. Имеющиеся радиоуглеродные определения по углю показали первую половину IV в. н.э.

Ключевые слова: гуньтулин, Саньцзян, Сунгари, польцевская культура, ваньяньхэ, Китай, Приамурье.

A.E. SOBOLEV

GUNTULING CULTURE IN NORTHEASTERN CHINA

Museum of Khabarovsk City History,
Lenin str., 85, Khabarovsk, 680013, Russian Federation

The research objective is to study features of the Guntuling culture in northeastern China during the Iron Age, territorial and chronological boundaries, specificity in the material culture development, and identification of common and original peculiarities compared with neighboring cultures – the Wanyanhe cultural type and Poltse culture. Among the main problems of studying this culture is the question of its origins, cultural proximity to the above cultures, absence or presence of a common basis to form and develop all three cultures, and relations between them. The long-term study of the Guntuling culture has generated a large array of data on it. It became possible to outline the main distribution area, the southwestern regions of the Sanjiang plain and the chronological framework (II century BC – II century) during the course of the research. However, the available radiocarbon data for coal have shown the first half of the IV century AD. The study reveals that its sites are represented in the absolute majority by settlements including mountain fortified settlements. The most important feature of the structure of spreading sites is their large amount, exceeding several times the number of sites of all neighboring synchronous cultures. Burials investigations give a definite idea of the funeral rite – primary corpses with a very small set of burial items. The main dwelling type is represented by a semi-dugout with a frame-and-pillar structure. When examining the Guntuling culture inventory, a small number of items made of metal and stone and predominance of items made of ceramics and bone are marked as a distinctive feature. The research finds that dwellings and household implements have a certain similarity with similar elements of the Wanyanhe cultural type and Poltse culture. At the same time, among the Chinese researchers at present there is still no single point of view on the origin of the Guntuling culture, while there are elements of similarity and active contacts with neighboring cultures.

Key words: Guntuling, Sanjiang, Sungary, Poltse culture, Wanyanhe, China, Amur Basin.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Этнокультурная динамика в Приамурье во второй половине I тысячелетия до н.э.: происхождение польцевской культуры» № 20-09-00192А.

Александр Евгеньевич Соболев – научный сотрудник, Музей истории города Хабаровска, e-mail: SobolevII@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2011-3657>.

Alexander E. Sobolev – Researcher, Museum of the History of the City of Khabarovsk, e-mail: SobolevII@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2011-3657>.

ВВЕДЕНИЕ

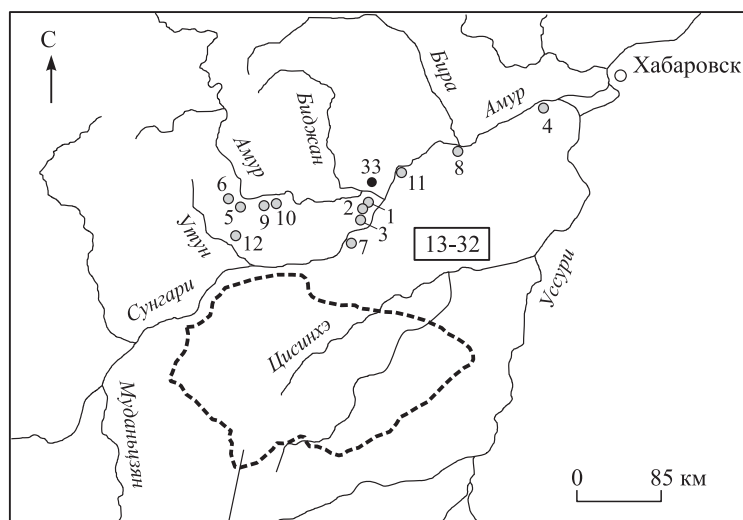
Артефакты культуры гунтулин стали находить в процессе многочисленных разведок, проводимых с конца 1970-х гг. по настоящее время, в районах нижнего течения р. Сунгари и левых притоков р. Уссури. Первый памятник Гунтулин был обнаружен в ходе археологической разведки в долине р. Аньбан в городском округе Шуанъяшань в 1981 г., в 1984 г. исследовался стационарно. Памятники этого типа имеют к востоку от г. Цзямусы, они локализованы вдоль северных лесистых склонов горного хребта Ваньдашань в пределах ряда городских округов и уездов – Цзисянь, Баоцин, Юьй, Шуанъяшань, Цитайхэ, Боли, Хуанань. Особенности их расположения показывают, что территориально новая культура охватывает юго-западный район равнины Саньцзян, соприкасаясь на севере, северо-востоке и востоке с областями распространения культурного типа ваньяньхэ (рис. 1).

К началу 1990-х гг. было обнаружено более 300 памятников культуры гунтулин. К середине 2010-х количество поселений этой культуры составило 1400 только на территории двух городских округов – Цзямусы и Шуанъяшань, из которых 300 представлены городищами [1, с. 52]. Погребений известно крайне мало.

МАТЕРИАЛЫ КУЛЬТУРЫ ГУНТУЛИН

Как известно, памятники культуры гунтулин располагаются в основном в районах южнее р. Сунгари. Поселения сосредоточены в бассейнах малых рек – Аньбанхэ, Люшуйхэ, Цисинхэ, Наолихэ, Вэйкэнхэ. Городища находятся на пологих холмах и возвышенностях в предгорьях хребта Ваньдашань на высоте от 70 до 300 м над ур. моря. Для городищ отмечена высокая плотность размещения.

Типология городищ. По количеству и форме валов выделяются четыре типа городищ: с одним валом; с двумя валами и с несколькими валами; городища неправильной формы. Все укрепленные поселения спланированы с учетом горного рельефа, и валы повторяли его форму. В процессе создания защитных валов использовался грунт, который выбирался при копке рва, а также сочетание земли и камней, иногда только камни [1, с. 56]. Количество западин внутри городищ варьируется от десятков до сотен. На поверхности современной почвы выделяются квадратные, прямоугольные, овальные и круглые западины. Их диаметр составляет 6–15 м. В центре городищ в небольшом количестве имеются крупные западины. Малых намного больше, чаще всего они расположены в определенном порядке на периферии. Размеры городищ различаются. Периметр вала изменяется от

Ареал культуры гунтулин

Рис. 1. Карта области распространения культуры гунтулин (показана пунктирной линией), расположение памятников культурного типа ваньяньхэ (1 – городище Ваньяньхэ, 2 – поселение Ваньяньхэ, 3 – Идуй, 4 – Лянцзыюку, 5 – Миншань, 6 – Саньмацзя, 7 – Фучжэнь, 8 – городище Циньдэли, 9 – Ляньхуадаобань, 10 – Силянцзыгоу, 11 – Цзецзинькоу, 12 – Цзи-кэнхэнь, 13–32 – группа памятников в районе р. Вайцзянхэ) на равнине Саньцзян и поселений Польце I, II (33) польцевской культуры на Среднеамурской низменности (по: [8]).

Fig. 1. Map of the area of the Guntuling culture (shown by the dotted line), the location of the of cultural type Wanyanhe cultural sites (1 – Wanyanhe fortress, 2 – Wanyanhe settlement, 3 – Yidui, 4 – Liangziyouku, 5 – Mingshan, 6 – Sanmajia, 7 – Fuzhen, 8 – Qindeli fortress, 9 – Lianhuadaoban, 10 – Xiliangzigou, 11 – Jiejinkou, 12 – Jikenzhen, 13–32 – a group of sites in the area of the Waiqianghe River) in the Sanjiang plain and the Poltse I, II settlements (33) of the Poltse culture in the Middle Amur lowland (by: [8]).

нескольких тысяч метров (городище Фэнлинь) до 60 м [2, с. 24]. Стационарные полевые исследования были проведены на городищах Фэнлинь, Баоаньцунь, Паотайшань [3, с. 43].

Жилища. В процессе исследований установлено наличие трех типов жилищ в зависимости от размеров западин над ними: большие (9,5×10 м), средние (7,8×8,5 м) и малые (5×6 м). Западины над постройками в основном большие и средние, площадью от 52 до 230 м².

Образцом домостроительства в культуре гуньтулин являются жилые комплексы, раскопанные на городище Баоаньцунь [4, с. 25]. Жилище F3 представляет собой полуземлянку подквадратной в плане формы (8,6×7,9 м) с закругленными углами и высотой стен 35–50 см. Оно ориентировано углами по сторонам света (рис. 2, 1). Пол в жилище твердый и ровный, толщиной 3–5 см. Ниже зафиксирован слой плотной почвы мощностью 8 см. Внутри жилища имелось 12 больших ям от опорных столбов (D1–D12). Они располагались последовательно друг за другом, образуя три ряда по четыре ямы в каждом. Интервалы между центральными и западными рядами одинаковые – 1,25–1,7 м. Диаметр ям составляет 50–60 см. Их глубина 45–55 см, за исключением ямы D12, у которой и диаметр, и глубина одинаковые (35 см). На дне трех ям найдены фрагменты красно-темно-коричневой керамики с примесью песка в ка-

честве наполнителя в составе формовочной массы. В северо-восточном углу жилища между ямами D6, D7, D10 и D11 располагался очаг подквадратной в плане формы с закругленными углами (34×28 см). Его поверхность твердая и ровная. Мощность заполнения 7 см. Между столбовыми ямами D5 и D9, на одной линии с очагом у юго-восточной стены находилась яма зольника округлой в плане формы диаметром 110 см и глубиной 50 см. В его серо-темно-коричневом заполнении присутствовало небольшое количество фрагментов керамики красно-темно-коричневого цвета и кости животных. Вход в жилище не найден.

На памятнике Сяобалан был обнаружен еще один тип жилища, который конструктивно отличается от вышеописанного [5, с. 40]. Жилище F101 в плане имеет неправильную четырехугольную форму со слегка закругленными углами. Оно ориентировано углами по сторонам света (рис. 2, 2). Стенки частично разрушены. Длина восточной стенки – 6,8 м, южной – 7,5, западной – 7,2, северной – 7,1 м. Поверхность пола сформирована из мелкодисперсного грунта серо-желтого цвета. Вероятно, он представляет собой искусственное покрытие толщиной 4–6 см. В жилище обнаружены 5 ям от опорных столбов, которые были впущены в выветренные коренные породы. Каких-либо следов специальной обработки пола в жилище нет. Помимо этого имеются 27 маленьких

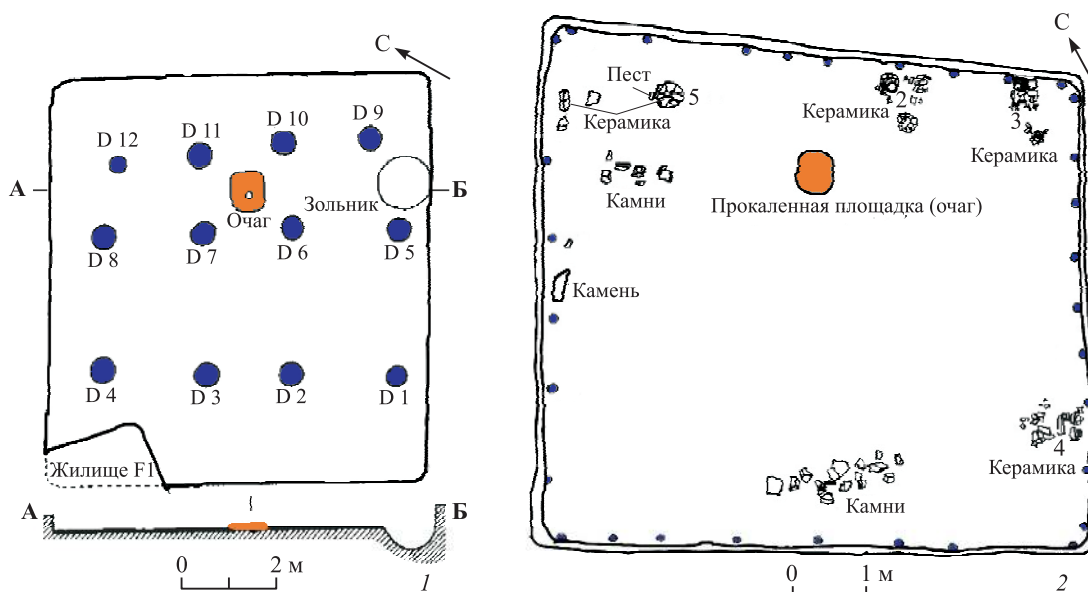

Рис. 2. Планы жилищ культуры гуньтулин.

1 – памятник Баоаньцунь, 2 – памятник Сяобалан.

1 – по: [4]; 2 – по: [5].

Fig. 2. Plans of dwellings of the Guntuling culture.

1 – Baoancun site, 2 – Xiaobalang site.

1 – by: [4]; 2 – by: [5].

круглых ямок разного размера и глубины, расположенных вдоль всех четырех стен. В северной части интерьера, недалеко от северо-восточной стены, находилось прокаленное пятно овальной в плане формы. Напротив прокала, рядом с юго-западной стеной, уложен один ряд камней. На полу жилища вблизи северо-восточной и северо-западной стен найдены четыре группы фрагментов керамики, из которых две – развалы горшков. Также обнаружены сломанные шлифованные каменные песты и мелкие фрагменты костей диких животных.

Единственные опубликованные три погребения культуры гуньтулин (рис. 3, 1), были найдены при раскопках на памятнике Сяобалан [5, с. 40–41]. Они располагались рядом с жилищами или непосредственно в них. Могилы в плане овальные или прямоугольные (трапециевидные в разрезе), ко дну сужаются. Могильные ямы грунтовые. Погребенные уложены на спину в вытянутом положении головой на юго-запад или северо-запад.

Керамика. Основная масса найденных керамических изделий (посуда и пряслица) и их фрагментов имеет темно-коричневый, темно-красно-коричневый и черно-серый цвет. Состав керамического теста во всех случаях содержит примесь песка. Техника изготовления сосудов – ручная лепка. Толщина стенок неравномерная. Все сосуды плоскодонные (рис. 3, 2–9). Мелкая керамическая пластика представлена фигурками животных, которые интерпретируются китайскими исследователями как изображения свиньи (рис. 3, 11) [6].

Изделий из металла в культуре гуньтулин найдено мало (рис. 3, 22, 25, 28). Практически все артефакты изготовлены из железа (панцирная пластина, наконечник гарпуна, нож), за исключением двух из цветного металла.

Изделия из камня – сланца, силикалита, песчаника, гнейса, гранита, бирюзы – обнаружены в небольшом количестве: это наконечники стрел, тесла, абразивы, бусина, кольцо (рис. 3, 12–20). Большинство предметов сделано с применением техники шлифования и ретуши, при необходимости использовали оббивку.

На памятниках культуры гуньтулин обнаружено также значительное количество изделий из кости, рога, зуба, раковин (рис. 3, 21, 23, 24, 26, 27, 29) [6, с. 3]. К самой массовой категории находок относятся предметы, связанные с военным делом и охотой. Сырьем для них служили кость и рог. При обработке кости и рога использовали раскалывание, сверление, шлифовку. Кроме того, зафиксированы следы обработки ножом из металла. На памятнике Сяобалан обнаружены кости млекопитающих, птиц и раковины моллюсков. Это кости козули маньчжурской, благородного оленя, домашней свиньи, лошади, собаки,

жемчужницы – двустворчатого моллюска, речного моллюска-живородка. На костях имеются следы укусов животных и раскалывания их человеком [7, с. 86].

ОБСУЖДЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Несмотря на то, что ареал культуры гуньтулин относительно небольшой, найдено значительное количество ее памятников с высокой плотностью их размещения, даже учитывая их распределение в рамках примерно 400-летнего существования культуры (рис. 1). Это может быть вызвано значительным приростом населения, о причинах которого пока судить трудно вследствие небольших по площади археологических раскопок как поселений, так и погребений.

Среди городищ рассматриваемой культуры преобладают горные укрепления, равнинных меньше. Пока сложно выделить городища, которые можно отнести только к культуре гуньтулин, поскольку на большинстве из них также встречены жилища и артефакты культуры фэнлинь. Это позволяет предполагать возможную преемственность между ними или вторичное использование носителями культуры фэнлинь городищ, построенных, скорее всего, носителями культуры гуньтулин. В период существования культуры фэнлинь, как свидетельствуют городища Фэнлинь и Баоаньцунь, были добавлены новые элементы в их фортификацию – угловые и фронтальные укрепления валов в виде башен.

Исследование жилых комплексов на памятниках Баоаньцунь, Гуньтулин, Паотайшань и Сяобалан позволило выделить ряд особенностей в домостроении культуры гуньтулин. Жилища были каркасно-столбовой конструкции, имели котлован глубиной до 50 см. Тип 1 отличается наличием системы столбов в интерьере (от 12 до 15), которые располагались рядами примерно на равном расстоянии друг от друга (Гуньтулин, Паотайшань) (рис. 2, 1). Это предполагает наличие двускатной кровли и, возможно, вертикальных стен. Для жилищ типа 2 характерна четырехскатная кровля без опорных столбов под угловые стропила и верхнюю раму обвязку. Стены котлована облицовывались горизонтально уложенными жердями или плахами, которые удерживались с внутренней стороны жилища вертикальными столбиками (Сяобалан) (рис. 2, 2). В качестве теплотехнического устройства сооружался один очаг, слегка заглубленный в пол, либо использовался определенный участок жилой поверхности. Незначительные размеры очага не соизмеримы с площадью жилого пространства. Не исключено, что небольшое углубление под очагом образовалось в результате неоднократной чистки кострища, причем костер разводился непосредственно на полу. Это можно считать особенностью системы очаговой жилищ культуры гуньтулин. У северо-вос-

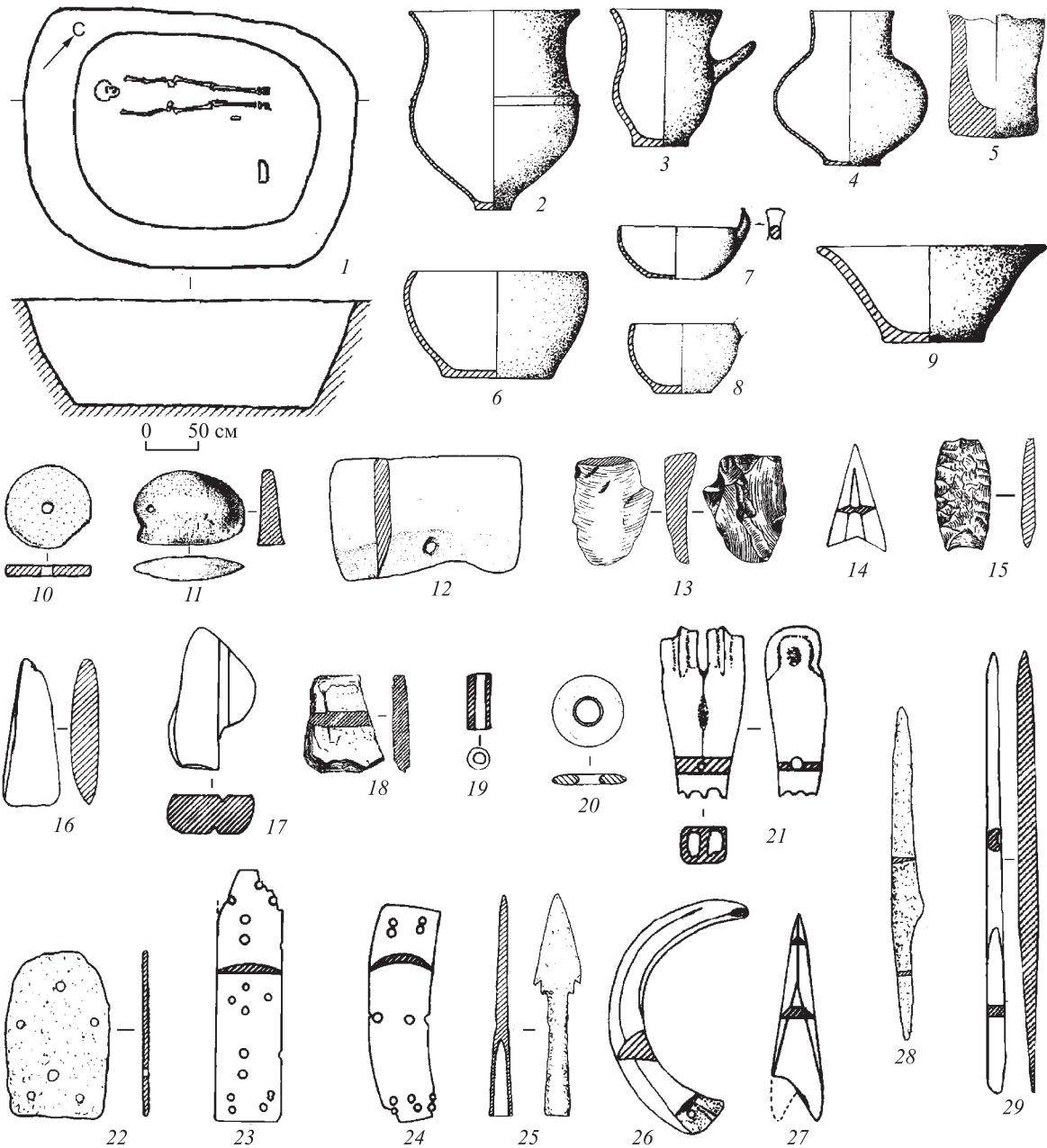

Рис. 3. Культура гуньтулин. План и разрез погребения M101 памятника Сяобалан (1), изделия из керамики (2–11), камня (12–20), кости (21, 23, 24, 26, 27, 29) и железа (22, 25, 28).

2 – горшок гуань; 3 – горшок гуань с рукоятью; 4 – кувшин ху; 5 – стакан бэй; 6 – чаша бо; 7 – чаша бо с рукоятью; 8 – сосуд и; 9 – чашка вань; 10 – пряслице; 11 – фигурка свиньи; 12, 28 – ножи; 13 – скребок; 14, 15, 27, 29 – наконечники стрел; 16 – тесло; 17 – шлифовальный камень; 18 – топор; 19 – бусина; 20 – кольцо; 21 – украшение на эпифизе кости; 22–24 – панцирные пластины; 25 – наконечник гарпуна; 26 – украшение из клыка кабана.

1, 18 – по: [5]; 2–11, 16, 17, 19, 21, 23, 24, 26, 27, 29 – по: [6]; 12–15, 20, 22, 25, 28 – по: [11].

Fig. 3. Guntuling culture. Plan and section of burial M101 at the Xiaobalang site (1), articles made of ceramics (2–11), stone (12–20), bones (21, 23, 24, 26, 27, 29) and iron (22, 25, 28).

2 – guan-type pot; 3 – guan-type pot with a handle; 4 – hu-type jug; 5 – bay-type glass; 6 – bo-type bowl; 7 – bo-type bowl with a handle; 8 – yi-type vessel; 9 – wan-type cup; 10 – spindle; 11 – figure of a pig; 12, 28 – knives; 13 – scraper; 14, 15, 27, 29 – arrowheads; 16 – adze; 17 – grindstone; 18 – ax; 19 – bead; 20 – ring; 21 – decoration on the epiphysis of the bone; 22–24 – armor plates; 25 – harpoon head; 26 – boar tusk decoration.

1, 18 – by: [5]; 2–11, 16, 17, 19, 21, 23, 24, 26, 27, 29 – by: [6]; 12–15, 20, 22, 25, 28 – by: [11].

точных носителей культурного типа ваньяньхэ и польцевской культуры очаги иногда имели ямы, сложную форму со специальным устройством для поддува воздуха дакотского типа [8], большие размеры в плане и в глубину [9, с. 51, 57, 58 и др.]. Различия в конструктивных особенностях жилищ на разных памятниках культуры гуньтулин могут отражать как локальные традиции при строительстве жилищ (возможно, под влиянием населения сопредельных территорий), так и эволюцию собственного домостроения.

Малое количество исследованных погребений не позволяет получить полного представления о погребальной обрядности у носителей культуры гуньтулин. Пока можно уверенно говорить о захоронениях на территории поселения или в жилище. В последнем случае не ясно, происходило погребение в действующей или в уже заброшенной постройке. Судя по захоронению на памятнике Сяобалан, где у костяка нет ребер, тазовых костей (рис. 3, 1), могли погребать кости по вторичному обряду с имитацией их анатомического расположения. Возможно, в погребальной практике носителей культуры гуньтулин использовались первичные воздушные захоронения с последующим сбором костей для их перезахоронения в могиле.

Погребальный инвентарь представлен небольшим количеством предметов: это каменные жернова и их фрагменты, железные наручный браслет и нож, бронзовая серьга. Керамика отсутствует в 2 из 3 погребений. Редкой находкой является бронзовая монета номиналом в 5 чжу [5, с. 46], которая была отлита в Китае в эпоху Западная Хань (140–85 гг. до н.э.). Особенностью данных погребений также следует считать присутствие в каждом из них нижней челюсти или целого черепа свиньи. Этот элемент погребальной практики в раннем Средневековье будет характерен для погребений найфельдской группы (культуры тунжэнь) у хэйшуй мохэ [10, гл. 5].

Керамические сосуды представлены следующими типами: горшки *гуань* – без ручки (рис. 3, 2), они же с ручкой (рис. 3, 3); кувшины *ху* (рис. 3, 4); чаши *бо* без ручки (рис. 3, 6), с ручкой (рис. 3, 7); чашки *вань* (рис. 3, 9); стаканы *бэй* (рис. 3, 5); сосуды *и* в виде традиционных сосудов для вина (рис. 3, 8). [11, с. 9]. Характерной чертой некоторых сосудов культуры гуньтулин является наличие в средней и верхней части их внешней поверхности рогообразной ручки, направленной вверх. Формы горшков, чаш и чашек близки к аналогичным формам посуды в культурном типе ваньяньхэ.

Основная часть сосудов не орнаментирована. Редкое декорирование их поверхности представлено рассеченным горизонтальным валиком в области венчика и валиками в средней и верхней области тулова (рис. 3, 2). Часть сосудов окрашена в красный цвет.

Их количество крайне незначительно, но их наличие отмечено на памятниках не только культуры гуньтулин, но и культурного типа ваньяньхэ. Косвенным признаком того, что традиция окрашивания поверхности сосудов может иметь инокультурный характер, является широкое распространение окрашенных в красный цвет сосудов в культуре ханьшу второго периода: она существовала синхронно с культурой гуньтулин к западу от нее, в среднем течении р. Сунгари [12, с. 36; 13, с. 16; 14, с. 98].

Что касается каменных орудий, то, несмотря на функциональное разнообразие, в количественном отношении их мало, как и металлических. Изделий из кости и рога встречено большее количество, но при малом разнообразии их функций. При этом выделяются предметы вооружения из кости и рога – наконечники стрел и панцирные пластины. Подавляющее большинство обнаруженных типов наконечников стрел можно отнести, исходя из формы поперечного сечения пера, к бронебойным [15, с. 78].

Основой жизнеобеспечения представителей культуры гуньтулин, как показали материалы раскопок ее памятников, являлось комплексное хозяйство. Имеющиеся данные свидетельствуют об охоте на крупного зверя, птицу, сборе речных моллюсков, развитии животноводства – содержании коров, лошадей, свиней. О растениеводстве косвенно свидетельствует находка зерен конопли на поселениях, которую могли использовать в качестве технической культуры или для совершения ритуальных обрядов [11, с. 15]. На изученных памятниках пока не обнаружены предметы, связанные с рыболовством. Но это не может быть достаточным основанием для того, чтобы говорить об отсутствии рыболовства.

По мнению Чжао Юнцзюня, культура гуньтулин включала элементы нескольких соседних культур и в свою очередь влияла на эти культуры [16, с. 14]. Она имела достаточно однородный облик, без каких-либо явно выраженных локальных особенностей. Что касается связей с культурным типом ваньяньхэ и с польцевской культурой, то сходство с ними прослеживается как в строении жилищ, так и в керамике.

Ван Левэнь, отмечая связи культуры гуньтулин с польцевской культурой и культурным типом ваньяньхэ, полагает, что все они сформировались на базе урильской культуры и представляют собой развитие одной общей культурной традиции, формирование которой происходило двумя разными путями. Особое внимание он уделяет сосудам с рогообразными ручками, подчеркивая, что именно они являются формой, которая была привнесена с запада, а не возникла на местной основе [17, с. 28].

Для культуры гуньтулин имеется несколько радиоуглеродных датировок, которые позволяют определить хронологический интервал ее существования (см. таблицу) [18, с. 657–665; 19, с. 235; 20, с. 36].

Радиоуглеродные даты памятников культуры гуньтулин

Radiocarbon dating of sites of Guntuling culture

Название памятника, материал Name of the site, material	Радиоуглеродный возраст, л.н. Radiocarbon date, BP	Индекс лаборатории Laboratory index	Калиброванная дата ¹ ($\pm 1\sigma$), г. до н.э./н.э. Calibrated date ($\pm 1\sigma$), BC/AD	Калиброванная дата ($\pm 2\sigma$), г. до н.э./н.э. Calibrated date ($\pm 2\sigma$), BC/AD
Гуньтулин, жилище 1, уголь	1900 \pm 70	ZK-1363	28–40 г. н.э. (5 %) 49–179 г. н.э. (81 %) 188–213 г. н.э. (13 %)	48–257 г. н.э. (99 %) 299–318 г. н.э. (1 %)
Гуньтулин, жилище 7, уголь	2080 \pm 70	ZK-1364	195–36 г. до н.э. (91 %) 31–20 г. до н.э. (4 %) 12–1 г. до н.э. (5 %)	356–286 г. до н.э. (9 %) 252–251 г. до н.э. (0,1 %) 234 г. до н.э.–68 г. н.э. (90,9 %)
Сяобалан, карбонизированные семена конопля	1854 \pm 95	ZK-2925	54–257 г. н.э. (95 %) 300–317 г. н.э. (5 %)	43 г. до н.э.–393 г. н.э. (100 %)

¹ Для определения калиброванных значений использовалась «Calib radiocarbon calibration program» (Calib 611) [21].

Синхронизированные калиброванные ($\pm 2\sigma$) радиоуглеродные определения по углю с пола жилищ 1 и 7 поселения Гуньтулин и семян из погребения позволяют датировать их в рамках I – первой половины IV в. н.э. Найденная в погребении монета 5 чжу свидетельствует, что оно не могло быть совершено ранее 140 г. до н.э., и не исключает ее радиоуглеродный возраст в силу долгого хранения монеты как личной или семейной реликвии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важнейшая особенность культуры гуньтулин – количество и плотность распространения ее памятников. По числу поселений и городищ они превосходят культурный тип ваньяньхэ и польцевскую культуру в несколько раз. Их наличие на юго-западе равнины Саньцзян в относительно короткий период (примерно 400 лет) свидетельствует о роли двух ключевых факторов. Во-первых, имелась достаточно емкая база жизнеобеспечения. В нее наряду с охотой, добычей речных продуктов, сельским хозяйством могли входить и ресурсы соседних племен, на которые они совершали походы. Во-вторых, весьма вероятно постоянное присутствие внешней военной угрозы, не исключены ответные действия соседей на их вторжения. На военный характер образа жизни указывает преобладание хорошо укрепленных горных городищ с большим количеством жилищ, позволяющих укрыть значительные массы проживавшего в окрестностях населения в случае угрозы нападения. Это же давало возможность быстрой мобилизации воинов. О значительной роли военного дела у носителей культуры гуньтулин свидетельствует также преобладание среди находок из кости, камня, металла наконечников стрел и панцирных пластин. Одной из причин такого положения могла быть политическая напряженность в областях к юго-западу от культуры гуньтулин, исходящая от государств Фууй и Когурё,

а также косвенно экспансия на их территории государств Западной и Восточной Хань, время существования которых укладывается в хронологические рамки культуры гуньтулин.

Что касается аналогий в материальной культуре, то следует обратить внимание прежде всего на культурный тип ваньяньхэ (конец III в. до н.э. – II в. н.э.). Это типы жилищ (постройки с котлованом подквадратной формы с каркасно-столбовой конструкцией), пропорциональное соотношение изделий из керамики, камня, металла, разнообразие форм сосудов, хронологические рамки. Но явно прослеживается собственный путь развития культуры гуньтулин: наличие двух типов жилищ, из которых один – с рядами столбов в интерьере – существует только в данной культуре; иные формы сосудов и их оригинальная орнаментация; полное отсутствие крупных вазовидных сосудов. Указанные отличительные черты отмечают и китайские исследователи [17], однако, что касается происхождения культуры гуньтулин, то одни из них считают ее сформировавшейся на базе урильской культуры, другие подчеркивают недостаточное количество данных для поиска ее основы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древние городища равнины Саньцзян на северо-востоке: городища эпохи Хань-Вэй на территории Цзямусы (Дунбэй Саньцзян лююй гудай чэнчжи: Цзямусы дицзюй Хань-Вэй шици чэнчжи). Харбин: Изд-во Хэйлунцзян цзяюй. 2011. 241 с. (на кит. яз.).
2. Чжан Вэй, Ван Сюэлян, Тянь Хэ. Доклад о раскопках городища Фэнлинь в уезде Юэи провинции Хэйлунцзян в 1998 г. (Хэйлунцзян Юэи сянь Фэнлинь чэнчжи 1998 нянь фацзюэ цзяньбао) // Каогу. 2000. № 11. С. 24–34 (на кит. яз.).
3. Тянь Хэ, Чжао Юнцзюнь, Чжан Вэй. Краткий доклад о раскопках на городище Паотайшань эпохи Хань-Вэй в уезде Баоцин провинции Хэйлунцзян (Хэйлунцзян Баоцин Паотайшань Хань-Вэй чэнчжи шицзюэ цзяньбао) // Вэнью. 2009. № 6. С. 43–50 (на кит. яз.).
4. Чжан Вэй, Чжао Юнцзюнь, Тянь Хэ, Фан Ци. Раскопки на городище Баоаньцунь эпохи Хань-Вэй в городском округе Шуаньшань провинции Хэйлунцзян (Хэйлунцзян Шуаньшань ши Бао-

аньцунь Хань-Вэй чэнчжи дэ шицзюэ) // Каогу. 2003. № 2. С. 24–33 (на кит. яз.).

5. *Пань Лин, Ли Инкуй*. Раскопки памятника Сяобалан в уезде Хуанань провинции Хэйлунцзян (Хэйлунцзян Хуанань сянь Сяобалан ичжи дэ фацзюэ) // Каогу. 2002. № 7. С. 37–48 (на кит. яз.).

6. *Гао Айся*. Краткий доклад о раскопках зольников № 1, 2, 3 на городище Юнхун в уезде Цзисянь провинции Хэйлунцзян (Хэйлунцзян шэн Цзисянь Юнхун чэнчжи и, эр, сань хао хуэйкэн цинли цзяньбао) // Бэйфан вэньу. 2007. № 2. С. 1–10 (на кит. яз.).

7. *Пань Лин*. Экспертиза и анализ костных останков животных, обнаруженных на памятнике Сяобалан в уезде Хуанань провинции Хэйлунцзян (Хэйлунцзян Хуанань сянь Сяобалан ичжи дуньбу гугэ дэ цзяньдин юй фэнси) // Каогу. 2002. № 7. С. 86–90 (на кит. яз.).

8. *Нестеров С.П., Соболев А.Е.* Культурный тип ваньяньхэ на северо-востоке Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 556–564. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.556-564.

9. *Деревяно А.П.* Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.

10. *Нестеров С.П.* Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 184 с.

11. *Тань Инцзе, Ли Яньте, Цзинь Тайшунь*. Доклад о раскопках на памятнике Гуньтулин в городском округе Шуаньяшань провинции Хэйлунцзян (Хэйлунцзян шэн Шуаньяшань ши Гуньтулин ичжи фацзюэ баогао) // Бэйфан вэньу. 1997. № 2. С. 6–15 (на кит. яз.).

12. *Тань Инцзе, Сунь Сюжэнь, Чжао Хунгуан, Гань Чжигэн*. Археология районов Хэйлунцзяна (Хэйлунцзян шюйюй каогусяо). Пекин: Изд-во Чжунго шэхуэй кэсюэ, 1991. 195 с. (на кит. яз.).

13. *Ли Яньте, Тянь Хэ, Синь Цзянь, Ван Чанмин, Чэнь Лу*. Погребения эпохи бронзы и раннего железного века на могильнике Эркэцзянь в городском округе Нахэ провинции Хэйлунцзян (Хэйлунцзян Нахэ ши Эркэцзянь циншидай чжи цзаоци теци шидай муцзан) // Каогу. 2003. № 2. С. 11–23 (на кит. яз.).

14. *Чжао Биньфу*. Исследование культуры Ханьшу второго периода – анализ и систематизация материалов поселений и погребений (Ханьшу эрци вэньхуа яньцзюэ – ичжи цайляо хэ муцзан цайляо дэ фэнси юй чжэнхэ) // Бяньцзян каогу яньцзюэ (Археологические исследования приграничных территорий). 2009. № 1. С. 98–116 (на кит. яз.).

15. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 154 с.

16. *Чжао Юнцзюнь*. О культуре гуньтулин (Шилунь Гуньтулин вэньхуа) // Бэйфан вэньу. 2006. № 1. С. 14–23 (на кит. яз.).

17. *Ван Левэнь*. О двух проблемах культуры гуньтулин (Шилунь Гуньтулин дэ лян гэ вэньти) // Бэйфан вэньу. 2011. № 1. С. 28–31 (на кит. яз.).

18. Центр научных лабораторных исследований по археологии института археологии академии общественных наук Китая. Доклад о радиоуглеродном датировании (13) (Фаншэсин таньсю цэдин няньдай баогао (13)) // Каогу. 1986. № 7. С. 656–660 (на кит. яз.).

19. *Алкин С.В.* Радиоуглеродное датирование археологических памятников северных территорий Китая // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995. Ч. П. С.233–250.

20. *Ши Цзиньсун*. Доклад о радиоуглеродном датировании (24) (Фаншэсин таньсю цэдин няньдай баогао (24)) // Каогу. 1997. № 7 С. 35–38 (на кит. яз.).

21. *Stuiver M., Reimer P.J.* Extended ¹⁴C Data Base and Revised CALIB 3.0 ¹⁴C Age Calibration Program // Radiocarbon. 1993. Vol. 35, N 1. Pp. 215–230.

REFERENCES

1. *Gao B.* Ancient sites of the Sanjiang plain in the northeast: sites of the Han Wei era in Jiamusi territory. Haerbing, Heilongjiang jiaoyu, 241 p. (In Chin.)

2. *Zhang W., Wang X., Tian H.* Excavation report of Fenglin site in Yuyi County, Heilongjiang Province in 1998. Kaogu, 2000, no 11, pp. 24–34. (In Chin.)

3. *Tian H., Zhao Yo., Zhang W.* Brief report on excavations at Paotayshan site of the Han Wei period in Baoqing county, Heilongjiang province. Wemwu, 2009, no. 6, pp. 43–50. (In Chin.)

4. *Zhang W., Zhao Yo., Tian H., Fang Q.* Excavation at the Baoancun site of the Han-Wei era in the Shuangyashan city district of Heilongjiang province. Kaogu, 2003, no 2, pp. 24–33. (In Chin.)

5. *Pan L., Li Y.* Excavation of the Xiaobalang site in Huanan County, Heilongjiang Province. Kaogu, 2002, no 7, pp. 37–48. (In Chin.)

6. *Gao A.* Brief report on excavation of ash pits No. 1,2,3 at Yonghong site in Jixian county, Heilongjiang province. Beifangwenwu, 2007, no. 2, pp. 1–10. (In Chin.)

7. *Pan L.* Examination and analysis of animal bones found at the Xiaobalang site in Huanan County, Heilongjiang Province. Kaogu, 2002, no. 7, pp. 86–90. (In Chin.)

8. *Nesterov S. P., Sobolev A. E.* Wanyanhe cultural type in northeastern China. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2020, vol. 26, pp. 556–564. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.556-564. (In Russ.)

9. *Derevyanko A. P.* The Amur Basin (I millennium BC). Novosibirsk, Nauka, 1976, 384 p. (In Russ.)

10. *Nesterov S. P.* The peoples of the Amur Basin in the early Middle Ages. Novosibirsk, IAET SB RAS, 1998, 184 p. (In Russ.)

11. *Tan Y., Li Ya., Jin T.* Report on the excavation at the Guntuling Monument in Shuangyashan City, Heilongjiang Province. *Beifangwenwu*, 1997, no. 2, pp. 6–15. (In Chin.)

12. *Tan Y., Sun X., Zhao H., Ganzhi L.* Archeology of Heilongjiang districts. Beijing, Zhongguo shehui kexue, 1991, 195 p. (In Chin.)

13. *Li Ya., Tianhe H., Xin J., Wang Ch., Chen L.* Burials of the Bronze Age and early Iron Age at the Erkeqian burial site in the Nehe urban district of Heilongjiang Province. Kaogu, 2003, no. 2, pp. 11–23. (In Chin.)

14. *Zhao B.* Study of the Hanshu culture of the second period – analysis and systematization of materials from settlements and burials. *Bianjiang kaogu yanjiu*, 2009, no. 1, pp. 98–116. (In Chin.)

15. *Medvedev A. F.* Hand throwing weapons. Bow and arrows, crossbow of the VIII–XIV centuries. Moscow, 1966, 154 p. (In Russ.)

16. *Zhao Yo.* A preliminary research on Guntuling culture. *Beifangwenwu*, 2006, no. 1, pp. 14–23. (In Chin.)

17. *Wang L.* About two problems of Guntuling culture. *Beifangwenwu*, 2011, no. 1, pp. 28–31. (In Chin.)

18. Center for scientific laboratory research in archeology of the Institute of Archaeology of the Academy of Social Sciences of China: radiocarbon dating report, Kaogu, 1986, no. 7, pp. 656–660. (In Chin.)

19. *Alkin S. V.* Radiocarbon dating of archaeological sites in the northern territories of China. *Metody estestvennykh nauk v arkhologicheskikh rekonstruktsiyakh*. Novosibirsk, 1995, pt. 2, pp. 233–250. (In Russ.)

20. *Shi J.* Center for scientific laboratory research in archaeology of Institute of Archaeology of the Academy of Social Sciences of China: radiocarbon dating report. Kaogu, 1997, no. 7, pp. 35–38. (In Chin.)

21. *Stuiver M., Reimer P. J.* Extended ¹⁴C data base and revised CALIB 3.0 ¹⁴C age calibration program. *Radiocarbon*, 1993, vol. 35, no. 1, pp. 215–230.

Статья поступила в редакцию 29.12.2020

Дата рецензирования 22.01.2021

Статья принята к публикации 01.02.2021

DOI: 10.15372/HSS20210105

УДК 904(571)

В.Э. ШАВКУНОВ

**ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БАХОЛИ В ЕЛАНЬ И СТАВКА ВОЖДЕЙ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ
В ПРИМОРЬЕ В XI В.**

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
РФ, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89

Согласно официальной истории чжурчжэней «Цзинь ши», Бахоли переселился с территории Кореи в Елань, которая находилась в Южном Приморье (на территории современных Партизанского и Шкотовского районов), в X – начале XI в.. В то время на юге Приморья проживали носители смольнинской культуры. Крупнейшими ее памятниками являются Николаевское (Партизанский район) и Стеклянухинское I (Шкотовский район) городища. Предки Бахоли были бохайскими подданными, которых кидани переселили в район нижнего течения р. Ялуцзян. Но здесь не найдено предметов культуры чжурчжэней догосударственного периода. На Стеклянухинском I городище в жилище смольнинской культуры обнаружено бохайская глиняная посуда, на других памятниках смольнинской культуры, в том числе на Николаевском городище, такая посуда не встречена. Видимо, Бахоли со своим народом первоначально поселился в окрестностях Стеклянухинского I городища. Позже он или его потомки переместились на Николаевское городище, которое на одной из древних карт обозначено как Елань, где и основали свою резиденцию.

Ключевые слова: Бахоли, Елань, смольнинская культура, Стеклянухинское городище, Николаевское городище.

V.E. SHAVKUNOV

**RESETTLEMENT OF BAOHUOLI TO ELAN AND THE HEADQUARTERS
OF THE NÜCHENS LEADERS IN PRIMORYE IN THE XI CENTURY**

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
89, Pushkinskaya str., Vladivostok, 690001, Russian Federation

The article compares data of written sources on the history of the early Nüchen and archaeological materials. According to «Jin Shi», the official history of the Nüchen, Baohuoli moved from Korea in Yelan. In the X – early XI centuries, Yelan was located in the southern Primorie (the territory of modern Partizan and Shkotov districts). This resettlement took place at the turn of the X–XI centuries. At this time, the population of Smolnin culture lived in southern Primorie. The largest sites of Smolnin culture in Yelan was the Nikolaev fortress (Partizan district) and Steklyanukhin I fortress (Shkotov district). Both sites have a Nüchen layer. Ancestors of Baohuoli were Bohai citizens. After the Bohai Kingdom demise, the Qidan moved them to lower Yalujiang River bank. The relocated Nüchens had to have elements of Bohai culture. Nikolaev fortress is designated as Yelan on an ancient map. However, no objects of Jurchen culture of the pre-state period were found there. Bohai pottery was discovered in a dwelling of Smolnin culture at Steklyanukhin I fortress. Bohai ceramics were not found on other sites of Smolnins culture (including Nikolaev fortress). The territories of Shkotov and Partizan districts were not part of the Bohai Kingdom. Bohai pottery was revealed only on Steklyanukhin I fortress and around it. There is every reason to believe that Baohuoli and his people originally settled in the vicinity of Steklyanukhin I fortress. Later, he or his descendants moved to Nikolaev fortress and established their residence there.

Key words: Baohuoli, Yelan, Smolninskaya culture, Steklyanuhinskaya I fortress, Nikolaevskaya fortress.

ВВЕДЕНИЕ

Официальная история чжурчжэней «Цзинь ши» сообщает, что предок императоров Золотой империи

Ханьпу когда-то проживал на территории Кореи. В поисках лучшей доли он вынужден был покинуть первоначальное место проживания и переселиться на

Владимир Эрнстович Шавкунов – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов ДВО РАН, e-mail: vshavkunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2439-1865>.

Vladimir E. Shavkunov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, e-mail: vshavkunov@yandex.ru.

р. Пугань в племя ваньянь. Вместе с Ханьпу из Корё вышел его младший брат Баохоли, который поселился в Елани. Если в тексте летописи по поводу Пугани есть определяющий термин *шуй* (река), то у Елани нет никакой топографической привязки. Большинство исследователей при переводе к этому топониму добавляют термин «местность». И это правильно, поскольку в конце I – начале II тыс. н.э. Елань была довольно обширной областью, а какое-то время и губернией в составе Золотой империи чжурчжэней. По всей видимости, сам топоним должен был произойти от населявших территорию племен или от родового названия правителей этого населения [1, с. 58]. О месте расположения р. Пугань точных сведений не имеется, а исследователи ранней истории чжурчжэней и комментаторы летописи просто помещают эту реку на территории Маньчжурии. С более объемным в значении топонимом Елань дело обстоит несколько проще. Отечественные исследователи помещают ее на территорию Приморского края, иногда без более конкретной локализации [2, с. 40], иногда – в верховья р. Уссури, т.е. в центр Приморья [3, с. 189], иногда – в Южное Приморье [4, с. 236].

Между тем есть очень веские основания считать, что средневековая Елань находилась на юго-востоке Приморского края. По крайней мере, анализ сведений из географического раздела «Цзинь ши» о местоположении чжурчжэньской губернии Елань отправляет ее именно на юго-восток Приморья. С наибольшей долей вероятности, административный центр этой губернии должен был располагаться в Партизанском районе Приморского края в долине р. Партизанской. В то же время Елань граничила с другой губернией чжурчжэней – Суйпин, занимавшей долину р. Раздольной (бывшей р. Суйфун), т.е. находилась на территории современных Шкотовского и Партизанского районов Приморья [1, с. 61]. Сама губерния была образована на территории проживания вождей приморских чжурчжэней – потомков Баохоли. Последние, со времени правления общеплеменного вождя Угуная (?1040 – 1074 гг.), всегда поддерживали своих маньчжурских сородичей и сыграли заметную роль в деле объединения чжурчжэньских племен и создания Золотой империи. Угунай даже посещал приморских родственников, а его сын Хэлибо какое-то время гостил и лечился в их резиденции [5, с. 600]. Ясно, что к этому времени переселенцы в Приморье уже прочно обустроились на новых землях.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БАОХОЛИ В ПРИМОРЬЕ

Само переселение Баохоли, т.е. его исход вместе со старшим братом Ханьпу с территории Кореи, должен был произойти с наибольшей долей вероятности, в середине 990-х гг. [6, с. 61]. Вышли братья, есте-

ственно, не вдвоем, а со своими семьями и слугами, т.е. с достаточно многочисленным обозом. И если Ханьпу перемещался по территории, заселенной родственными племенами, и мог получать от них исчерпывающую информацию о наиболее удобном маршруте, то Баохоли пришлось ехать по неведомым землям. В таком случае ему должно было потребоваться значительно больше времени для поиска удобного и безопасного места поселения. Скорее всего, на юго-восток Приморья он добрался где-то на рубеже тысячелетий. В середине XI в., когда Приморье посещал Угунай, в Елани правил его родственник Чжилихай, который являлся четвертым потомком Баохоли [3, с. 194]. При той плодовитости, которая была присуща ранним чжурчжэням, чему способствовала полигамия у знати [7, с. 38], чжурчжэньское население Елани должно было заметно возрасти. И не обязательно только за счет переселившихся семей. Возрасти до такой степени, что во время правления ваньяньского вождя чжурчжэней Хэлибо (1074 – 1092 гг.) еланьские чжурчжэни выставили ему в помощь 5200 воинов [5, с. 600]. И надо думать, это была не 100%-ная мобилизация мужского населения. Несколько позже, в 1124 г., из Елани в губернию Субинь был переселен целый *мэньань*, который с 1114 г. состоял из 3 тыс. дворов [2, с. 76], т.е. трудоспособное население насчитывало 10–15 тыс. чел. По всей видимости, это не было тотальным переселением, и на территории упраздненной губернии Елань оставалось еще достаточно много жителей. Таким образом, за век жизни в Елани чжурчжэньское население значительно увеличилось. Соответственно, должны были вырасти число и размеры их поселений.

Элементы культуры ранних чжурчжэней (XI–XII вв.) в Приморье пока не выделены. Да и памятники, датированные этим временем, в крае практически не определены. Поэтому точно установить, где впервые обосновались чжурчжэньские переселенцы, крайне проблематично. Однако некоторые предположения сделать можно.

К моменту переселения Баохоли в Приморье, т.е. к рубежу I и II тыс., на юго-востоке края проживали носители смольнинской культуры. При этом почти половина всех известных смольнинских памятников находится в Партизанском районе, и практически все они привязаны к долине р. Партизанской. Выходит, что эта местность была достаточно плотно заселена смольнинцами. Можно предположить, что заселенная ими территория и есть Елань и среди них был видный одноименный род, получивший свое название по протекавшей реке, на которой они жили. Раньше, используя известную карту Д'Анвилля, я уже пытался определить современную реку, носившую в древности название Елань. Получалось, что в конце минского – начале цинского времени р. Ялань

(у Д' Анвилля в написании Yarkan) – это современная р. Литовка, протекающая по границе Шкотовского и Партизанского районов [1, с. 59–61]. Однако на другой, безымянной и неопубликованной карте цинского времени на юго-востоке Приморья обозначена р. Елань, которая является самой крупной в тех местах. И в среднем течении этой реки, в ее долине, обозначен укрепленный город под названием Елань. Самой крупной рекой на юго-востоке края является р. Партизанская, в долине которой по ее среднему течению находится Николаевское городище. Правда, эта карта далека от совершенства и, скорее всего, так же, как и карта Д' Анвилля, «основана большей частью на расспросах». Как бы то ни было, в памяти местного тунгусского населения, видимо, сохранились предания о существовании на юго-востоке Приморья большой реки Елань, в долине которой находился древний одноименный город. Упомянутая безымянная карта дает веские основания для того, чтобы отождествить город и реку Елань с Николаевским городищем и р. Партизанской. При этом надо отметить, что на данном памятнике зафиксирован и чжурчжэньский слой, и слой смольнинской культуры. Если же рассматривать ареал смольнинской керамики, то Николаевское городище является самым крупным известным памятником смольнинской культуры. Кроме того, это одно из крупнейших долинных городищ Приморья.

Из сказанного выше можно сделать вполне обоснованное предположение о том, что Николаевское городище в чжурчжэньское время являлось главным городом губернии Елань. Еще одним аргументом в пользу высказанного мнения может служить факт обнаружения на памятнике именной бронзовой бирки-рыбки, выданной где-то в VIII–IX вв. некоему Нелици по поводу присвоения ему высокого звания «командующий левой доблестной охраной» [8]. И в том же Партизанском районе была найдена еще одна именная бирка, выданная в 795 г. представителю племени тели Цитуся [9]. Находки сразу двух редких именных «документов» на компактной территории могут свидетельствовать об очень популярном и значимом месте, куда регулярно прибывали знатные гости из далеких земель. Как правило, такие места имели в древности большое административное значение, в них проживала местная знать. И в такие места в первую очередь приезжали иноплеменные гости по торговому, дипломатическому или иным делам. Здесь не лишним будет отметить, что в Елань на похороны Асымэня (младшего брата тогдашнего вождя еланских чжурчжэней Шитумыня) приезжал основатель Золотой империи Агуда, правда, еще до того момента, как он стал вождем племени Ваньянь [5, с. 612]. По всей видимости, Агуда должен был посещать

главный город Елани, на звание которого в наибольшей степени претендует Николаевское городище.

Если это так, то на памятнике должен быть слой XI в. и, соответственно, предметы быта ранних чжурчжэней. На городище проводились археологические работы, правда, в основном на месте внутреннего города. Как показали раскопки, там находился буддийский храмовый комплекс, находки в котором состояли в основном из кровельной черепицы и терракотовых украшений. Немногочисленный керамический материал обнаружен по большей части вокруг этого комплекса и был характерен для чжурчжэньской керамики XII – начала XIII в. [10, с. 289–291]. То же самое касается и кирпичей фундамента буддийского храма, которые по своим пропорциям практически идентичны кирпичам металлургических печей Шайгинского городища [11, с. 79], датированного первой третью XIII в. Можно предположить, что либо ранний чжурчжэньский слой на Николаевском городище просто не был найден, либо керамика конца XI в. мало чем отличалась от поздней чжурчжэньской. Более вероятным представляется первый вариант, ведь раскопки проводились на относительно небольшой площади.

Можно, конечно, попытаться вычислить, какими должны быть предметы ранних чжурчжэней в Приморье. Переселился Баохоли с территории Кореи, с левого берега р. Амнокан (Ялуцзян). Переселился не один, а со своей семьей и всем домашним скарбом, в том числе и с посудой. Правда, все источники по ранней культуре чжурчжэней сообщают, что ели они из деревянных мисок и деревянными ложками [7, с. 30–31]. Однако готовить пищу они все-таки должны были либо в котлах, либо в глиняных горшках, да и хранить припасы целесообразнее в глиняной посуде. В таком случае горшки ранних чжурчжэней Приморья должны иметь аналогии с памятников X–XI вв. с северо-запада современной КНДР. Сюда после разгрома киданями государства Бохай были переселены несколько тысяч семей чжурчжэней, которые в источниках называются регистровыми, мирными, цивилизованными, или чжурчжэнями Хэсугуань [2, с. 33–34]. То, что их называют цивилизованными, и то, что кидани смогли переселить их, свидетельствует о том, что они до 926 г. являлись подданными королевства Бохай и проживали на его территории. Переселяли кидани их тоже со всем их имуществом, и есть основания полагать, что, в частности, глиняная посуда должна быть у них бохайского облика. Следовательно, ранние чжурчжэни Приморья также должны были использовать глиняную посуду, близкую бохайским изделиям.

Елань (т.е. юго-восточная часть Приморья) если и входила в состав королевства Бохай, то лишь номи-

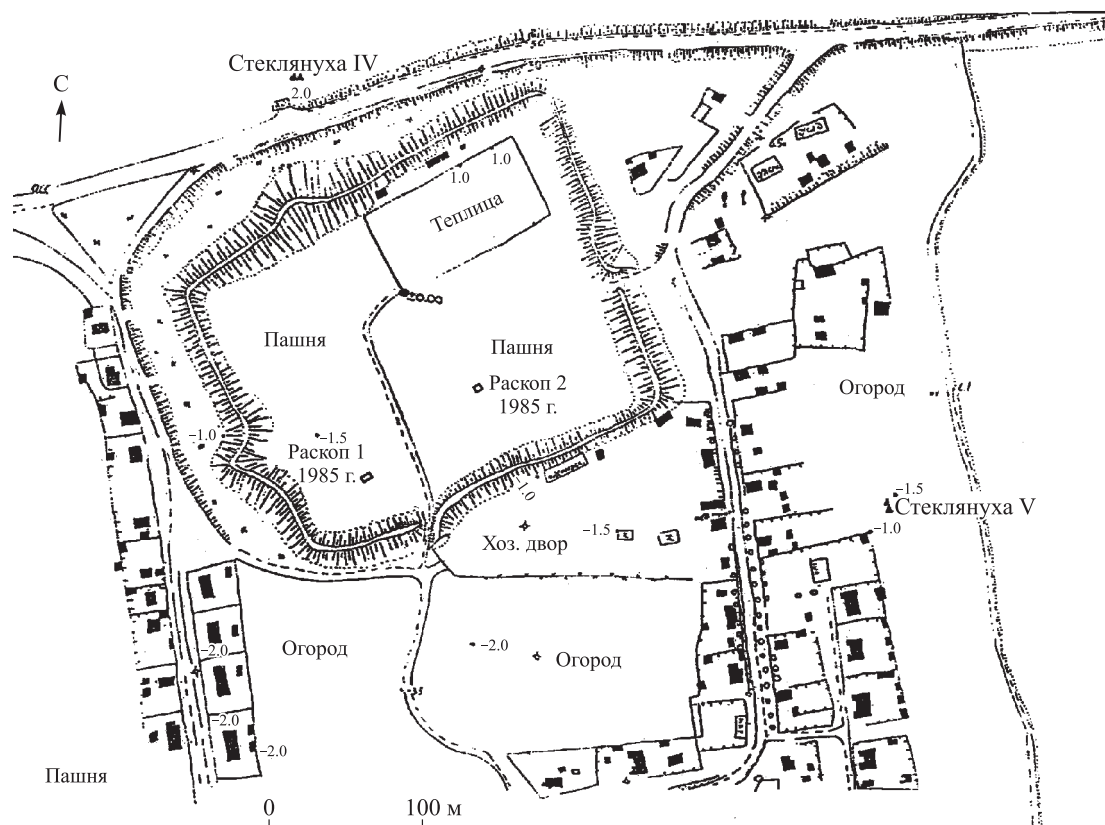

Рис. 1. План Стеглянухинского I городища

Fig. 1. Plan of Steklyanukha I fortress.

нально. Эти места не были бохайскими землями, их занимали носители смольнинской культуры [12]. Значит, и памятников бохайской культуры здесь не должно быть. Однако имеются сообщения о находках бохайской керамики на территории Шкотовского района в долине р. Шкотовки. Эта долина также богата средневековыми памятниками. Самый крупный и известный из них – Стеглянухинское I городище. Кроме него, в долине находилось еще два укрепленных поселения. Одно из них располагалось у слияния рек Шкотовка (Цемухэ) и Стеглянуха (Малая Цемухэ) [13, с. 23], к настоящему времени оно полностью уничтожено. Другое городище размещалось на правом берегу р. Стеглянуха, в 4 км вверх от одноименного села. От него сохранился небольшой участок вала, рядом с которым найдена бохайская керамика (ленточные ручки, пароварка)¹. Помимо городищ в долине Шкотовки было зафиксировано несколько средневековых поселений. На Стеглянухе V (на северо-восточной окраине села) и Стеглянухе VI (через

трассу от Стеглянухинского I городища) найдено много керамики с вафельной поверхностью². Скорее всего, оба памятника составляли в древности единый комплекс с городищем (рис. 1). На Стеглянухе VIII зафиксирован очаг с бохайской посудой, а на Стеглянухе IX (в 3,5 км на запад от с. Стеглянухи, у северо-западной подошвы сопки Стул) найдена бохайская и чжурчжэньская керамика³.

А.В. Александров отмечает присутствие бохайской керамики и на Стеглянухинском I городище. В частности, в жилище 1, отнесенном им к «ранне-средневековому слою бохайского времени», выделяется три группы керамики: «высококачественная керамика... с характерной для бохайской гончарной техники лощением по ангобу и фрагменты бохайских дольчатых сосудов»; «низкокачественная лепная керамика»; «вафельная керамика»⁴. При этом описание форм, размеров и орнамента лепных сосудов не оставляет сомнений в том, что они относятся к лепной

² Там же. – Л. 48

³ Там же. – Л. 55.

⁴ Александров А.В. Отчет об археологических раскопках на городище Стеглянуха-I в Шкотовском районе. 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11747. Л. 26.

¹ Александров А.В. Отчет о разведке археологических памятников в долинах рек Шкотовки и Стеглянухи Шкотовского района [Приморского края]. 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 10812. Л. 46.

Рис. 2. Вид на Стеклянухинское I городище с северо-востока.

Fig. 2. View of Steklyanukha I fortress from the north-east.

керамике смольнинской культуры. Такая же ситуация зафиксирована и в жилище 2. Обращает на себя внимание наличие в одном жилище и смольнинской керамики, и станковой керамики с лощением, и долбчатых сосудов. В других исследованных памятниках смольнинской культуры такого сочетания не отмечено.

Описанная А.В. Александровым керамика (днища пароварок, стенки с ленточными ручками, лощенные и долбчатые сосуды) действительно имеется в бохайском материале Приморья. Однако пароварки, часто с ленточными ручками, найдены и на памятниках смольнинской культуры (городище Шайга-Редут и Смольнинское городище), т.е. они не могут быть абсолютным индикатором бохайской культуры. Несколько иначе обстоит дело с долбчатой посудой, которая появляется у бохайцев в конце существования их государства и, скорее всего, была заимствована у киданей [14, с. 253, с. 256]. Возможно, долбчатый декор проник к бохайцам с Корейского полуострова, где он появился в начале X в. [15, с. 58] и, скорее всего, также от киданей.

Наличие на Стеклянухинском I городище поздней бохайской (или похожей на нее) керамики в жилищах, где преобладала смольнинская посуда, говорит о том, что во время проживания в них смольнинцев откуда-то к ним поступала посуда, оформленная в иной традиции и иной технике. Причем в немалом количестве. Поступление керамики бохайского облика к смольнинцам зафиксировано только в долине р. Шкотовки, территория которой входила в состав ранней Елани. В связи с высказанными выше соображениями можно предположить, что Баохоли, вместе

со своей семьей переселившийся из района Хэсугуани в Корею в Елань, первоначально обосновался в долине р. Шкотовка.

Рядом со Стеклянухинским I городищем А.В. Александровым отмечены два поселения (Стеклянуха V и Стеклянуха VI), на которых найдено много керамики с вафельной поверхностью. От городища эти поселения отделены современными дорогами и строениями, где, естественно, зафиксировать какие-либо древние артефакты крайне проблематично. По всей видимости, и городище, и оба этих поселения составляют единый комплекс смольнинской культуры. Тот факт, что в валу Стеклянухинского I городища была найдена керамика, в том числе вафельная, свидетельствует, что первоначально на этом месте находилось поселение смольнинцев. На каком-то этапе его функционирования здесь были насыпаны валы из взятой тут же земли. Таким путем эти валы стали маркировать детинец, в котором должны были проживать вожди или старейшины местного населения. Валы памятника довольно высокие, однако на них нет никаких башен (рис. 1; 2). Планировка городища близка к прямоугольной, а его валы не ориентированы по сторонам света. В детинец ведут четверо ворот, расположенных не по центру валов. Такой тип городищ в наибольшей степени характерен для бохайской фортификации [16, с. 68], а также для смольнинской культуры [17, с. 15–16]. В отличие от этих культур, чжурчжэньские равнинные городища, начиная с XII в., сооружались с башнями на валах [16, с. 69; 18, с. 130]. И хотя на Стеклянухинском I городище имеется чжурчжэньский слой, ясно, что оно возникло до XII в. и больше не перестраивалось.

Рис. 3. Карта расположения городищ Стеклянухинское I и Николаевское.

Fig. 3. Map of locations of Steklyanukha I and Nikolaev fortresses.

В отличие от него, на Николаевском городище имеются башни на валах, сами валы намного мощнее, а с внешней стороны памятника выкопан глубокий и широкий ров. Укрепления этого городища явно были модернизированы чжурчжэнями. Видимо, для них Николаевское городище было гораздо более важным, чем Стеклянухинское I городище. Об этом же свидетельствует наличие в нем большого и добротно сделанного чжурчжэнями буддийского храмового комплекса [10]. Все это также свидетельствует в пользу того, что Николаевское городище при чжурчжэнях служило административным центром сначала только местности, а в течение какого-то времени и губернии Елань.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из приведенных выше фактов и гипотез можно составить такую схему освоения чжурчжэнями Елани. Первоначально Баохולי со своей семьей прибыл и обосновался в долине р. Шкотовки, занимаемой носителями смольнинской археологической культуры. Скорее всего, это произошло на месте нынешнего

Стеклянухинского I городища или недалеко от него. Через какое-то время сам Баохולי или его потомки переселились в Партизанский район и сделали Николаевское городище (рис. 3) главной своей резиденцией, а позже и центром губернии Елань. Если эта схема верна, то представляется очень перспективным искать элементы культуры ранних чжурчжэней в долине р. Шкотовки и на Николаевском городище.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Шавкунов В.Э. Елань эпохи чжурчжэней // Вестн. ДВО РАН. 2007. № 5. С. 57–64.
2. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1975. 448 с.
3. Ларичев В.Е. Тайна каменной черепахи. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 254 с.
4. История Золотой империи / пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 288 с.
5. Ларичев В.Е. История чжурчжэней (XI – XII вв.) // Древняя Сибирь: Макет I тома «Истории Сибири». Улан-Удэ: [б.и.], 1964. С. 579–637.
6. Шавкунов В.Э. Ближайшие потомки Ханьпу // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17. Вып. 10: Востоковедение. С. 56–64.

7. Воробьев М.В. Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. 368 с.
8. Шавкунов Э.В. Бронзовая верительная бирка в виде рыбки из Николаевского городища // Сов. археология. 1989. № 1. С. 267–270.
9. Беляев В.А., Сидорович С.В. Две новые эпиграфические находки из Приморья // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2015. Вып. 3. С. 114–134.
10. Шавкунов Э.В. Раскопки на Николаевском городище (1960–1962 гг.) // Сибирский археологический сборник. Материалы по истории Сибири. Новосибирск: [б.и.], 1966. Вып. 2. Древняя Сибирь. С. 286–296.
11. Ленков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск: Наука, 1974. 172 с.
12. Шавкунов В.Э. К вопросу о восточной границе государства Бохай // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 27–32.
13. Буссе Ф.Ф., Крапоткин Л.А. Остатки древностей в Амурском крае // Зап. О-ва изучения Амурского края. 1908. Т. XII. С. 1–66.
14. Ивлиев А.Л., Дьякова О.В. О происхождении дольчатого декора в средневековых культурах Дальнего Востока СССР // Рериховские чтения 1984 г.: К 100-летию Н.К. Рериха и 80-летию С.Н. Рериха. Новосибирск, 1986. С. 250–256.
15. Ивлиев А.Л. Межэтнические контакты в средние века на востоке Азии // Вестн. ДВО РАН. 1997. № 1. С. 53–60.
16. Воробьев М.В. Городища чжурчженей как фортификационные сооружения // Докл. Геогр. о-ва СССР. 1968. Вып. 5: Этнография. С. 60–73.
17. Шавкунов В.Э. Памятники смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. 164 с.
18. Ивлиев А.Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. С. 120–133.
3. Larichev V. E. The secret of the stone turtle. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1966, 254 p. (In Russ.)
4. History of the Golden Empire. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1998, 288 p. (In Russ.)
5. Larichev V. E. History of the Nüchens. *Drevnyaya Sibir': maket I toma «Istorii Sibiri»*. Ulan-Ude:, 1964, pp. 579–637. (In Russ.)
6. Shavkunov V. E. The closest descendants of Hanpu. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2018, vol. 17, iss. 10, pp. 56–64. (In Russ.)
7. Vorobiev M. V. The Nüchens culture and Jin State (the X century –1234). Moscow, Nauka, 1983, 368 p. (In Russ.)
8. Shavkunov E. V. Bronze credential tag shaped as a fish from Nikolaev Fortress. *Sovetskaya arkheologiya*, 1989, no. 1, pp. 267–270. (In Russ.)
9. Belyaev V. A., Sidorovich S. V. Two new epigraphic finds from Primorie. *Srednevekovyye drevnosti Primor'ya*. Vladivostok, Dal'nauka, 2015, iss. 3, pp. 114–134. (In Russ.)
10. Shavkunov E. V. Excavation at Nikolaev Fortress. (1960–1962). *Sibirskiy arkheologicheskij sbornik. Materialy po istorii Sibiri*. Novosibirsk, 1966, iss. 2, pp. 286–296. (In Russ.)
11. Lenkov V. D. Metallurgy and metalworking among the Nüchens in the XII century (based on research materials from Shaigin Fortress. Novosibirsk: Nauka, 1974. 172 p. (In Russ.)
12. Shavkunov V. E. On the issue of the eastern border of the Bohai state. *Rossiya i ATR*, 2005, no. 4, pp. 27–32. (In Russ.)
13. Busse F. F., Krapotkin L. A. Remains of antiquities in the Amur region. *Zapiski Obshchestva izucheniya Amurskogo kraja*, 1908, vol. 12, pp. 1–66. (In Russ.)
14. Ivliev A. L., Dyakova O. V. On the origin of lobule decor in medieval cultures of the Far East of the USSR. *Rerikhovskie chteniya 1984 g.: k 100-letiyu N. K. Rerikha i 80-letiyu S. N. Rerikha*. Novosibirsk, 1986, pp. 250–256. (In Russ.)
15. Ivliev A. L. Interethnic contacts in the Middle Ages in East Asia. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 1997, no. 1 pp. 53–60. (In Russ.)
16. Vorobiev M. V. Nüchens fortresses as fortifications. *Doklady Geograficheskogo obshchestva SSSR*, 1968, iss. 5, pp. 60–73. (In Russ.)
17. Shavkunov V. E. Cites of the Smolninskaya culture of Primorie (based on materials from excavations of Smolnin and Shayga-Redut Fortresses). Vladivostok, IIAE DVO RAN, 2015. 164 p. (In Russ.)
18. Ivliev A.L. Qidan fortresses. *Materialy po drevney i srednevekovoy arkheologii yuga Dal'nego Vostoka SSSR i smezhnykh territoriy*. Vladivostok, 1983, pp. 120–133. (In Russ.)

REFERENCES

1. Shavkunov V. E. Yelan of the Nüchen era. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoy akademii nauk*, 2007, no. 5, pp. 57–64. (In Russ.)
2. Vorob'ev M. V. Nüchen and the Jin State (the X century – 1234). Moscow, Nauka, 1975, 448 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.01.2021

Дата рецензирования 22.01.2021

Статья принята к публикации 01.02.2021

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20210106

УДК 94: 353(470+571)"1700/1917"

Л.М. ДАМЕШЕК, И.Л. ДАМЕШЕК

СИБИРСКИЕ ИНОРОДЦЫ В ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ ИМПЕРИИ XVIII – НАЧАЛА XX в.

Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1.

В статье рассматривается влияние этнического фактора внутренней политики самодержавия на инкорпорацию сословия сибирских инородцев в политико-административное и социокультурное пространство империи XVIII – начала XX в. Анализируются правительственные мероприятия в отношении землепользования, управления, налогообложения аборигенов, подчеркивается протекционистский характер этой политики. Отмечается, что в конце XIX в. на смену имперскому регионализму пришел курс на принудительную инкорпорацию, связанный с интересами переселенческой политики в азиатской части империи. Власть преследовала цель выстраивания единой горизонтали по административному устройству и управлению сельского населения как внутренних, так окраинных губерний государства. Эти вопросы ранее освещались авторами, но возвращение к ним необходимо для системного анализа сущности имперской политики и ее эволюции.

Ключевые слова: Россия, империя, Сибирь, внутренняя политика, сибирские инородцы, политика инкорпорации, унификация.

L.M. DAMESHEK, I.L. DAMESHEK

SIBERIAN ABORIGINALS IN THE POLITICAL AND ADMINISTRATIVE SYSTEM OF THE EMPIRE IN THE XVIII – XX CENTURIES.

Irkutsk State University,
1, Karla Marxa str, Irkutsk, 664003, Russian Federation

The article considers the influence of an ethnic factor of the autocratic domestic policy on the incorporation of the Siberian aboriginals into the empire's political, administrative, and socio-cultural space in the XVIII – early XX centuries. The paper notes significant difference in such policy comparing it with the measures of the USA and European countries towards their colonies based on the chronological and comparative methods of historical research. Analyzing normative and procedural sources, the authors come to the conclusion on the reliance of the empire's policy towards its peripheries on the national elite, that was traditional for the autocracy, and the essential importance of the aboriginal factor in the Russian advance to the Far East. The article analyzes this policy as manifested in measures taken in the agrarian, administrative, and fiscal spheres. It emphasizes that the policy of imperial regionalism proclaimed by M. M. Speransky's Siberian reforms of 1822 was replaced by the policy of forced incorporation in the second half of the XIX century. This manifested itself in such ways as organizing land survey, introducing the passport system among the aboriginals, adopting the law on heads of peasants and indigenous peoples in 1898, starting the aboriginal conscription to the rear during the World War One, removing self-government of aboriginals, creating the volost system of rural government identical to the peasant system. The new administra-

Лев Михайлович Дамешек – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета, Иркутский государственный университет, e-mail: levldameshek@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7763-1199>

Ирина Львовна Дамешек – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России исторического факультета, Иркутский государственный университет, e-mail: dameshek@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2510-1652>

Lev M. Dameshek – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Irkutsk State University.

Irina L. Dameshek – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Irkutsk State University.

tive structure tasks of the Siberian inhabitants were closely related to the interests of the resettlement policy in the empire's Asian part. The administrative aspect of Asian Russia pursued clearly expressed integrative features aimed at building the unified horizontal power in the administrative structure and management of the rural population in both the internal and peripheral regions of the empire.

Key words: Russia, empire, Siberia, domestic policy, Siberian aboriginals, incorporation policy, unification.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю, была Сибирь. Ее освоение, начавшееся в XVII в., сопровождалось колоссальными усилиями русского народа и имело длительную историческую перспективу. Для народов Сибири процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты. Продвижение отрядов русских землепроходцев на восток и дальнейшее закрепление новых территорий в составе России продолжило формирование единого политико-административного пространства Европа–Азия. На протяжении XVI–XIX вв. Россия в результате включения в ее состав Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратилась в многонациональную империю. В начале XX в. в стране имелось около 200 больших и малых народов, различавшихся по языку, культуре, религии, менталитету и т. п. Кардинально изменилась этническая структура государства. Доля русских сократилась с 95 % населения в середине XVII в. до 44,6 % в начале XX в. [1, с. 20, 25]. Процесс «центрирования границ» завершился во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому, конфессиональному составу и менталитету населения. Многие поднимаемые в статье вопросы ранее рассматривались авторами, но освещение их в данной статье необходимо для более полного понимания имперской политики и ее эволюции.

ЯСАК И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ АБОРИГЕНОВ В XVII–XIX вв.

На первых порах народы Сибири, как известно, облагались данью (ясаком) в пользу государства. По мере включения аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них распространялись и другие виды податных обязанностей. И сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие

налоги на его содержание. Это коренным образом отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и не считались гражданами государства. В России первым и основным принципом окраинной политики на вновь присоединенных территориях стало сохранение существующего здесь порядка землепользования, верований и культуры в целом.

Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной центральной властью, объектом ее фискальных интересов. Правительство требовало не допускать здесь столкновений ради гарантированного обеспечения уплаты ясака сибирскими народами, что было их основной обязанностью по отношению к государству и что на первых порах определяло позицию правительства в отношении коренного населения. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушниной. Поэтому центральная власть по мере возможности пыталась не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли (подробнее см.: [2, с. 208–215]). Этот курс проводился решениями Сибирского приказа XVI в., Первого и Второго Сибирских комитетов, иных властных структур конца XIX в.

Если в XVII в. правительственные указы требовали взимать ясак мехами, то в XVIII и тем более в XIX в. экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири, закреплению их оседлости. В хозяйственном отношении данные процессы стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

Все это имело целью и следствием не только экономическую, но и социокультурную инкорпорацию окраины в состав империи. В этом процессе православный русский крестьянин-земледелец должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «иногородца» не только пахать, косить, строить дома, но также молиться и даже думать по-русски. Проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно так понимали

суть колонизации Сибири те современники, которые отстаивали идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи.

**ПОЛОЖЕНИЕ «О ВИДАХ НА ЖИТЕЛЬСТВО»
ОТ 8 ИЮНЯ 1898 г.
(ВВЕДЕНИЕ ПАСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ У АБОРИГЕНОВ)**

По мере успехов земледелия у народов Сибири оно все больше приобретало товарный характер, что имело большое значение в переходе их к оседлости. Конкретными проявлениями усвоения новых практик стало строительство многими инородцами деревянных домов и хозяйственных построек, распространение среди них плотничного ремесла, развитие отхожего промысла, который давал средства на содержание семьи и уплату налогов (его значение колебалось от 20 % у забайкальских бурят до 7–9 % у татар, хакасов, якутов). Этому способствовало решение Государственного совета о распространении на сибирских аборигенов действия паспортной системы. В созданной для разработки законопроекта комиссии наиболее активную роль играл В.К. Плеве, который настоял на подчинении всех без исключения аборигенов действию паспортного режима. Положение «О видах на жительство», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г., определяло аборигенам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорт. «Местом постоянного жительства» оседлых считалось общество или волость, к которой они были приписаны, кочевников – район перекочевков. Все аборигены обязывались иметь паспорт при устройстве на работу по найму. Длительное проживание в городе с торговыми и иными целями также разрешалось только по паспортам. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, его продление оговаривалось согласием общества или инородческого начальника, ответственного за поступление податных сборов (ст. III). Таким образом отлучки аборигенов из мест постоянного проживания ставились под прямой контроль местной администрации.¹

Экономически введение паспортной системы у аборигенов было обусловлено развитием рыночного хозяйства, ростом применения наемного труда. Для части коренного населения Сибири работа по найму становилась основным источником существования. Вопрос о количестве выданных паспортов, безусловно, интересен во многих отношениях. В нашем конкретном случае выяснение его позволило бы не только получить дополнительные данные о количестве лиц, занятых вне сферы традиционных для народов Сибири видов хозяйственной деятельности, но и оп-

ределить, насколько последовательно проводилось в жизнь данное положение. К сожалению, имеющиеся на этот счет сведения далеко не полны. Мы располагаем лишь отрывочными данными, не позволяющими воссоздать общую картину. Отходничество и связанное с ним увеличение количества выданных паспортов получили развитие в период строительства Транссибирской железной дороги. По сведениям В.Ф. Борзунова, только на строительстве одного Забайкальского участка дороги ежегодно работало около 3,5 тыс. бурят, карымов и казаков. В Западной Сибири на строительстве дороги также трудились представители местных кочевых народов [3, с. 155; 4, с. 27]. Говоря о связи отходничества с развитием паспортной системы, следует в то же время учитывать условность этого взаимовлияния. Как справедливо подметил Р.М. Введенский, паспортная статистика показывает число только тех, кто «уходил из домов далеко и надолго, чья связь с хозяйством ослабевала совсем», а менее продолжительные отлучки «на развитии паспортной статистики не отражались» [5, с. 169].

**ЭТНИЧЕСКИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ФАКТОРЫ
В ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ**

Интересы российского государства применительно к народам Сибири определялись не только экономическими, но и политическими соображениями, связанными, прежде всего, с потребностями укрепления позиций российской государственности на востоке. Периферийная и практически мало обжитая Сибирь оказалась на перекрестке столкновения стратегических интересов России и государств Центральной Азии. В решении стратегической задачи закрепления Сибири за Российским государством аборигенному фактору изначально отводилась немаловажная роль.

В русской экспансии в Сибирь, в отличие от европейских стран – Англии, Франции, Голландии, Испании, аборигенный демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль (оценку зарубежной историографии этой проблемы см.: [6]). Они не создавали у русского сибиряка состояние психологически-национального одиночества и дискомфорта (подробнее см.: [2, с. 227–243]). В Сибири русская и аборигенная цивилизации не просто существовали и развивались параллельно, как у европейцев и индейцев на атлантическом побережье США, а как бы проникали, входили друг в друга. В Сибири русский человек не ощущал себя за рубежом. Уральские горы, в отличие от Атлантического океана, не были пограничным рубежом и не создавали у русских сибиряков чувство оторванности от исторической родины. Стержневой линией прави-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15, ч. 1, 1896 г. Л. 132.

тельственного законодательства о коренных народах в XVIII – XIX вв. является стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. Каждый из вошедших в состав Российской империи народов принес в новое для него государство свои менталитет, культуру, вероисповедание, сложившиеся формы судопроизводства и местного самоуправления. Одновременный слом этого «юридического быта» народов и народностей мог привести к осложнениям и во вновь присоединенном крае, и во взаимоотношениях с другими державами, имевшими собственные интересы в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

На первых порах империя стремилась интегрировать имевшиеся у народов Сибири системы местного управления и самоуправления в создававшийся на окраинах механизм государственно-правовой власти. Законодательный механизм империи как бы впитывал в себя законодательные системы, которые приносили с собой новые земли и народы. На окраинах государства влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – Кавказ, Сибирь и других – наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани привилегии и земли лояльной татарской аристократии были сохранены, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока шел процесс формирования местных элит, состоявших из представителей родовой знати и старшин. Представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т.д. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов. Предпринимались даже попытки их кодификации [7, с. 211–223]. Но по мере усиления инкорпорации народов Сибири в систему общероссийских государственных, экономических и иных связей эти тенденции в административной политике империи в Сибири по-прежнему сохраняются. Довольно долго сохранялось понимание русскими властями невозможности полностью подчинить народы Сибири действию общероссийского административного законодательства, стремление учесть некоторые региональные особенности. Последнее хорошо иллюстрируется таким примером, как смена официального названия народов края: от «ясашных иноземцев», т.е. людей, еще не окончательно вступивших в подданство России в XVII в., до «ясачных иноверцев» в XVIII и начале XIX в. Известные сибирские реформы М.М. Сперан-

ского 1822 г. вводят в российское законодательство термин «инородцы» в качестве официального названия народов Сибири, сохранявшегося до 1917 г.

Этот важнейший памятник имперского законодательства, первый в России свод комплексного регионального законодательства, закрепил основные принципы административной, финансовой и национальной политики империи применительно к сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России, и положил начало политике, известной в современной историографии как политика имперского регионализма. В связи с этим заметим, что региональная идентификация и формирование образа азиатских окраин империи как в центре, так и на местах во многом зависела от формирования административных границ самого региона. Интерпретация региона расширялась по мере увеличения его границ, соответственно усложнялись и управленческие задачи.

Однако бесспорным доказательством факта того, что в Сибири власть шла явно впереди экономики, является система организации управления народами Сибири в пореформенный период и особенно в конце XIX в., когда правительство приступило к ломке административного строения, освоенного на принципах Устава М.М. Сперанского 1822 г. Это был действительно «новый курс» в имперской политике по отношению к народам Сибири, хотя и учитывающий некоторые важные для инородческой среды изменения, например, в виде развития буржуазных отношений в хозяйстве и социальной сфере, но на деле продиктованный усилением националистических тенденций во внутренней политике, в основе чего лежала концепция поглощения имперским ядром «желтой расы», проживавшей на азиатских окраинах империи. Мысль о необходимости нести европейскую цивилизацию «азиатам» прослеживается в деятельности всех имперских структур, занимавшихся миграционными процессами в поздней имперской России. Не случайно основная роль при этом отводилась русским переселенцам, которые должны были дать силы для защиты «интересов империи» на востоке. Здесь следует отметить, что национализм всегда играл известную роль во внутренней политике самодержавия. Особенно активно он проявился в третьиононьский период. Уже на предвыборных собраниях во II Государственную думу в 1907 г. из лагеря правых раздавались призывы в поддержку русского национализма, который, по их мнению, отнюдь не является каким-то антигуманным явлением и не стремится обидеть и тем более «поглотить другие народности и национальности». Важнейшая задача нацио-

нализма заключалась в том, чтобы защитить и оборонить интересы русской государственности [8, с. 4].

Для этой цели и привлекался русский национализм. С его помощью нужно было настолько «обрусить» нерусское население, чтобы оно утратило свои национальные особенности и слилось с русским. «Обрусить – значит сделать инородцев по своим убеждениям русскими». Для достижения этой цели рекомендовалось поставить аборигенов в такую «обстановку, при которой они возможно меньше вспоминали бы о своей былой независимости». В. Строганов сформулировал задачи национальной политики самодержавия в следующих выражениях: «Итак, что-нибудь одно: либо мы должны отказаться от девиза “Россия для русских”, либо от обрусительной политики, так как совместить то и другое так же нелепо, как тушить пожар керосином» [9, с. 146-148].

В период, когда существование самодержавия пришло в противоречие с интересами абсолютного большинства российского общества, теоретики национализма пытались ссылками на исторический опыт других стран подсказать правительству рецепты выхода из кризиса. И.П. Балашев, ставя риторический вопрос с том, почему Франция «в своем могучем организме» смогла растворить «целый десяток различных народностей», приходил к выводу о том, что «там не давали им (инородцам – *Авт.*) никаких особых льгот... а главное налагали одинаковые обязательства». В России же «невежественная и бездарная бюрократия силилась, напротив, всячески огородить их (инородцев. – *Авт.*) от главенства русской народности, вместо того чтобы думать о слиянии с ней» [10, с. 14].

От теоретиков великодержавного шовинизма не отставали и должностные лица царской администрации. Иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов в отчете о состоянии Забайкальской области за 1908 г. выражал серьезные опасения по поводу возможных последствий скопления большого количества коренных жителей в одной области. Подобные явления, по его мнению, не способствовали упрочению позиций самодержавия в крае. Имея в виду активное участие бурятского населения области в общественном движении в годы Первой русской революции, он подчеркивал, что «никому не известно, когда прочность нашего положения в этой области может подвергнуться тяжкому испытанию². Применительно к народам Сибири основные предложения по поводу будущих административных преобразований в крае были сформулированы иркутским генерал-губернатором Н.П. Игнатьевым в 1887 г. в специальной «Про-

грамме деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет»³. Если представители губернской администрации только настаивали на реформе управления аборигенами, не выдвигая при этом никаких конкретных предложений и отдавая вопрос о разработке реформы на откуп правительству, то проект Н.П. Игнатьева содержал на этот счет конкретные рекомендации. Конечную цель проекта автор сформулировал кратко и ясно – «обрусение «инородцев»⁴. Решению этих задач должно было способствовать подчинение аборигенов власти земских начальников, как это было сделано в губерниях Европейской России применительно к крестьянам. Игнатьев считал, что введение данной меры будет «самым практическим» шагом на пути полного подчинения аборигенов русскому законодательству, а в конечном итоге и обрусению. Известно, что Александр III на полях документа написал: «Да! Весьма пора» [2, с. 237]. Именно предложения А.П. Игнатьева и министра внутренних дел И.Л. Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках» (позже начальники участков, в которых проживало коренное население, стали именоваться «крестьянскими и инородческими начальниками»). Оно явилось началом полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Органы управления инородцев, основанные на принципах Устава 1822 г., заменялись управами, устроенными по русскому типу. При этом права крестьянских начальников в отношении подведомственного населения были значительно расширены по сравнению с земскими начальниками.

ИНОРОДЧЕСКИЙ ВОПРОС ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Одной из важнейших особенностей последствия введения закона о крестьянских начальниках в Азиатской России стало четко выразившееся стремление правительства ликвидировать сословие инородцев и полностью подчинить народы Сибири действию общеимперских законов. Значимыми в этом плане стали работы по организации и проведению землеустройства аборигенов, выполняемые центральными и местными органами Министерства внутренних дел. Характерно, что в начальный период работ по землеустройству упразднение разрядной системы деления инородцев на оседлых, кочевых и бродячих рассматривалось правительством как логическое завершение такого процесса. Однако он сильно затянулся. С осе-

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 11–22 об.

³ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131.

⁴ РГИА. Ф.391. Оп.1. Д.73. Л.9.

ни 1908 г. министерские чиновники разного уровня, ссылаясь на прямые указания П.А. Столыпина, стали требовать от губернской администрации «скорейшего» перевода кочевых аборигенов в разряд оседлых. К 1914 г. из 350 тыс. кочевников, числившихся по официальным данным в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, в категорию оседлых было перечислено 233 тыс. душ, в разряде кочевых и бродячих провозждало оставаться около 116 тыс. душ, или примерно 33 % коренного населения [2, с. 242].

Одновременно правительство вводило у аборигенов волостную реформу. Старое административное деление на рода, ведомства и т.д., основанное на родовых принципах Устава 1822 г., уходило в прошлое. Замена родового принципа территориальным подрывала остатки патриархально-родового строя и отвечала изменяющимся условиям хозяйственной жизни народов Сибири. Вместо родовых управлений и инородных управ вводились сельские и волостные управления по русскому образцу. Задачи нового административного устройства народов Сибири оказались тесно связанными с интересами переселенческой политики в азиатской части империи, управленческий аспект которой преследовал явно выраженные интеграционные черты, направленные на унификацию административного устройства внутренних и окраинных губерний государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс формирования политико-административной системы империи неотделим от изменений отношений центра с национальными окраинами, реализации конкретных моделей взаимоотношения центральной власти с этносами. Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. В истории России при выстраивании взаимоотношений центральной власти с окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и их населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Национальный вопрос был не простым для российского правительства. Большая часть нерусского населения в XVIII и XIX вв. проживала на приграничных территориях, окраинная политика становилась важным фактором политической стабильности государства. Включение в состав Российской империи новых территорий с иноязычным населением вновь и вновь актуализировало проблему осознания этих земель как неотъемлемой части России, порождало вопрос о судьбах и будущем вновь присоединенных народов в составе России, их месте в быстро растущей империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин, 2001. Т. 1. 548 с.
2. *Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.*
3. *Борзунов В.Ф.* Рабочая сила на строительстве Сибирской магистрали // Исторические записки. 1961. № 70. С.147–162.
4. *Борзунов В.Ф.* Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне Первой русской революции. М.: Наука, 1965. 198 с.
5. *Введенский Р.М.* Паспортная политика русского царизма и ее влияние на крестьянский отход // Социально-политическое и правовое положение крестьян в дореволюционной России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. С. 162–173.
6. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Образы сибирских «окраин» империи как предмет зарубежной историографии XX – XXI вв. // Вестн. Бур. науч. центра СО РАН. 2020. № 1(37). С. 84–97.
7. *Дамешек Л.М.* Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 456 с.
8. *Любинский А.И.* Русский национализм как средство борьбы с революционно-инородческим движением: речь, произнесенная в предвыборном собрании 14 сентября 1907 года. Киев: Тип. И.И. Горбунова, 1907. 16 с.
9. *Строганов В.* Русский национализм. Его сущность, история и задачи. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912. 152 с.
10. *Балашев И.П.* О национализме вообще и в частности о русском: памяти Петра Аркадьевича Столыпина. СПб.: [б. и.], 1911. 32 с.

REFERENCES

1. *Mironov B.N.* The social history of Russia in the period of the empire (XVIII – the beginning of the XX century). Saint Petersburg, 2003, vol. 1, 548 p. (In Russ.)
2. *Dameshek L.M., Remnev A.V.* (eds.) Siberia as part of the Russian empire. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2007, 368 p. (In Russ.)
3. *Borzunov V.F.* Workforce at the construction of the Siberian Railway. *Istoricheskiye zapiski*, 1961, no. 70, pp. 147–162. (In Russ.)
4. *Borzunov V.F.* The proletariat of Siberia and the Far East on the eve of the first Russian revolution. Moscow, Nauka, 1965, 198 p. (In Russ.)
5. *Vvedensky P.M.* The passport policy of Russian tsarism and its impact on peasant labor walkout. *Sotsial'no-politicheskoye i pravovoye polozheniye krest'yan v dorevoluytsionnoy Rossii*. Voronezh, 1983, pp. 162–173. (In Russ.)
6. *Dameshek L.M., Dameshek I.L.* Images of the Siberian edge of the empire as a subject of foreign historiography of the XX – XXI centuries. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*, 2020, no. 1, pp. 84–97. (In Russ.)
7. *Dameshek L.M.* Siberian “inorodtsy” in the imperial strategy of power (XVIII - early XX centuries). Irkutsk, Ottisk, 2018, 456 p. (In Russ.)
8. *Lyubinsky A.I.* Russian nationalism as a means of combating the revolutionary and aboriginal movement. Speech delivered at the pre-election meeting on September 14, 1907. Kiev, Tip. I.I. Gorbunova, 1907, 16 p.
9. *Stroganov V.* Russian nationalism. Its nature, history, and objectives. Saint Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1912, 152 c. (In Russ.)
10. *Balashhev I.P.* On the nationalism in general and the Russian nationalism in particular: in memory of Pyotr Arkadyevich Stolypin. Saint Petersburg, 1911, 32 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.01.2021

Дата рецензирования 11.01.2021

Статья принята к публикации 29.01.2021

DOI: 10.15372/HSS20210107
 УДК 94:272(571.6)"1916/1921"

Т.Г. НЕДЗЕЛЮК

**ДОБРОХОТНОЕ ДАРЕНИЕ ИЛИ КАБАЛЬНАЯ СДЕЛКА?
 ПОВСЕДНЕВНАЯ ИСТОРИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ
 Г. НИКОЛЬСК-УССУРИЙСКОГО (1916–1921 гг.)**

Сибирский институт управления – филиал Российской академии
 народного хозяйства и государственной службы
 при Президенте Российской Федерации,
 РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6

Статья посвящена анализу оригинального сюжета повседневной истории одной из религиозных общин азиатской части России. Строительство храмовых зданий во всех религиозных конфессиях ассоциируется с благотворительностью, меценатством; предприниматель же из г. Никольска-Уссурийского предпринял попытку извлечения прибыли и навлек на себя обоснованный гнев единоверцев. Темпоральные границы исследования охватывают пятилетие на переломе эпох – от империи к смене политического режима. В качестве источниковой основы исследования использованы архивные материалы Уссурийского католического прихода. Методологический базис исследования включает историко-генетический принцип, а также методы археографии, контент-анализа источников. Сделаны выводы о влиянии внешних событий на ментальные установки, о секуляризации сознания в ситуации мировоззренческого выбора.

Ключевые слова: католический приход, польская диаспора, Уссурийск, история повседневности, строительство костела, церковный строительный комитет, католическая консистория.

T.G. NEDZELYUK

**A WILLING GIFT OR A BONDED TRANSACTION?
 DAILY HISTORY OF THE CATHOLIC COMMUNITY
 OF NIKOLSK-USSURIYSKY (1916–1921)**

Siberian Institute of Management – a Branch of the Russian Academy
 of National Economy and Public Administration
 under the President of the Russian Federation,
 6, Novgorodzkaya str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

The study is devoted to a rather unusual regional issue of confessional history implemented exactly a century ago in the east Asian part of Russia. Parishioners of the Catholic community of Nikolsk-Ussuriysky, seaside town, realized the need to build a classic stone church building instead of a chapel. Felix Ivanovich Stetskevich, a local resident, declared himself a sponsor, promising to give the community a land plot to build the church. His intentions changed during the construction process facilitated by the external events' background, namely the revolutionary events in the country. The conflict between Stetskevich and the community members was caused by changes in the "patron"'s worldview. The conflict resulted in the court decision that made Felix Stetskevich the sole owner of the church building. The study object is the national confessional community of Poles, Roman Catholics, who lived in Nikolsk-Ussuriysky town, near Vladivostok. The research subject is changing worldview of the religious community's brightest member who claimed to be the group leader. The investigation's temporal frames are defined by the event's extreme dates (in this case, the start and end dates of the temple building's construction), and cover five years at the turn of epochs: from the empire to the change of political regime in the east of Russia. The study objective is to reveal relationship between the motivations that guided the "patron" and their implementation in practice. The work's methodological basis is a broad approach to social history using the historical-genetic principle, as well as methods of archeography, content analysis of sources. The author has studied and analyzed materials transferred by the Catholic religious community of Ussuriysk to store in the Russian State Historical Archive of the Far East. The paper concludes on external events influencing mental attitudes, the consciousness secularization in the situation of ideological choice.

Key words: Catholic parish, Polish diaspora, Ussuriysk, everyday history, church construction, Church Construction Committee, Catholic consistory.

Татьяна Геннадьевна Недзелюк – д-р ист. наук, доцент, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail: tatned@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8374-9348>

Tatyana G. Nedzelyuk – Doctor of Historical Sciences, Professor, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к повседневной истории религиозных общин на территории нашей страны неразрывно связан с познанием многогранной российской идентичности. Эта установка сменила идеологический посыл, позволила вписать репрессивную антицерковную действительность прошедшего столетия в исторический контекст, а затем – экзальтированное стремление видеть вокруг всех религиозных организаций ореол мученичества [1, с. 25–36]. В настоящее время в контексте системного подхода к истории повседневности достаточно широко изучаются повседневная жизнь монастырей и архиерейских подворий [2], летописная история отдельных приходов [3, с. 57–74], анализируются непростые, зачастую исполненные драматизма взаимоотношения клириков и мирян [4, с. 129–144].

Предметом настоящего исследования стал нестандартный эпизод из приходской жизни католической общины небольшого города на востоке России. Исследовательницами М.И. Ефимовой и Т.В. Шапошниковой [5, 6] описаны героические вехи становления владивостокского прихода, в дальнейшем – центра епархии, однако повседневная жизнь всегда шире и многогранней, к тому же описываемые события произошли не во Владивостоке, а в Уссурийске.

ИСТОЧНИКИ

В коллекции Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ) во Владивостоке, в ф. 614 находится на хранении дело 4 «Переписка и подписка о пожертвовании в пользу костела»¹. Столь тривиальное название не обещает сенсаций, однако при знакомстве с материалами архивного хранения выявляются поистине детективные обстоятельства, позволяющие охарактеризовать особенности повседневной истории польской католической диаспоры в далеком уголке региона, по меткому определению А.В. Ремнева получившего название «Сибири Дальнего Востока» [7, с. 52–60]. Первый документ данного архивного дела отличается от других идеальной сохранностью: он выполнен на лощеной линованной бумаге формата А4, лист аккуратно вынут из середины амбарной книги, запись выполнена синими чернилами высокого качества, каллиграфическим почерком, без грамматических, стилистических и пунктуационных ошибок. Документ составлен юридически грамотно, что при первом прочтении дает повод предположить причастность к его написанию посредника – нотариуса либо рядового канцеляриста, имеющего юридическое образова-

ние. При знакомстве с последующими документами дела мы еще не раз увидим этот почерк в деловых бумагах, личной переписке; следовательно, автором документа явился не посредник, а сам актер – Феликс Иванович Стецкевич. Иные документы архивного дела (всего в нем 148 с.) выполнены стандартными синими либо черными чернилами на бумаге более низкого качества, часто серого цвета. Содержание данного документа становится ясным только после знакомства со всем корпусом дел архивного хранения фонда 614.

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАТОЛИЧЕСКОГО ПРИХОДА В Г. НИКОЛЬСКЕ-УССУРИЙСКОМ

Некий Феликс Иванович Стецкевич, обыватель Никольска-Уссурийского, 17 октября 1918 г. составил проект двустороннего договора с гражданами N.N.N. – «представителями прихода новаго, еще не открытаго, в г. Никольск-Уссурийском, римско-католическаго»².

Формулировка вызывает недоумение: в соответствии с консисториальными записями католический приход в Никольске-Уссурийском (до 1898 г. – с. Никольское) был создан в 1870 г.³; Стецкевич же пишет о приходе в сослагательном наклонении, как «еще не открытом».

Знакомство с первым листом договора рисует образ мецената. Господин Стецкевич принимает на себя обязательство «построить своим иждивением в г. Никольске Уссурийском на Николаевской улице», на принадлежащем ему участке дворовой земли, «каменный римско-католический костел, каковая постройка представляет собою ценность 75 тысяч рублей, а в общей сложности, считая ... также постройку школы (здесь и далее сохранено оригинальное авторское подчеркивание красными чернилами в тексте, возможно, рукой автора – Ф. Стецкевича. – Т.Н.) и квартиры для ксендза-настоятеля и прочие расходы по оборудованию, достигает суммы 120 тысяч рублей»⁴. Торжественное волеизъявление Феликса Стецкевича преисполнено пафоса: «...Обязуюсь и обещаю перед Приходом имеющего быть открытым римско-католическаго костела в Никольске Уссурийском пожертвовать ему вышесказанные строения, с

² Там же.

³ Указом императора Александра II от 18 февраля 1866 г. в Амурский край был назначен римско-католический священник Казимир Радзишевский. В том же году возник католический приход в областном центре, г. Николаевске (ныне Николаевск-на-Амуре). Территория прихода включала современные Амурскую область, Камчатский, Хабаровский и Приморский края, а также остров Сахалин. В 1870 г. в Никольское из Камня-Рыболова был переведен штаб Третьего линейного батальона с двумя ротами, а годом позже – построена деревянная церковь [5, с. 14–15].

⁴ РГИА ДВ. Ф. 614. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 614. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

занимаемым участком дворовой земли, в тех именно границах, в каких он занят теперь, а также все, что будет возведено, построено, пристроено, устроено и оборудовано, как прихожанами, так и самим мною, по истечении 12-летнего срока»⁵.

Вторая часть документа лишена пафоса, составлена от имени граждан N.N.N. тем же автором. Текст представляет собой шаблон, предназначенный для заполнения. «Мы, представители прихода римско-католического костела в Никольске Уссурийском, N...N...N..., согласно постановления общего собрания прихожан, состоявшегося ... дня ...года ... от имени своего и от имени всех прихожан, обязуемся выплачивать в течение двадцатипятилетия от выше-названного числа, фундатору костела, гражданину Феликсу Стецкевичу, в виде процентов на затраченный им капитал при постройке и оборудовании костела, школы и квартиры для ксендза-настоятеля, также на стоимость дворовой земли по 10 (десять) тысяч рублей ежегодно, с уплатой их: за первый год при подписании настоящего договора, а затем не позже Октября каждого года, всегда своевременно и полностью»⁶. Из содержания этого отрывка становится понятно, что Стецкевич – не меценат, а предприниматель, стремящийся извлечь долговременную прибыль из вложенных денежных средств.

Оборотная сторона лощеного листа сохранила для читателя третью часть этого неоднозначного во всех смыслах договора. Автор категорически заявляет: «Только по получении последнего, за двенадцатый год, платежа процентов для меня, Стецкевича, наступает обязанность произвести упомянутое в предыдущем пункте пожертвование...»⁷. Говоря иными словами, до полной выплаты процентов на вложенный капитал храмовое здание должно было иметь собственника в лице дальневосточного предпринимателя Феликса Ивановича Стецкевича.

Четвертая часть документа развенчивает альтруистский посыл первой части. Автор сообщает: «В случае нарушения настоящего договора со стороны прихожан, неуплатой процентов в один из означенных сроков, настоящий договор теряет свою силу и неоплаченные за последний год проценты взыскиваются в двойной сумме»⁸. Налицо явная попытка наживы. Ежегодные, в течение 12 лет, выплаты должны были полностью компенсировать застройщику стоимость строительных работ (для сравнения предлагаем рассмотреть смету, одобренную консисторией, на возведение аналогичного культового здания в г. Владивостоке, где полная стоимость материалов и работ

составила 100 тыс. руб., из которых 10 тыс. руб. были выделены консисторией, а 90 тыс. руб. – поступили от «доброхотных пожертвований» с помощью подписного листа в приходах Могилевской архиепархии⁹). Замысел Феликса Стецкевича становится еще более понятным в контексте событий общероссийского масштаба. 1918-й год, экономический кризис, политическая нестабильность; можно ли были придумать более выгодное вложение денежных средств, которое приносило бы гарантированные ежегодные проценты? Так как проект договора был составлен в 1918 г., период действия договорных отношений должен был истечь в 1930 г.!

КОЛЛИЗИИ И ПОПЫТКА ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Неясным остается также содержание договора: дарение или подряд на выполнение строительных работ с обязанностью сделать пожертвование в будущем? Ввиду последнего пункта представляется ясным посыл автора ввести читателей в заблуждение.

Не меньший интерес представляет для исследователя второй лист пафосного архивного дела. Он озаглавлен «Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Могилевской Римско-Католической Духовной Консистории» и адресован «капеллану войск Приамурского военного округа, ксендзу Доминику Микшису»¹⁰. Для этого письма использовалась серая бумага низкого качества, что разительным образом контрастирует с материалом предыдущего документа. Изложенное на втором листе вызывает множество вопросов, среди которых главный – указ императора как образец актового материала априори должен преследовать публичную цель, а не быть ответом на запрос частного лица. Суть текста достаточно парадоксальна: «Консистория, препроводя при сем дарственное заявление Стецкевича и план жертвуемого им участка, поручает Вам (т.е. ксендзу Доминику Микшису. – *Т.Н.*) вручить означенные документы г-ну Стецкевичу под расписку, объявив ему, что дар его может быть принят только в том случае, если он пожелает сказанный участок пожертвовать безусловно, то есть в полное распоряжение костела»¹¹. Документ датирован 27 апреля 1916 г. Это означает, что «сложносочиненная инициатива» Феликса Стецкевича родилась не в 1918 г., а гораздо раньше, коли к апрелю 1916 г. уже был получен ответ из консистории.

Подозрение в том, что анализируемый документ – никакой не указ императора, а документ консисториального делопроизводства, подтверждается заключительным императивом: «Засим, если г-н

⁵ РГИА ДВ. Ф. 614. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 1 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 2.

¹⁰ Там же. Ф. 614. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 2–2 об.

Стецкевич пожелает пожертвовать сказанный участок на предложенных ему условиях, то он должен составить о том нотариальное заявление и таковое, вместе с планом сказанного участка и нотариальной копией купчей крепости на владение этим участком, представить в Консистирию»¹².

Оговариваются и условия: «Что же касается вопроса о предоставлении ему права устройства склепа под костелом, для погребения его и его семейства, то Консистирия на это изъявляет согласие, с тем, что право погребения в сказанном склепе дается при условии: 1) если он, Стецкевич, и члены его семьи в день кончины будут вероисповедания римско-католического; 2) если сказанные лица по каноническим правилам римско-католической церкви не будут лишены права на церковные похороны; 3) на погребение в сказанном склепе имеют право он (жертвователь), его законная жена и их дети; 4) если на погребение в указанном склепе указанных лиц последует разрешение местной гражданской власти»¹³.

Третий документ архивного дела является копией все того же указа, но после даты «апреля 27 дня 1916 года» проставлен исходящий номер – №3464, а в нижней части листа машинописью же приведено свидетельство об уведомлении получателя: «Копия. Я, нижеподписавшийся Феликс Иванович Стецкевич, получил от ксендза Микшиса копию Указа Его Императорского Величества из Могилевской римско-католической Консистирии за №3464 от 27 Апреля сего года ... план жертвуемого мною участка и дарственное мною заявление получил 23 мая 1916 года, в чем росписуюсь»¹⁴. Однако подпись отсутствует. Стецкевич отказался подписывать документ? Документ не был вручен адресату? Возможно, прихожане пытались лавировать и предприняли попытку фальсификации «указа»? Последнее предположение имеет под собой определенные основания: материалом для документа послужила не гербовая, а низкосортная бумага, оригинал не был снабжен необходимыми подписями (ни императора, ни секретаря консистории), второй вариант текста (копия) шире подлинника.

Кто мог стать автором подложного документа? Возможные варианты ответа на этот вопрос подсказывают третий и четвертый документы анализируемого нами архивного дела. Называются они одинаково – «подписка» и составлены в один день, а именно 20 июня 1916 г. Первая подписка дана Михаилом Ивановичем Стецкевичем (возможно, братом нашего «героя» Феликса Стецкевича. – Т.Н.), «лесопромышленником и домовладельцем»; вторая – Яном Едли-

ковским, «техником, арендатором казенного кирпичного завода»¹⁵. Важно отметить, что обе подписки адресованы «Комитету по постройке Римско-Католического костела в г. Никольск-Уссурийске», а не «меценату Феликсу Стецкевичу». Первая подписка гласит: «...обязуюсь пожертвовать весь необходимый лесной материал на постройку каменного костела, а также и на ограду вокруг костела»¹⁶, автор второй подписки обещал: «...пожертвовать на каменный костел весь необходимый кирпич»¹⁷. Обе подписки рукописные, выполнены черными чернилами, заверены круглой печатью Никольско-Уссурийского римско-католического прихода и личной подписью ксендза-настоятеля Станислава Колодзейчика. Стало быть, в 1916 г. община не просто существовала, но имела собственную печать. Почему же «меценат» Феликс Стецкевич в документе 1918 г сообщает о ней в сослагательном наклонении, как о чем-то, что возникнет в будущем?

ИСТОРИЯ УССУРИЙСКОГО КАТОЛИЧЕСКОГО ПРИХОДА

Ответить на этот и другие вопросы поможет изучение «Протоколов римско-католического прихода по постройке костела в Никольск-Уссурийске»¹⁸. Первый протокол датирован «1915 г. Января месяца 4 дня», и его появление обусловлено следующими обстоятельствами. Капеллан войск Приамурского военного округа ксендз Доминик Микшис сообщил, что существующая в городе католическая часовня, изначально предназначавшаяся исключительно для окормления религиозных нужд военнослужащих, находится на участке военного ведомства. Вследствие многочисленных миграций, в основном экономического свойства, большинство прихожан к военному ведомству отношения не имело. Общине было предложено либо «перенести часовню на городской участок, или же в противном случае часовня переходит в Военное Ведомство»¹⁹. Решением общего собрания прихожан было определено: «Перенести нынешнюю военную часовню на городской участок», обратиться в консисторию с ходатайством «...о постройке впоследствии на том же участке» полноценного каменного культового здания и о выборах «Комитета по постройке костела» в составе девяти человек, а именно: капеллан Микшис выбран единогласно, Спокойский-Фронцевич – 33 голоса, Трипольский – 33 голоса, ... Стецкевич – 29»²⁰.

¹⁵ Там же. Л. 4–5.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 5.

¹⁸ Там же. Д. 3.

¹⁹ Там же. Д. 3. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 3. Л. 1

¹² РГИА ДВ. Ф. 614. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–2 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 3 об.

Содержание протокола от 26 мая 2016 г. во многом разъясняет намерения и причины конфронтации сторон. Оказывается, изначально Феликс Иванович Стецкевич намеревался землю не подарить, а продать, о чем и заявил в «запродажной записи», приобретенной к протоколу. О том, что «... часть принадлежащего мне усадебного места, состоящего на углу Николаевской и Корфовской улиц, в 24 квартале ... всего – пятьдесят семь с половиной квадратных саженьей ... за цену две тысячи пятьсот тридцать семь рублей 50 копеек, в счет каковой суммы при подписании сего получено мною сто рублей задатку, а остальные деньги должны быть уплачены мне, Стецкевичу, при совершении самой купчей крепости, каковое должно произойти у Никольско-Уссурийского нотариуса в течение трех лет ... по усмотрению прихода»²¹.

В течение следующих шести месяцев комитет по постройке костела регулярно собирался на заседания, о чем свидетельствуют протоколы, но настроение Ф. Стецкевича изменилось. На заседании 7 ноября 1916 г., состоявшемся в доме Ушакова по Пушкинской улице, он, «... оскорбив словесно Председателя Комитета Ксендза Доминика Микшиса, Казначая Комитета Иосифа Севериновича Трипольского ... демонстративно удалился, отказавшись от дальнейшего своего участия в Комитете. Присутствующие, не находя возможным из чувства простого приличия реагировать на подобный крайне оскорбительный выпад Ф.И. Стецкевича, в высшей степени оскорбляющий и всех присутствующих, постановил: отказ Ф.И. Стецкевича принять к сведению»²².

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ КАК СМЕНА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК

Доподлинно неизвестно о степени участия «мецената» Стецкевича в процессе строительства, однако содержание протокола общего собрания прихожан Никольско-Уссурийского римско-католического прихода от 2 февраля 1919 г. вновь содержит интригу: Феликс Иванович отказался выдать общине ключи от построенного церковного здания, а в качестве ответной меры строительный комитет обратился в суд, дабы «... судебным путем требовать от Ф. Стецкевича предоставления счетов возмещения убытков из-за невыдачи ключа от построенного Комитетом костела»²³.

Дело слушалось во Владивостокском окружном суде 6 декабря 1921 г. Ответчик Стецкевич на заседание не явился. Из материалов следствия и суда стало известно, что ранее «угловой плац по сгоревшем цирке» на перекрестке Николаевской и Корфовской улиц,

собственником которого являлся Федор Иванович, был им пожертвован для строительства культового здания с условием, что здание будет возведено из камня с расчетом, что «... площадь вместимости костела должна быть не менее, как на пятьсот человек»²⁴. После того, как «... пожертвований было сделано разными лицами на постройку костела как деньгами, так и материалами, на сумму около 30 000 руб., ... Стецкевич отобрал от комитета по постройке костела подаренный участок земли лишь из-за того, что комитет начал требовать от Феликса Стецкевича отчет по постройке костела, но Стецкевич отчета не дал»²⁵. Приходской кассой и собранными денежными средствами Федор Иванович распоряжался единолично, а «... дар участка под костел оформлен не был вследствие затруднений в сношениях с католической Консistorией по случаю революции»²⁶.

Более того, Ф. Стецкевич обратился в суд со встречным иском «о признании за ним права собственности на выстроенный на средства прихожан костел и о выселении прихода из занимаемых построек», а именно: из квартиры священника при костеле и школы. Более того, «... вследствие слабой защиты со стороны Костела, Стецкевич добился решения суда о выдворении католического прихода и о признании за ним, Стецкевичем, права собственности на костел»²⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные факты дают возможность сделать ряд выводов. Повседневная история позволяет гораздо шире и репрезентативнее проникнуть в суть изучаемого явления. Секуляризация сознания на переломе эпох произошла очень быстро: в 1916 г. землевладелец Стецкевич стремился прослыть меценатом, добропорядочным прихожанином и мечтал быть похороненным в семейном склепе; в 1921 г. этот же человек отсудил у прихода храмовое здание и стал его единоличным собственником. Революционные события «выносят на поверхность» то, что ранее не казалось столь явным, и то, что, возможно, не осознавалось самим индивидом: из упомянутой вскользь информации одного из протоколов явствует, что ранее на земельном участке Стецкевича находилось коммерческое предприятие, а именно цирк; подсознательным желанием землевладельца было стремление получить новый объект, в котором проводились бы публичные мероприятия и который приносил бы ему прибыль. Подсознание определило бытие.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 614. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

²² Там же. Л. 18.

²³ Там же. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 7. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 10б.

²⁶ Там же. Л. 2.

²⁷ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев, С.Д., Склярлова, В.А. Социальный запрос на знание о религии в современном российском обществе в оценках экспертов // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, №2. С. 25-36.
2. Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков / отв. ред. П.В. Седов. СПб.: Нестор-История, 2015. 724 с. (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН; вып. 1(17))
3. *Rosiński F.* Agnellus Kowarz – niezwykły franciskanin śląski na Sachalinie w latach 1911–1932 // *Polscy odkrywcy, badacze i eksploratorzy Syberii oraz Azji Środkowej (XIX – początek XX wieku)*. Wrocław, 2018. S. 57–74.
4. *Vrublevskaya P.* Исследуя церковную общину в малом городе: роль священника и другие аспекты православной общинности // *Laboratorium: журн. социал. исслед.* 2015. №3. С. 129–144.
5. *Efimova M.I.* Вера сквозь века: история римско-католической церкви Дальнего Востока. Владивосток, 2007. 244 с.
6. *Shaposhnikova T.V.* Римско-католическая церковь Владивостока: история и современность // *Польская диаспора Владивостока*. Владивосток, 2019. С. 21–70.
7. *Remnev A.V.* Высшие территориальные комитеты Российской империи как органы «Верховного областного управления» азиатскими окраинами в XIX – начале XX века // *Вестн. Российского гуманитарного научного фонда*. 2000. № 4 (57). С. 52–60.

REFERENCES

1. *Lebedev S.D., Sklyarova V.A.* Social demand for knowledge about religion in modern Russian society in experts' assessments. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye*, 2019, vol. 5, no. 2, pp. 25–36. (In Russ.)
2. *Sedov P.V. (ed.)* Proceedings of Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Iss. 1: Monasteries and bishops' courts in documents of the XVI–XVIII centuries. Saint Petersburg, 2015, 724 p. (In Russ.)
3. *Rosiński F.* Agnellus Kowarz- an unusual Franciscan slushy in Sakhalin in 1911–1932. *Polscy odkrywcy, badacze i eksploratorzy Syberii oraz Azji Środkowej (XIX – początek XX wieku)*. Wrocław, 2018, pp. 57–74. (In Pol.)
4. *Vrublevskaya P.* Exploring the church community in a town: the priest's role and other aspects of the Orthodox community. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 2015, no. 3, pp. 129–144. (In Russ.)
5. *Efimova M.I.* Faith through the ages: the Roman Catholic Church history in the Far East. Vladivostok, 2007, 244 p. (In Russ.)
6. *Shaposhnikova T.V.* The Roman Catholic Church in Vladivostok: history and modernity. *Pol'skaya diaspora Vladivostoka*. Vladivostok, 2019, pp. 21–70. (In Russ.)
8. *Remnev A.V.* Supreme territorial committees of the Russian Empire as organs of the "Supreme Regional Administration" of the Asian suburbs in the XIX–early XX centuries. *Vestnik Rossiyskogo humanitarnogo nauchnogo fonda*, 2000, no. 4, pp. 52–60. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.12.2020

Дата рецензирования 08.02.2021

Статья принята к публикации 10.02.2021

DOI: 10.15372/HSS20210108
УДК 94:621.311.1(571.6)"1925/1926"

А.В. МАКЛЮКОВ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ ГОЭЛРО: УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
РФ, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89

В статье на основе архивных источников раскрывается деятельность комиссий по электрификации Приморской и Амурской губерний в 1925–1926 гг. Выявляются предпосылки, условия и трудности их работы, оцениваются полученные результаты, их научно–практическая значимость. Показано, что разработка планов электрификации дальневосточной окраины оказалась едва посильной задачей для местных властей, которым пришлось организовать работу комиссий, не имея на это средств, кадров, необходимых материалов и опыта. Комиссии не располагали какими-либо данными об энергетических ресурсах этой огромной территории слабозаселенной и промышленно неразвитой. Автор приходит к выводу, что, несмотря на все трудности, приморская и амурская комиссии смогли разработать на пятилетие планы электрификации губерний. В подготовленных ими материалах определены проблемы развития электрификации региона, причем многие из них сохранили свою актуальность.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, план ГОЭЛРО, планирование, электрификация, электростанции, электроэнергия, энергетические ресурсы.

A.V. MAKLYUKOV

FAR EASTERN VERSION OF GOELRO: CONDITIONS AND FEATURES OF DEVELOPMENT

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples
of the Far East the Far Eastern Branch of Russian Academy Sciences,
89 Pushkinskaya str., Vladivostok, 690001, Russian Federation

The research topic's relevance is due to centennial of the GOELRO plan, the need to consider the regional aspect of electrification planning, and to reconstruct the economic history of the eastern part of Russia. The scientific novelty of the study is to expand the topic and investigate individual issues. The article objective is to highlight the issues of developing the electrification plan for the Far Eastern outskirts in the mid-1920s in a historical aspect. The research tasks are to identify the prerequisites, conditions and difficulties in the activity of the regional electrification commissions, disclose the results, and determine their scientific and practical significance. The theoretical and methodological basis of the study is the concept of modernization. The author analyzes the conditions for planning the electrification of the Far East in the period under review, and identifies regional features of this process. The study reveals that the electrification plan's development for the Far Eastern outskirts was hardly a feasible task for local authorities. They had to organize the work of the commissions without the necessary funds, special personnel, necessary materials and experience. At that time the regional authorities were engaged in restoring the local economy after the devastating Civil War, and the center could not help the region in any way. The created commissions did not have any data on the regional power resources, and information on its future economic development; they faced a huge, sparsely populated and industrially undeveloped territory. The author comes to the conclusion that Primorsky and Amur Commissions were able to develop plans for the electrification of provinces for a five-year period despite all difficulties. The materials they prepared identify the problems of developing the regional electrification relevant up to the present time.

Key words: Russian Far East, GOELRO plan, planning, electrification, power plants, electricity, energetic resources.

Алексей Владимирович Маклюков – канд. ист. наук, заведующий отделом истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, e-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1301-4041>.

Alexei V. Maklukov – Candidate of History, Head of the Department of History of the Russian Far East of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

ВВЕДЕНИЕ

22 декабря 2020 г. исполнилось 100 лет с момента принятия VIII Всероссийским съездом советов ГОЭЛРО – государственного плана электрификации России. После социально-экономических потрясений 1917–1920 гг. этот план стал первой комплексной государственной стратегией возрождения и развития экономики страны на основе перевода промышленного производства на технологическую базу широкого использования электроэнергии.

В отечественной историографии в последние десятилетия произошло переосмысление роли и значения плана ГОЭЛРО в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920-е гг. и приобщении населения страны к благам электрификации. В монографиях Н.С. Симонова (ИРИ РАН) [1, 2], опирающихся на новые источники, доказано, что Россия прошла начальный этап электрификации на рубеже XIX–XX вв. и имела огромный накопленный производственный и научно-технический потенциал, достаточный для дальнейшего опережающего развития электроэнергетики и реализации комплексных проектов освоения энергетических ресурсов. План ГОЭЛРО ставил цель лишь восстановление дореволюционных показателей энергопотребления [1, с. 28]. В работах В.Л. Гвоздецкого, Т.В. Соловьевой, Н.В. Никифоровой [3, 4, 5, 6] ГОЭЛРО рассматривается как сформированный в 1920–1930-е гг. устойчивый пропагандистский миф об успешном проекте электрификации страны, реализованном благодаря деятельности партии и правительства.

Исследователи согласны в том, что ГОЭЛРО – это проработанный стратегический план развития отраслей народного хозяйства и экономических районов страны, заложивший основы системы советского планирования. Следует добавить, что поставленная государством задача планирования электрификации консолидировала мигрировавшую на восток научно-техническую интеллигенцию, помогая впервые комплексно подойти к решению экономических проблем развития таких отдаленных от центра страны территорий, как Восточная Сибирь и Дальний Восток.

Региональный аспект истории планирования и развития электрификации в 1920-е гг. на дальневосточной части России остается недостаточно изученным, несмотря на то, что по данной теме опубликован ряд работ [7, 8, 9]. Научная новизна данного исследования заключается в расширении проблематики темы и специальной проработке отдельных ее аспектов.

В историческом аспекте автор рассматривает вопросы разработки плана электрификации дальневосточной окраины в середине 1920-х гг., выявляет предпосылки, условия и трудности в деятельности комиссий по электрификации Приморской и Амурской губерний, анализирует полученные результаты.

Исследование опирается на корпус документальных исторических источников, выявленных в фондах федеральных (РГИА ДВ, РГАЭ) и региональных (ГААО, ГАХК, ГАПК) архивов. Были изучены протоколы заседаний, отчеты и материалы деятельности комиссий по электрификации, докладные записки, справки, планы, решения правительства и постановления региональных органов власти, касающиеся вопросов планирования на Дальнем Востоке в рассматриваемый период.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПЛАНИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Экономика Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. развивалась в русле российской модернизации, важнейшей составляющей которой являлась электрификация промышленности и городской инфраструктуры. Однако слабая заселенность и освоенность территории региона, его оторванность от центра, пограничное положение и сильная зависимость от государственных субсидий значительно сдерживали этот процесс. Гражданская война 1918–1922 гг. привела к потере экономических связей Дальнего Востока с центральными районами страны и Сибирью. Территории Восточной Сибири и Дальнего Востока в плане ГОЭЛРО не учитывались, они считались слабозаселенными и промышленно неразвитыми; кроме того, дальневосточная часть страны на момент разработки плана входила в состав Дальневосточной Республики [9, с. 65, 72].

Впервые проблема электрификации Дальнего Востока была затронута на VIII Всероссийском электротехническом съезде, состоявшемся в Москве 1–10 октября 1921 г. Отмечалось, что государству не по средствам строить электроцентраль в отдаленных областях со слабым уровнем развития хозяйства. Для таких территорий, как Восточная Сибирь и Дальний Восток, предлагался другой сценарий развития – за счет местной мелкой электрификации. Это позволило бы покрыть в будущем сеть мелких электроустановок места наиболее концентрированного электропотребления, чтобы создать условия для сооружения в будущем более крупных государственных электроцентралей¹.

В конце 1922 г. – начале 1923 г. Дальневосточная область, войдя в состав РСФСР, включилась в систему народного хозяйства страны. 4 декабря 1922 г. начало работу Дальневосточное экономическое совещание (Дальэконо), в апреле 1923 г. была создана Дальневосточная областная плановая комиссия (Дальплан), а в губерниях (Амурская, Приморская, Камчатская) – губернские плановые комиссии [10,

¹ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

с. 136]. Оценивая перспективы развития энергетики региона, в 1924 г. Дальплан предполагал, что «рассчитывать на государственные средства в смысле развития строительства в ближайшие годы не приходится»². Центр в эти годы не мог оказать экономическую помощь Дальневосточной области, здесь приходилось самостоятельно изыскивать средства на восстановление народного хозяйства.

Между тем в регионе к началу 1920-х гг. появились условия для формирования научно-технической базы электрификации. Во-первых, революционные события 1917 г. и Гражданская война привели к миграции на восток преподавателей и студентов из центральных технических вузов страны, а также других квалифицированных специалистов. В апреле 1920 г. открылся Владивостокский политехнический институт, при котором сложилась высшая электротехническая школа профессора В.П. Вологодина (Санкт-Петербургский политехнический институт) и инженера-электротехника В.А. Кравцова (Санкт-Петербургский электротехнический институт). В октябре 1925 г. В.П. Вологдин стал ректором Государственного Дальневосточного университета (ГДУ) и сыграл важную роль в развитии вуза. Университет превратился не только в центр высшего образования, но и в ведущее научное учреждение на Дальнем Востоке³. Во-вторых, накопленный опыт эксплуатации Владивостокской городской электростанции (самой мощной на востоке страны) и электрического трамвая (первого общественного электротранспорта в России за Уралом) привел местных специалистов к пониманию необходимости создания нового, более мощного источника электроснабжения города. В мае 1921 г. в городскую управу Владивостока обратились Скидельские владельцы Зыбунных угольных шахт, которые на условиях концессии предлагали построить электроцентраль на базе местного топлива и обеспечить город электроэнергией⁴. По сути, было предложено строительство районной электростанции, аналогичной станциям плана ГОЭЛРО.

Первым шагом на пути к разработке плана электрификации Дальневосточной области стало обращение 11 апреля 1924 г. Совета труда и обороны и Госплана СССР в Дальплан с просьбой представить материалы для Всесоюзной конференции по электроснабжению страны. «Ввиду того, что в трудах ГОЭЛРО отсутствует план электрификации Восточной Сибири, весьма желательно получить на конференцию доклад, заключающий общую оценку элект-

роснабжения Дальнего Востока, с экономической его характеристикой и намечаемыми перспективами в ближайшем будущем», – отмечалось в документе⁵. 25 апреля 1924 г. Приморская губернская плановая комиссия (Примгубплан) наметила программу работы по «электрификации», поставив две задачи: «1) сбор сведений об угольных месторождениях; 2) сбор сведений о водных источниках энергии»⁶. Однако собрать информацию в срок до 15 мая 1924 г. не удалось. Председатель Дальплана М.И. Целищев по этому поводу отметил: «в области электрификации наш Дальний Восток не подвергался никакому изучению, у нас нет совершенно никаких материалов» [11, с. 8].

11 июля 1924 г. губернским и областным исполнительным комитетам Восточной Сибири и Дальнего Востока поступило письмо от председателя Президиума ВЦИК М.И. Калинина, в котором рекомендовалось начать работу по подготовке планов местной электрификации. Все расходы должны были покрываться за счет местных бюджетов. Амурский и Приморский губернские исполкомы посчитали такое положение недопустимым. В ответном письме правительству они предложили открыть в Дальневосточной области отделение Главэлектро ВСНХ или поручить ему взять под свой контроль решение данного вопроса. Положительного ответа не поступило, все обязательства по сбору информации, ее анализу и составлению планов легли на плечи местных властей⁷.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ ПРИМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Первая «Комиссия по сбору материалов энергетических ресурсов Приморской губернии и составлению плана ее электрификации» была создана 19 декабря 1924 г. согласно постановлению Приморского губернского экономического совещания (Примгубэко). 22 декабря 1924 г. состоялось организационное заседание комиссии, ее возглавил председатель Примгубплана А.М. Рогальский. В качестве членов в комиссию пригласили: от Государственного Дальневосточного университета профессора В.П. Вологодина, инженера В.А. Кравцова и его ученика К.В. Ковальского; от Примгубплана – инженеров В.В. Шугаевского, С.К. Лейбовича, А.А. Белоковец и др. Заседание утвердило план работы по направлениям: «1) экономическое исследование Приморской губернии; 2) детальное изучение энергоресурсов районов Владивостока, Сучана и Никольск-Уссурийска; 3) выявление в этих районах наиболее правильного центра выработ-

² Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 1. Л. 66-об.

³ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-52. Оп. 10. Д. 234. Л. 15.

⁴ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 28. Оп. 1. Д. 990. Л. 151.

⁵ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 75. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 309. Л. 1.

⁷ ГААО. Ф. Р-373. Оп. 1. Д. 46. Л. 69; РГИА ДВ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 75. Л. 2; Д. 203. Л. 1.

ки электроэнергии». Для работы комиссии 16 января 1925 г. Примгубэкозо выделило 3 тыс. руб.⁸

Профессору В.П. Вологдину и инженеру В.А. Кравцову предстояло в течение месяца выполнить сложные технические расчеты, сопоставить данные и представить свои наработки на рассмотрение комиссии. Первые восемь ее заседаний – с 20 января по 24 марта 1925 г. – были посвящены обсуждению первого разработанного ими проекта Южно-Приморской ГРЭС. Станцию мощностью 16 000–24 000 кВт планировалось построить в 50 км от г. Владивостока на Артемовских (бывших Зыбунных) шахтах. Самым дискуссионным оказался финансовый вопрос, стоимость реализации проекта оценивалась в 3,2 млн руб. Члены комиссии единогласно приняли решение, что Южно-Приморскую ГРЭС нужно строить при полной государственной поддержке. Комиссия рекомендовала дальневосточным плановым и хозяйственным органам ходатайствовать перед правительством о срочном выделении средств. Дальневосточное экономическое совещание уже на заседании 26 мая 1925 г. высоко оценило представленный проект и признало его важнейшим для Дальнего Востока. Совещание обратилось в Госплан СССР с просьбой включить проект в общегосударственный план ГОЭЛРО и выделить государственные субсидии⁹.

Следующим этапом деятельности комиссии стало обследование районов и населенных пунктов Приморской губернии с целью сбора материалов по экономике и энергетическим ресурсам. На заседании 26 мая 1925 г. приняли решение не ограничиваться только территориями юга Приморья, а включить также в работу северные уезды – Хабаровский и Николаевский-на-Амуре. С конца апреля по ноябрь 1925 г. инженеры М.Я. Чернышев и К.В. Ковальский работали в г. Никольск-Уссурийске, В.А. Кравцов – в Сучанском районе, М.А. Пидате – в Спасском и Уссурийском районе, В.В. Шугаевский – в Хабаровске и Николаевск-на-Амуре¹⁰.

По специальному заданию Примгубисполкома профессор В.П. Вологдин в июне 1925 г. отправился на р. Суйфун для разработки проекта гидроэлектростанции как второго варианта электроснабжения Владивостока. Он детально изучил участок течения реки у ст. Барановский Уссурийской железной дороги. Собранные данные позволили ученому составить рабочий проект гидроэлектростанции. Ее мощность определялась в 8000 кВт, строительные работы пре-

дусматривали сооружение плотины длиной в 300 м с подъемом воды до 3–10 м. Этот проект не нашел поддержку среди других специалистов и остался лишь в рабочих материалах комиссии¹¹.

В течение 1925 г. из разных населенных пунктов Приморья (куда не смогли отправиться представители комиссии) также поступали предложения по электрификации хозяйств местных сельских советов и кооперативов. Материалы поступили из сел Анучино, Черниговка, Чугуевка, а также из поселка Ольга. Например, Анучинский многолапочный кооператив на собственные средства спроектировал гидростанцию на р. Анучино для электрификации мельницы, рисоочистительных и маслобойных машин, освещения на 300 ламп¹².

Специалистам по электрификации пришлось столкнуться со многими трудностями. Практически отсутствовали сведения о наличии местных энергетических ресурсов, инженеры проводили на местах усиленную работу по их поиску и приблизительному описанию. Исключением стал Сучанский район, где ранее производилась разведка угля и с начала XX в. велась его добыча на сучанских шахтах. В отчете о работе комиссии за 1925 г. отмечалась основная причина слабой изученности энергоресурсов Дальневосточной области: «Здесь, в отличие от промышленно развитой центральной России, постоянно испытывающей дефицит топлива, никогда не было необходимости в точном учете и рациональном использовании энергоресурсов»¹³.

Выявить центры электропотребления в районах Приморской губернии было далеко не просто вследствие низкой плотности населения, значительной удаленности поселений друг от друга, слабого уровня развития промышленности. Сельские поселения в основном являлись чисто земледельческими. Поэтому осуществить даже мелкую электрификацию с экономической и технической точек зрения в большей части населенных пунктов Приморской губернии не представлялось возможным. Кроме того, специалисты не имели никакой предварительной информации о предполагаемом экономическом развитии тех или иных районов, которая позволяла бы рассчитать рост потребления электроэнергии хотя бы приблизительно¹⁴.

По результатам обследования районов Приморской губернии в 1925 г. комиссия выбрала только четыре наиболее развитых в промышленном отношении центра – Владивосток, Никольск-Уссурийск,

⁸ РГИА ДВ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 639. Л. 16-17. ГАПК. Ф. Р-1371. Оп. 1. Д. 17-а. Л. 2.

⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 639. Л. 22-34; ГАХК. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 4. Л. 50.

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 639. Л. 37, 13; Д. 286. Л. 2.

¹¹ ГААО. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹² РГИА ДВ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 639. Л. 5; 649. Л. 5.

¹³ ГААО. Ф. Р-109. Д. 286. Л. 14.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 36. Л. 5; ГААО. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

Сучан и Спасск. Для остальных территорий электрификация считалась убыточной и на ближайшие десятилетия бесперспективной¹⁵. 30 ноября 1925 г. состоялось 22-е заседание комиссии, на котором было принято решение приступить к составлению плана электрификации Приморской губернии. Основой для него стал собранный комиссией материал, труды Примгубплана «Экономическое районирование Приморья 1925 г.» и «Итоги сельскохозяйственной переписи 1923 г.». 26 декабря 1925 г. комиссия утвердила рабочий вариант плана. В него вошли ранее предложенные проекты по строительству Южно-Приморской ГРЭС, тепловой электростанции (2000 кВт) для г. Никольск-Уссурийск, двух электроцентралей (по 1000 кВт) для рабочих поселков Сучан и Спасск¹⁶.

К октябрю 1926 г. комиссия по электрификации Приморья завершила свою работу. Ею был подготовлен «План электрификации Владивостокского округа на 1927–1932 гг.» (на 90 л.). Он включал введение, 8 глав, заключение, приложения в виде карт, схем и таблиц. Здесь содержится естественно-экономическая характеристика округа, дается описание известных энергетических ресурсов районов, приводится материал, касающийся перспектив развития энергетического хозяйства. Причем проблемы будущего развития округа рассматриваются в тесной связи с задачами электрификации. Отмечалось, что принципы плана ГОЭЛРО к дальневосточной территории применять нельзя даже в ближайшей перспективе и эта «серьезная проблема» станет тормозом для развития региона¹⁷. Другими словами, составители плана увидели проблемы формирования электроэнергетики Дальнего Востока, из-за которых данная отрасль была обречена на постоянное отставание. К аналогичным выводам пришли экономисты в 1950-е гг., более детально исследовав проблемы региональной электрификации.

Профессор В.П. Вологдин подготовил «Проект электрификации района Владивостока с электрической железной дорогой Владивосток – Океанская», изданный в качестве отдельного труда [9, с. 67]. В СССР еще только начиналось проектирование первых дорог с поездами на электрической тяге. В проекте В.П. Вологодина отмечалось, что Владивосток обладает рядом преимуществ для электрификации пригородного транспорта. Владивостокская электростанция 1912 г. постройки вырабатывала постоянный ток достаточного напряжения, чтобы обеспечить не только работу городского трамвая, но и железной дороги на 20 км. В случае ввода в строй Южно-При-

морской ГРЭС городскую станцию следовало перевести на обслуживание пригородного электротранспорта, что дало бы импульс для развития северо-западной части города¹⁸. Проект Вологодина опережал свое время, только спустя 34 года в 1962 г. началась электрификация этого железнодорожного участка.

Необходимо отметить, в начале 1926 г. Госплан СССР отклонил проект Южно-Приморской ГРЭС, назвав его «академическим, а не практическим». В.П. Вологдин в мае того же года отправился в Москву, он намеревался сделать личный доклад 8 июня в комиссии по электрификации Главэнерго ВСНХ СССР, но получил отказ. В Главэнерго ему сообщили, что «Южно-Приморская ГРЭС в ближайшее время не нужна»¹⁹. В хозяйственной политике правительства по отношению к Дальнему Востоку возобладал ведомственный подход. С 1927 г. вместо Южно-Приморской ГРЭС началось строительство электрической сети в обратном направлении от Владивостока к Артемовским шахтам с целью обеспечения их электроэнергией. В.П. Вологдин выступил с критикой такого подхода, отметив, что «удовлетворение текущих потребностей дает краткосрочную перспективу, ставя под угрозу будущее электроснабжение»²⁰.

Итак, план электрификации Приморской губернии, разработанный в середине 1920-х гг., оказался не востребованным. Правительство в то время вкладывало огромные средства в энергетическое строительство в центральной части страны. Тем не менее предложенный план имел научно-практическое значение. Впервые в нем были собраны и проанализированы уникальные материалы по энергетике самой южной части Дальнего Востока, определены направления изучения энергетических ресурсов, представлены проекты первых крупных электростанций, которые построили в период индустриализации. Например, Артемовскую (Южно-Приморскую) ГРЭС ввели в строй в 1937 г.²¹ Кроме того, материалы плана стали базой для составления в 1931–1932 г. Генерального плана электрификации Дальневосточного края. К наработкам 1920-х гг. обращались экономисты и в 1950-е гг.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ АМУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В 1925–1926 гг. разрабатывался план электрификации Амурской губернии. В марте 1925 г. Благовещенский уездный исполнительный комитет принял решение об электрификации сел, в которых находи-

¹⁸ Красное Знамя, 1927, 27 янв.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 89. Л. 3–4.

²⁰ Красное Знамя, 1927, 25 янв.

²¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 34. Д. 337. Л. 27.

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 50. Л. 42.

¹⁶ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 639. Л. 14.

¹⁷ Там же. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 50. Л. 42.

лись паровые мельницы. Основой экономики губернии являлись сельскохозяйственное производство и обработка сельхозпродукции – мукомольное и маслобойное дело. По мнению Дальплана, наличие паровых машин и локомотивов в этих селах стало бы отличной технической базой для электрификации. Первые примеры подключения динамо-машин к паровым мельницам действительно имели успех. Весной 1925 г. электрический свет появился в селах Толстовка, Бочкарево, Демьяновка, Песчано-Озерск. Тогда же при Амурской губернской плановой комиссии (Амургубплан) создали комиссию по электрификации. Из-за дефицита квалифицированных технических кадров в г. Благовещенске и нехватки бюджетных средств в комиссию вошли только двое – заведующий Благовещенской городской электрической станцией, инженер Баранов и от Амургубплана инженер Наумов (в документах инициалы отсутствуют)²².

В 1925 г. комиссия провела обследование сел Благовещенского уезда и Зейско-Бурейской низменности – самых заселенных, хозяйственно освоенных и плодородных территорий Амурской губернии. Комиссия пришла к выводу, что условий для сельской электрификации в Амурской губернии нет, причем «конный привод здесь обойдется гораздо дешевле электрического»²³. Единственным перспективным направлением она посчитала электрификацию центра Амурской губернии – г. Благовещенска. По расчетам инженера Баранова, районная электростанция мощностью 1800–5000 кВт могла быть построена на Кивдинских угольных копях (в 160 км от города). Стоимость ее определялась в 1,4 млн руб., без учета строительства магистральной сети²⁴.

Работа над составлением плана электрификации Амурской губернии (с 4 января 1926 г. – округа) завершилась к середине 1926 г. 22 июля того же года Амургубплан представил проект в Дальплан. Этот проект представлял собой очерк об электрификации центрального района Амурского округа: освещалось экономическое состояние его территории, энергетических ресурсов, проектов строительства электростанций и линий передач²⁵. 22 сентября 1926 г. Дальплан признал представленные материалы интересными и заслуживающими внимания, но потребовал доработать план в части о сельской электрификации. К ноябрю 1926 г. инженер Наумов добавил в план раздел о строительстве 11 сельских электроцентралей на сумму 3 млн руб. в наиболее крупных селах –

**Проекты крупных электростанций,
разработанные комиссиями по электрификации
Приморской и Амурской губерний в 1925–1926 гг.**

**Projects of large power plants developed
by the electrification commissions
of the Primorsky and Amursky provinces in 1925–1926.**

Тип станции Station type	Приморская губерния Primorskaya province		Амурская губерния Amur province	
	Название Name	Мощность, кВт Power, kWt	Название Name	Мощность, кВт Power, kWt
ГРЭС	Южно-Приморская	8000–21 000	Кивдинская	1800–5000
ЦЭС	Никольск-Уссурийская	2000	–	–
	Сучанская	1000	–	–
	Спасская	1000	–	–

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 639. Л. 14; ГААО. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

Александровске, Озерном, Екатериновке, Ивановке и др. 16 ноября 1926 г. Дальплан утвердил этот вариант, работа комиссии была завершена²⁶.

План электрификации Амурской губернии, в отличие от Приморской, носил чисто гипотетический характер. Но в нем детально раскрыты проблемы экономики западной части Приамурья, определено, что внедрение электроэнергии в производственные процессы сельского хозяйства является еще делом отдаленной перспективы. В действительности вплоть до 1950-х гг. по уровню электрификации Амурская область являлась самой отсталой среди южных территорий Дальнего Востока. В практической части план также имел определенное значение. В несколько измененном варианте проект инженера Баранова реализовали в 1956–1959 гг.²⁷

Итак, несмотря на все трудности и отсутствие поддержки со стороны Главэнерго ВСНХ, дальневосточным специалистам удалось в середине 1920-х гг. разработать первые обоснованные проекты строительства крупных электростанций Дальнего Востока (см. таблицу). Эти проекты после их доработки стали основой для энергетического строительства в 1930–1950-е гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработка дальневосточного варианта ГОЭЛРО оказалась достаточно сложной и едва ли посильной задачей для местных плановых и хозяйственных ор-

²² ГААО. Ф. Р-373. Оп. 1. Д. 46. Л. 72.

²³ Там же. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 1. Л. 47, 11.

²⁴ Там же. Л. 32, 64.

²⁵ Там же. Ф. Р-373. Оп. 1. Д. 46. Л. 72–78.

²⁶ Там же. Л. 78, 72; Д. 68. Л. 47.

²⁷ Там же. Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 1; РГАЭ. Ф. 7870. Оп. 3. Д. 15. Л. 1.

ганов. Организовывать работу приходилось в отсутствие достаточных средств, специальных кадров, материалов и опыта. Региональные власти в основном занимались тогда восстановлением местной экономики после разрушительной Гражданской войны и интервенции. Центр не мог ничем помочь региону, который функционировал в режиме относительной автономности. Огромную помощь в разработке плана электрификации оказали мигрировавшие в годы Гражданской войны во Владивосток научно-технические специалисты и созданный ими Государственный Дальневосточный университет. Члены дальневосточных комиссий столкнулись с неосвоенной, слабозаселенной и промышленно неразвитой территорией страны. Специалисты не располагали какими-либо данными об энергетических ресурсах региона и информацией о его будущем развитии. Эти и другие трудности чрезвычайно осложняли их работу.

Научно-практическая значимость результатов работы пионеров электрификации на Дальнем Востоке заключалась не только в том, что их проекты оказались реализованными, но и в том, что в подготовленных ими материалах были верно определены проблемы развития электрификации региона в будущем, проблемы, которые и сегодня сохраняют свою актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Симонов Н.С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М.: Русский фонд содействия образования и науки, 2016. 320 с.
2. *Симонов Н.С.* Начало электроэнергетики Российской империи и СССР, как проблема техногенеза. М.: Инфа-инженерия, 2017. 640 с.
3. *Гвоздецкий В.Л.* Развитие энергетической индустрии в России: от идеологизированных стереотипов к объективной оценке // IX Междунар. науч.-практ. конф. «История техники и музейное дело». Москва, 1–3 дек. 2015 г.: мат.-лы. М.: ИИЕТ РАН, 2015. С. 60–61.
4. *Соловьева Т.В.* План ГОЭЛРО как миф // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 164–176.
5. *Соловьева Т.В.* Проблемы авторства плана ГОЭЛРО // Документ. Архив. История. Современность: мат.-лы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 16–18 нояб. 2018 г. Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 512–519.
6. *Никифорова Н.В.* Лампочка Ильича и символические аспекты в пропаганде электрификации // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2017. № 4. С. 102–110.
7. *Савченко С. Н., Шестаков А.В.* План ГОЭЛРО и электроэнергетика Дальнего Востока в 1920–1938 гг. // Мат.-лы 57-й науч. конф. преподавателей и аспирантов Дальневосточного государственного гуманитарного университета, сотрудников Гродековского музея. Хабаровск, 2011. Т. 2. С. 122–145.
8. *Маклюков А.В.* «Дальневосточный ГОЭЛРО». Из истории планирования электрификации Дальнего Востока в середине 1920-х – начале 1930-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4. С. 75–83.
9. *Маклюков А.В.* Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2018. 280 с.
10. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 — начало 1941 года / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток: Дальнаука, 2018. 656 с.
11. *Целищев М.И.* К вопросу об электрификации Дальнего Востока // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. № 7. С. 8–15.
12. *Маклюков А.В.* Экономические исследования проблем электрификации Дальнего Востока в конце 1940-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 4. С. 97–107.

REFERENCES

1. *Simonov N.S.* The electric power industry's development in the Russian empire: GOELRO background. Moscow, 2016, 320 p. (In Russ.)
2. *Simonov N.S.* The start of electric power industry in the Russian empire and USSR as a technogenesis problem. Moscow, 2017, 640 p. (In Russ.)
3. *Gvozdetzkiy V.L.* Development of the energy industry in Russia: from ideologized stereotypes to objective assessment. *Istoriya tekhniki i muzeynoe delo: materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 1–3 dek. 2015 g.)*. Moscow, 2015, pp. 60–61. (In Russ.)
4. *Solov'eva T.V.* GOELRO plan as a myth. *Sovetskiy projekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii*. Ekaterinburg, 2018, pp. 164–176. (In Russ.)
5. *Solov'eva T.V.* Problems of authorship of GOELRO plan. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': materialy VII Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, 16–18 noyab. 2018 g.* Ekaterinburg, 2018, pp. 512–519. (In Russ.)
6. *Nikiforova N.V.* Ilyich's light bulb and symbolic aspects in the promotion of electrification. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)*, 2017, no. 4, pp. 102–110. (In Russ.)
7. *Savchenko S.N., Shestakov A.V.* The GOELRO plan and the electric power industry of the Far East in 1920–1938. *Materialy 57-y nauchnoy konferentsii prepodavateley i aspirantov Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, sotrudnikov Grodekovskogo muzeya*. Khabarovsk, 2011, vol. 2, pp. 122–145. (In Russ.)
8. *Maklyukov A.V.* "Far Eastern GOELRO". From the history of planning the Far East electrification in the mid-1920s – early 1930s. *Oikumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*, 2015, no. 4, pp. 75–83. (In Russ.)
9. *Maklyukov A.V.* Electrification of the Russian Far East (the late XIX – mid-XX centuries). Vladivostok, 2018, 280 p. (In Russ.)
10. *Larina V.L., Gallyamova L.I. (eds.)* The Far East of Russia in the era of Soviet modernization: 1922 – early 1941. Vladivostok, 2018, 656 p. (In Russ.)
11. *Tselishchev M.I.* On the issue of the Far East electrification. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*, 1924, no. 7, pp. 8–15. (In Russ.)
12. *Maklyukov A.V.* Economic studies of problems of the Far East electrification in the late 1940s – early 1960s. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2019, no. 4, pp. 97–107. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.12.2020

Дата рецензирования 31.01.2021

Статья принята к публикации 08.02.2021

DOI: 10.15372/HSS20210109
УДК: 93/94:372.8(47+57)"1920/1930"

Е.П. ЕМЕЛЬЯНОВ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ 1920-х гг.*

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
РФ, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Статья посвящена новым подходам к периодизации всеобщей истории, содержащимся в ряде учебников по истории и обществоведению, вышедших в 1920-е гг. Рассмотрены учебники А.А. Богданова, П.И. Кушнера, А.И. Гуковского и О.В. Трахтенберга. Выделены причины отказа авторов учебников от традиционного деления истории на Древность, Средневековье и Новое время и создания новых периодизаций, основанных на социально-экономических критериях. Показано сходство темпоральных взглядов указанных авторов, обусловленное как прямым и опосредованным влиянием идей А.А. Богданова, так и общей интеллектуальной ситуацией первой трети XX в. Установлено, что предложенные периодизации объединяло представление о многоукладности экономической жизни общества и нелинейности социальной эволюции.

Ключевые слова: 1920-е гг., темпоральность, периодизация всемирной истории, советская историческая наука, образование в СССР, обществоведение.

E.P. EMEL'YANOV

PERIODIZATION OF WORLD HISTORY IN SOVIET TEXTBOOKS OF THE 1920S

Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira str., Yekaterinburg, 62002, Russian Federation

The article is devoted to new approaches to the universal history periodization in textbooks on History and Social Science published in the USSR in the 1920s. The author considers periodization variants given in the textbooks by A.A. Bogdanov, P.I. Kushner, A.I. Gukovsky & O.V. Trachtenberg. Despite the fact that the history of teaching social subjects in the Soviet school of the 1920s was actively explored in Soviet and post-Soviet historiography, the periodization of the historical process given in the textbooks of that time has not yet become the subject of researchers' attention. The article objective is a comparative analysis of the above-mentioned periodizations and their correlation with the intellectual context of the epoch. As a result of a comparative analysis of the periodization data, the paper reveals a significant similarity between the periodizations in the textbooks by Kushner, Gukovsky & Trakhtenberg with that ones in the works by Bogdanov. This similarity is explained by the indirect influence of Bogdanov's ideas and the general intellectual situation of the first third of the XX century. Bolshevik leaders, who assimilated elements of his historical concepts, acted as intermediaries in broadcasting Bogdanov's views during the years of joint participation in the revolutionary movement. After establishing the Soviet power their writings became ideological models for writing textbooks on social studies. The similarity of the aforementioned periodizations caused by the intellectual situation of the time manifested itself in forming ideas of the historical evolution's multilinearity and reversibility, and the historical classification conventionality based on the society's correlation with one of the economic forms. These ideas corresponded to the general trends of the foreign historiosophical thought's development in the first third of the XX century. However, in the early 1930s, Soviet historiography abandoned these concepts due to political reasons first of all.

Key words: 1920s, temporality, world history periodization, Soviet historical science, education in USSR, social science.

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект №19-18-00342 «Человек в своём времени: проблематизация темпоральности в европейском интеллектуальном пространстве первой трети XX в».

Евгений Павлович Емельянов – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, emeljanov@ycenter.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2939-7270>.

Evgeniy P. Emelyanov – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of History of Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с XIX в., политизация исторического знания становится характерной чертой общественной жизни, что оказалось связано с пониманием прошлого как важнейшего фактора объединения социума [1, с. 31–39]. Соответственно с этого времени политические перемены современности неизбежно влекут за собой переосмысление прошлого. Этот тезис наглядно подтверждается процессами, развернувшимися на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв., когда в новых независимых государствах стала пересматриваться роль Российской империи и Советского Союза, изменяться оценка отдельных персоналий и целых исторических эпох [2, с. 44–63]. Во многом аналогичные процессы происходили в России и в ходе революций 1917 г., что делает актуальным обращение к опыту переосмысления истории в первые годы существования Советского государства.

Но перемены в отношении к прошлому, произошедшие после Октябрьского переворота, были гораздо глубже и носили не только оценочный, но и методологический характер. Вскоре после прихода к власти большевики приступили к радикальной перестройке общественных наук, сопровождавшейся утверждением марксизма как единственно верной методологии социального знания. Перемены неизбежно затрагивали историю не только как научную дисциплину, но и как общеобразовательный предмет. В связи с утверждением марксизма менялись представления об объектах исторического изучения, движущих силах и направлении исторического процесса. Одной из сфер исторического знания, претерпевшей радикальные изменения в связи с данной тенденцией, стала периодизация всеобщей истории.

В данной статье рассматриваются различные варианты периодизации всемирно-исторического процесса, которые использовались в советских учебниках 1920-х гг., предназначенных для техникумов, училищ и школ. Преподавание истории в средних учебных заведениях СССР в данный период неоднократно становилось предметом внимания исследователей как в советский [3, 4], так и в постсоветский [5, 6, 7] период. Однако оригинальные периодизации исторического процесса, применявшиеся в советских учебниках того периода, до сих пор не были предметом специального изучения.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В «КРАТКОМ КУРСЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ» А.А. БОГДАНОВА

Отсутствие учебной литературы стало одной из важнейших проблем в ходе марксистской перестройки исторического образования, начавшейся вскоре после Октябрьского переворота. В дореволюционный период идеи К. Маркса и его последователей не поль-

зовались популярностью среди ученых-историков, а марксистские учебники по всеобщей истории в то время отсутствовали. Своеобразным исключением был лишь «Краткий курс экономической науки» экономиста А.А. Богданова, в котором описывались изменения в экономической сфере в связи с историческим развитием человеческого общества. В девяти изданиях этой работы, вышедших с 1897 по 1906 г., дано несколько различных вариантов периодизации всемирно-исторического процесса. Следует отметить, что, несмотря на активное изучение жизни и творчества Богданова в отечественной и зарубежной литературе [8, 9, 10, 11], его исторические взгляды до сих пор не становились предметом специального изучения.

Отсутствие других марксистских учебников породило высокую потребность в работах А.А. Богданова в первые послереволюционные годы. В 1920 г. А.А. Богданов вместе с экономистом Ш.М. Дволайцким выпустил новое, десятое, издание «Краткого курса экономической науки», рекомендованное для изучения в партийных и общеобразовательных учебных заведениях. Оно значительно отличалось от предшествующих изданий, благодаря произошедшей в 1910-е гг. эволюции взглядов А.А. Богданова на периодизацию всемирно-исторического процесса.

Как и многие авторы того времени, Богданов отказался от традиционного деления всеобщей истории на Древность, Средневековье и Новое время, употребляя эти понятия лишь в качестве вспомогательных. Будучи марксистом, он использовал экономические критерии для периодизации всемирно-исторического процесса и выделил в развитии человечества три периода, связанных с уровнем развития обмена: натуральное хозяйство, меновое хозяйство и социально организованное хозяйство (представлявшее собой еще не достигнутую ступень развития человечества) [12, с. 23; 13, с. 7–8]. В изданиях 1899–1906 гг. данные периоды делились на стадии, последовательно сменявшие друг друга.

На рубеже 1900–1910-х гг. взгляды А.А. Богданова на периодизацию всемирной истории серьезно изменились. В 1910–1919 гг. он в соавторстве с И.И. Скворцовым-Степановым опубликовал 1-й том и три выпуска 2-го тома фундаментального «Курса политической экономии». В этих трудах Богданов вместо последовательных стадий выделил экономические формы, которые могли возникать в разные эпохи, сосуществовать друг с другом и появляться спустя столетия в преобразованном виде. К ним он отнес три формы натурального хозяйства (первобытный коммунизм, авторитарная родовая община, феодализм) и шесть форм менового хозяйства (рабство, крепостничество, ремесленно-городской строй, торговый капитализм, промышленный капитализм эпохи мануфактур и промышленный капитализм эпохи машин) [14, с. 18–19]. Наглядной иллюстрацией пере-

мен в концепции Богданова служит изменение его представлений о рабстве. Если ранее исследователь рассматривал рабовладельческий строй как локальный феномен, развившийся на базе патриархально-родового строя на Древнем Востоке и в Средиземноморье, то теперь он определял рабство как переходную форму менового хозяйства, возникшую на базе феодальных отношений вначале на Древнем Востоке, затем в античном мире, а затем, после исторического перерыва, в европейских колониях в Новое время [14, с. 218–275].

Периодизация всеобщей истории, данная Богдановым в «Кратком курсе экономической науки» в редакции 1920 г., в основном повторяла его периодизацию в работах 1910–1919 гг. Единственное отличие заключалось в том, что он объединил две формы промышленного капитализма в одну и добавил в качестве третьей формы капиталистического общества финансовый капитализм, выделенный в качестве отдельного экономического типа немецким социал-демократом Р. Гильфердингом в 1910 г. [13, с. 99, 202]. Будучи официально рекомендованным учебным пособием, «Краткий курс экономической науки» в редакции 1920 г. пользовался большой популярностью: он выдержал в 1922–1923 гг. одиннадцать переизданий, которые выходили как в столицах, так и в провинциальных городах (в Новгороде и Курске). В 1924 г. была издана новая редакция этой работы, в которой Богданов добавил еще две экономические формы – военный коммунизм и государственный капитализм. Однако после 1924 г. «Краткий курс экономической науки» не переиздавался, что отчасти было связано с появлением новых учебников, написанных уже в 1920-е гг.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В УЧЕБНИКАХ ПО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЮ 1920-Х ГГ.

В первой половине 1920-х гг. история была вычеркнута из программ средних учебных заведений, на смену ей пришло обществоведение. Новый предмет являлся комплексной дисциплиной, призванной рассказать об устройстве общества в прошлом и настоящем. В 1926 г. был опубликован учебник по обществоведению, написанный историками А.И. Гуковским и О.В. Трахтенбергом и предназначенный для школ I и II ступени, а в 1928 г. вышел их же учебник для рабфаков, техникумов, вечерних и партийных школ [15]. Редактором этих учебников выступал известный этнограф-большевик Павел Иванович Кушнер, опубликовавший в 1924 г. «Очерк развития общественных форм», который предназначался для высшей школы.

Периодизация всеобщей истории из учебников Гуковского и Трахтенберга почти полностью повторяла периодизацию в учебнике Кушнера. В зависимо-

сти от уровня развития производительных сил Кушнер выделял пять эпох: первобытную, родовую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую [16, с. 6–10]. Гуковский и Трахтенберг лишь добавили к ним шестую, разделив капитализм на эпохи торгового и промышленного капитала [15, с. 14].

Содержащаяся в учебниках Кушнера, Гуковского и Трахтенберга периодизация всемирно-исторического процесса обнаруживает большое сходство с периодизацией, данной в работах Богданова. На наш взгляд, это сходство объясняется опосредованным влиянием идей Богданова и общей интеллектуальной ситуацией первой трети XX в., что и привело различных исследователей к аналогичным результатам.

С опосредованным влиянием Богданова мы связываем выделение в качестве отдельных эпох торгового капитализма и родового строя. Посредниками в трансляции идей Богданова выступили большевистские лидеры, сотрудничавшие с ним в годы его участия в революционном движении. Так, одним из соратников Богданова по группе «Вперед» был будущий лидер большевистских историков М.Н. Покровский, читавший в 1909 г. лекции в организованной Богдановым рабочей школе на Капри. На основе этих лекций Покровский в 1914 г. выпустил первую часть «Очерка истории русской культуры», демонстрирующую заметное влияние исторических взглядов Богданова [17, с. 108]. Это был первый труд Покровского, в котором он выделил торговый капитализм как отдельный период в истории России. Сам термин «торговый капитализм» был введен в русскую историографию в 1898 г. М.И. Туган-Барановским, который использовал его для описания экономического строя допетровской Руси, характеризовавшегося работой ремесленников на кушцов-скупщиков [18, с. 79]. Развивая взгляды Туган-Барановского, Богданов впервые выделил торговый капитализм как отдельную стадию всеобщей истории [12, с. 113–124]. В дальнейшем выделение эпохи торгового капитализма стало отличительным признаком работ Покровского. В 1917 г. он примкнул к большевикам и до 1932 г. являлся лидером советской исторической науки. В эти годы употребление понятия «торговый капитализм» стало для советских обществоведов почти обязательным. Именно с господством идей Покровского, на наш взгляд, связано использование данного термина в учебниках Кушнера и его последователей.

Выделение родового строя как отдельной стадии в развитии общества закрепилось в советской историографии благодаря сочинениям И.В. Сталина. Как главный большевистский теоретик по национальному вопросу И.В. Сталин в 1921 г. использовал термин «патриархально-родовой строй» для характеристики общественного развития кочевых народов РСФСР [19, с. 25]. На наш взгляд, данный термин был взят

им из «Краткого курса экономической науки» Богданова, являвшегося в начале XX в. настольной книгой российских социал-демократов [20, с. 322]. Патриархально-родовая организация общества выделялась в качестве отдельной стадии всеобщей истории в изданиях указанной работы 1899–1906 гг. [12, с. 33–49]. Выделение патриархально-родовых отношений как особой стадии в развитии человечества принадлежало к числу оригинальных идей Богданова, ставших основой для его учения о тектологии. По мнению Богданова, первобытный коммунизм господствовал лишь на стадии присваивающего хозяйства. Переход к производящему хозяйству вызвал новое разделение труда между организаторами и исполнителями и покончил с первобытным коммунизмом. Огненные на смену первоначальному равенству пришли социальное расслоение, домашнее рабство и власть патриарха-организатора. При этом Богданов отмечал, что данный строй быстрее развивался у кочевых народов [12, с. 37]. Именно жизнь кочевых народов приводилась авторами учебников по обществоведению в качестве примера родового строя. Употребление термина «патриархально-родовые отношения» по отношению к кочевникам оставалось характерной чертой советской историографии вплоть до начала десталинизации в середине 1950-х гг.

Сходство вышеназванных периодизаций, вызванное интеллектуальной ситуацией того времени, проявлялось в первую очередь в отказе от понимания исторического прогресса как неуклонного линейного процесса. Данное обстоятельство было связано и с кризисной общественной атмосферой накануне Первой мировой войны, и с неудачей немедленного построения коммунизма в ходе Гражданской войны. Отказ от простого линейного понимания прогресса был точнее всего сформулирован Кушнером, который писал: «Иногда народы в течение многих сотен, а иногда и тысяч лет застревают на одной и той же ступени; иногда двигаются довольно быстро, в течение столетий проходя целые эпохи; иногда же вдруг начинают деградировать, постепенно лишаясь лучших технических навыков, забывая прежние, более совершенные орудия труда, растрчивая свою рабочую силу и превращаясь в жалких дикарей, едва могущих добывать себе средства к существованию на сегодняшний день» [16, с. 11].

Отказ от линейного понимания прогресса также был связан с использованием обществоведами-марксистами новейших достижений современной им исторической науки. В создании Богдановым в 1910-е гг. новой схемы экономических форм, в которой говорилось о наличии феодализма и менового хозяйства в древнем мире, проявилось влияние идей выдающегося историка-антиковеда Э. Мейера. В 1895 г. Мейер опубликовал работу «Экономическое развитие древнего мира», где выступил против популярных в то

время идей о господстве в Европе до конца X в. натурального хозяйства и создал циклическую схему европейской истории. Согласно его схеме ранняя античность (X–VI вв. до н.э.) была типологически идентична западноевропейскому Средневековью (V–XV вв.), так как обе эти эпохи характеризовались господством землевладельческой аристократии. В свою очередь классическая и поздняя античность являлись временем господства капиталистических отношений и представляли собой аналог Нового времени [21, с. 20, 40].

Если Богданов не рассматривал рабовладельческий строй как полноценную форму капитализма, то Кушнер и его последователи прямо писали о конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. как о времени капиталистических отношений. И поскольку в схемах Богданова и Покровского самой ранней формой капитализма был торговый капитализм, то они находили именно эту разновидность капитализма в античном мире [15, с. 114; 16, с. 396–397].

Второе важное сходство указанных периодизаций, вызванное интеллектуальной ситуацией времени, было связано с пониманием того, что классификация обществ по историко-экономическим эпохам не исчерпывает исторической реальности, и в каждом периоде присутствуют черты сразу нескольких экономических форм. Еще в 1910 г. Богданов писал: «В непрерывности социального развития нет резко обособленных этапов. Чистых экономических форм того или иного типа не существует: это познавательные абстракции. Но преобладание в одни эпохи одних, в другие – других тенденций выступает на практике с достаточной ясностью и позволяет разделить материал так, как это всего удобнее для его исследования и изучения» [14, с. 20].

Данная точка зрения получила особую популярность в период нэпа, когда было официально признано наличие социально-экономической многоукладности в Советском Союзе. В 1924 г. в предисловии к «Очерку развития общественных форм» П.И. Кушнер отмечал: «Указанное нами деление по эпохам является, конечно, условным... Мы условимся считать вполне сложившейся новую эпоху в тот момент, когда все основные признаки этой эпохи находятся в ней в *преобладающем количестве* по сравнению с отживающими или уже отжившими прежними формами. Обычно ряд эпох существует одновременно» [16, с. 10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная в учебниках Богданова, Кушнера, Гуковского и Трахтенберга периодизация всеобщей истории демонстрирует характерные черты восприятия исторического времени, свойственные представителям советского марксизма 1920-х гг. Во-первых, это усложнение подхода к историческому прогрессу и понимание многолинейности и обратимости историче-

ской эволюции. Во-вторых, это отказ от нейтральных категорий «Древность», «Средневековье», «Новое время» и стремление придать историческому времени сущностные экономические характеристики, сочетавшиеся с пониманием того, что и они не дают исчерпывающего описания исторической реальности.

Вышеназванные черты соответствовали общим тенденциям в развитии зарубежной историософской мысли первой трети XX в. Однако уже в начале 1930-х гг. в советской историографии произошел отказ от указанных концепций, вызванный в первую очередь политическими причинами. Понимание нелинейности исторического развития обществ и многоукладности социального устройства ставило под вопрос успешность построения социализма в СССР, ставшего официальным партийным курсом того времени. В результате в советской исторической науке произошел пересмотр восприятия исторического времени, канонизированный «Кратким курсом истории ВКП(б)». Древний мир, Средневековье и Новое время были восстановлены в качестве основных периодов истории человечества, при этом произошло закрепление их связи с определенными экономическими формациями (рабовладением, феодализмом и капитализмом). Одновременно было закреплено представление о всеобщей истории как последовательном, линейном процессе развития человечества, господствовавшее в науке и преподавании в Советском Союзе до конца 1980-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Копосов Н.Е. Память строго режима: История и политика в России. М., 2011. 320 с.
2. Филиппов А.И. Школьная история и общественное мнение в постсоветских странах // История и историческая память / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2015. Вып. 12. С. 44–63.
3. Буцки Л.П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961. 540 с.
4. Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики, 1921–1931. М., 1961. 505 с.
5. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI вв. / В.А. Ищенко [и др.]. Ставрополь, 2005. 382 с.
6. Аверьянов Ю.И. Историко-обществоведческое образование в советской школе 1920-х гг. // Педагогика. 2013. № 4. С. 81–94.
7. Захотская Т.М., Фролова Н.В. Принципы государственной политики в области отбора содержания исторических дисциплин в первые годы советской власти // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2016. № 3 (42). С. 60–67.
8. Гловели Г.Д. Социализм науки: Мебиусова лента А. А. Богданова. М., 1991. 61 с.
9. Soboleva M.E. A. Bogdanov und der philosophische Diskurs in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Zur Geschichte des russischen Positivismus. Hildesheim, 2007. 278 S.
10. Стейла Д. Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910). М., 2013. 363 с.
11. White D. Red Hamlet. The Life and Ideas of Alexander Bogdanov. Leiden; Boston, 2018. XIV, 494 pp.
12. Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. М., 1906. 322, IV с.
13. Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. М.; Пг., 1923. 264 с.

14. Богданов А.А., Степанов И.И. Курс политической экономии. СПб., 1910. 403 с.
15. Гуковский А.И., Трахтенберг О.В. Краткий учебник по истории развития общественных форм. М., 1928. 298 с.
16. Кушнер П.И. Очерк развития общественных форм. М., 1926. 580 с.
17. Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. 276 с.
18. Туган-Барановский М.И. Избранное: Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. 735 с.
19. Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 5. 448 с.
20. Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1981. 357 с.
21. Мейер Э. Экономическое развитие древнего мира. М., 1910. 108 с.

REFERENCES

1. Kopsosov N.E. The memory of a strict regime: history and politics in Russia. Moscow, 2011. 320 p. (In Russ.)
2. Filippov A.I. School history and public opinion in post-Soviet countries. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. Saratov, 2015, iss. 12, pp. 44–63. (In Russ.)
3. Bushchik L.P. An essay on the development of school history education in the USSR. Moscow, 1961, 540 p. (In Russ.)
4. Korolev F.F., Korneychik T.D., Raykin Z.I. Essays on the history of the Soviet school and pedagogy, 1921–1931. Moscow, 1961, 505 pp. (In Russ.)
5. Ishchenko V.A. et al. Historical education in Russia: the late XIX – early XXI centuries. Stavropol, 2005, 382 p. (In Russ.)
6. Averyanov Yu.I. History and social science education in the Soviet school of the 1920s. *Pedagogika*, 2013, no. 4, pp. 81–94. (In Russ.)
7. Zakhotskaya T.M., Frolova N.V. State policy principles in the field of contents selection of historical courses in the early Soviet system. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, no 3, pp. 60–67. (In Russ.)
8. Gloveli G.D. Socialism of science: Moebius tape by A. A. Bogdanov. Moscow, 1991, 61 p. (In Russ.)
9. Soboleva M.E. A. Bogdanov and the philosophic discourse in Russia by the early XX century. To the History of Russian positivism. Hildesheim, 2007, 278 S.
10. Steila D. Science and revolution. Reception of empirio-criticism in Russian culture (1877–1910). Moscow, 2013. 363 pp. (In Russ.)
11. White D. Red Hamlet. The life and ideas by Alexander Bogdanov. Leiden, Boston, 2018. XIV, 494 p.
12. Bogdanov A.A. A short course in economical science. Moscow, 1906, 322, IV pp. (In Russ.)
13. Bogdanov A.A. A short course in economical science. Moscow, Petrograd, 1923, 264 p. (In Russ.)
14. Bogdanov A.A., Stepanov I.I. Political economy course. Saint Petersburg, 1910, 403 p. (In Russ.)
15. Gukovsky A.I., Trachtenberg O.V. A short textbook on the history of the development of social forms. Moscow, 1928, 298 p. (In Russ.)
16. Kushner P.I. An essay on the development of social forms. Moscow, 1926, 580 p. (In Russ.)
17. Sokolov O.D. M. N. Pokrovsky and Soviet historical science. Moscow, 1970, 276 p. (In Russ.)
18. Tugan-Baranovsky M.I. Selected works: Russian factory in the past and present. Moscow, 1997, 735 p. (In Russ.)
19. Stalin I.V. Works. Moscow, 1947, vol. 5, 448 p. (In Russ.)
20. Valentinov N.V. Meetings with Lenin. New York, 1981. 357 pp. (In Russ.)
21. Meier E. Economic development of the ancient world. Moscow, 1910, 108 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.08.2020

Дата рецензирования 18.10.2020

Статья принята к публикации 14.01.2021

DOI: 10.15372/HSS20210110
УДК 94:314.1(571.513)"1939"

¹В.А. ИСУПОВ, ²В.А. КЫШПАНАКОВ

НАСЕЛЕНИЕ ХАКАСИИ В ЗЕРКАЛЕ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1939 г.*

¹Независимый исследователь

²Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
РФ, 655017, г. Абакан, пр. Ленина, 92

В статье впервые в региональной историографии публикуются и анализируются статистические материалы Всесоюзной переписи 1939 г., характеризующие население такого индустриально развитого национального района Сибири, как Республика Хакасия. Раскрыты обстоятельства и механизм проведения предшествующей переписи населения 1937 г., ее связь с Всесоюзной переписью 1939 г. Показана численность городского и сельского населения республики, ее динамика за 1926 – 1939 гг. Выявлены важнейшие характеристики населения Хакасии: пол, возраст, брачность, семейный и этнический состав, грамотность, источники средств существования. Значительное внимание уделено исследованию параметров отраслевой структуры занятости. Отмечается, что перепись, несмотря на засекречивание ее материалов на долгие годы и публикацию лишь общих сведений, является важным источником для анализа формирования и развития населения Хакасии.

Ключевые слова: перепись населения, численность, пол, возраст, брачность, семейный, этнический и профессиональный состав населения Хакасии.

¹V.A. ISUPOV, ²V.A. KYSHPANAKOV

POPULATION OF KHAKASSIA AS REFLECTED BY THE 1939 CENSUS

¹Independent researcher

² Katanov Khakass State University,
92, Lenin str., Abakan, 655017, Russian Federation

The article objective is to publish and analyze the materials of the 1939 All-Union population census for Khakass Autonomous Region, a national region of Siberia. The study object is the population of Khakassia as a result of scientific historical and demographic research. The subject is the features of demographic development recorded by the 1939 census. The introduction gives a brief overview of historiography of the topic. The study sources are the materials of the 1939 census stored in the Russian State Archive of Economics (RSAE). The article introduces a fairly large array of data into scientific circulation, which either add the previously published census data, or are published for the first time. These data show the composition of Khakassia population by age and gender in the context of urban and rural population, family-marital structure, ethnic composition, population distribution according to sources of livelihoods, industry employment. The paper gives the analysis of these changes recorded by the census compared with the data for 1926, as well as for the USSR and the RSFSR. It shows that there was a high proportion of large families with five or more children in Khakassia which characterized the extended or progressive type of the population reproduction in the autonomous region. The article concludes that the given indicators of demographic statistics of Khakassia population based on the results of the 1939 census allow expanding the knowledge about demographic processes in Khakassia in the 1930s, and the population in Khakassia on the eve of the Second World War and the Great Patriotic War.

Key words: census, population, number, sex, age, marriage, family, ethnic composition, literacy, source of means of existence, industry composition.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-09-00323.

Владимир Анатольевич Исупов – д-р ист. наук, профессор, независимый исследователь, e-mail: vladimir_2004_@mail.ru

Владимир Алексеевич Кышпанаков – канд. экон. наук, д-р ист. наук, профессор, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, e-mail: kyshpanakovv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1233-9875>.

Vladimir A. Isupov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Independent Researcher.

Vladimir A. Kyshpanakov – Candidate of Economic Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Katanov Khakass State University

ВВЕДЕНИЕ

Переписи населения являются бесценным источником статистической информации. Они содержат сведения о численности, половозрастном и национальном составе, социальной структуре населения, его грамотности, образовании, источниках средств существования. Все переписи, состоявшиеся в России/СССР, по-своему уникальны, но среди них выделяется Всесоюзная перепись населения, проведенная 17 января 1939 г. Это одна из самых обсуждаемых переписей населения, организованных в СССР в XX в. Как известно, перепись 1939 г. последовала после того, как Всесоюзная перепись 1937 г., проходившая в ночь с 5 на 6 января, была признана якобы проведенной с грубыми нарушениями основ статистической науки и преднамеренно фальсифицированной «врагами народа». 25 сентября 1937 г. опубликовано специальное постановление СНК СССР за подписью И. Сталина и В. Молотова, в котором указывается, что данная перепись была проведена «с грубейшими нарушениями», а ее материалы были признаны «дефектными» [1, с. 4]. Таким образом, перепись 1939 г. была призвана исправить допущенные погрешности. Уже этот факт придавал переписи 1939 г. особый политизированный статус. Материалы переписи 1939 г. полностью не были опубликованы и частично засекречены, а ее практическое использование носило ограниченный характер. Между тем она содержит сведения чрезвычайной важности, характеризующие население Советского Союза и его отдельных регионов накануне Второй мировой войны. Именно эта перепись проливает свет на некоторые особенности формирования и использования людского потенциала СССР.

В конце 1980-х, а затем в начале 1990-х гг. стали издаваться материалы Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг. и комментарии к ним, раскрывающие общественно-политическую атмосферу в СССР тех лет, условия, в которых проводились указанные переписи. Это работы В.В. Цаплина, М.С. Тольца, Ф.Д. Лифшица, Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской, Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской, А. Волкова и др. [2, с. 34–46]¹. В сибиреведческой историко-демографической литературе этой проблематике посвящены работы В.А. Исупова [3, с. 180–205; 4]. В региональных историко-демографических исследованиях следует выделить статью В.А. Кышпанакоева, посвященную 80-летию со дня проведения переписи 1937 г. в Хакасии. В работе впервые даются материалы о ходе подготовки к переписи, проведению ее в автономной области, привлекаются архивные данные о результатах, позднее аннулированных [5]. Материалы переписи

1939 г. в той мере, в какой они были доступны, приводились им и в других работах [6; 7].

В научном сообществе популярность приобрела идея об умышленной фальсификации переписи 1939 г. В исследованиях ученых, занимающихся историей переписей 1937 и 1939 гг., не без основания утверждалось, что численность населения СССР в ходе допущенных сознательных «ошибок» была завышена, а его структурные характеристики намеренно искажены. Вопрос остается открытым до сих пор. Последней по времени известной нам публикацией, посвященной анализу результатов переписи 1939 г., является статья М.С. Тольца в авторитетном научном журнале «Демографическое обозрение» [8, с. 100–117]. По-видимому, обсуждение результатов переписи 1939 г. может длиться бесконечно. Но нельзя упускать из виду, что еще в начале 2000-х гг., после бурной дискуссии исследователи в большинстве своем пришли к аргументированному, на наш взгляд, выводу о возможности использования материалов переписи 1939 г. в научной работе [9].

Сведения, полученные в ходе переписи 1939 г. о населении отдельных регионов России, в том числе Хакасии, также претерпели некоторые изменения. Но они были, скорее всего, незначительны и вряд ли принципиально могут повлиять на выводы. Например, в сборнике под редакцией Ю.А. Полякова о переписи 1939 г. приводятся данные о численности населения Хакасии в количестве 272 730 чел.² В «Записках Хакасского НИИЯЛИ» дана другая цифра – 270 655 чел. [10, с. 152]. Авторы «Очерков истории Хакасии советского периода», опираясь на данные статистики, показывают численность населения Хакасии в количестве 275,5 тыс. чел., эта цифра стала впоследствии официальной [11, с. 195]. В «Очерках истории Хакасской областной организации КПСС» приводится та же цифра [12, с. 137]. Очевидно, разницу можно объяснить расхождением между наличным и постоянным населением, что не оговорено в этих изданиях. Тем не менее разница составляет лишь 1 % от максимальной численности, а это вполне допустимо для использования в аналитической работе. Большинство статистических материалов Всесоюзной переписи 1939 г. по Хакасии, источниками которых явились фонды Российского государственного архива экономики (РГАЭ), публикуются в настоящей статье впервые.

ПЕРЕПИСЬ 1939 Г. В ХАКАСИИ

В 1930 г. Хакасский округ был преобразован в Хакасскую автономную область, которая в 1934 г. вошла в состав Красноярского края и представляла собой быстро развивающийся в индустриальном и

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Наука, 1992. 256 с.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 23–24

аграрном отношении регион СССР. В годы первых пятилеток интенсивное промышленное развитие области опиралось на богатые природные ресурсы – значительные запасы железной руды, золота, угля, строительных материалов, барита высокого качества, а также большие запасы лесных ресурсов.

В 1930-е гг. Хакасия превратилась в один из развитых индустриальных национальных районов Сибири. Здесь форсированное развитие получили предприятия горнорудной промышленности. Одновременно зарождаются и развиваются новые отрасли – лесная и деревообрабатывающая, пищевая промышленность. В эти годы были построены Сонский и Уйбатский мехлесопункты, Усть-Абаканский ДОК, Саралинская ЦЭС и Черногорская электростанция. Уже в 1938 г. удельный вес промышленной продукции в экономике области составлял почти половину – 49,6 % [12, с. 184]. Быстрое промышленное освоение Хакасии в конечном итоге обусловило многие специфические особенности динамики народонаселения региона.

Историко-демографическое исследование, как правило, начинается с анализа численности населения. Данные табл. 1, составленной на основе переписей населения 1926 и 1939 гг., свидетельствуют о быстрых темпах роста численности населения Хакасии. В течение периода, прошедшего между переписями населения 1926 г. и 1939 г., население области утроилось. Отметим, что в среднем в Сибири в эти годы численность населения выросла только на 28 % [13, с. 29]. Население РСФСР в данный период увеличилось лишь на 17 %. Таким образом, темпы роста населения Хакасии были одними из самых высоких не только в Сибири, но и в стране в целом. Так, если среднегодовые темпы прироста населения СССР за

1926–1939 гг. составили 1,2 %, то в Хакасии городское население увеличивалось в среднем на 9,1 % в год [6, с. 9]. Перепись 1939 г., таким образом, оказалась важным индикатором экономического развития области, свидетельствующим о кардинальных изменениях, происходивших в численности и составе населения Хакасии в 1926–1939 гг. (табл. 1).

Повышенные темпы роста численности населения автономной области обеспечивались за счет ускоренного роста количества горожан, что было характерно не только для Хакасии, но практически для всех регионов Сибири. В сущности, процессы урбанизации в годы первых пятилеток повсюду носили форсированный характер. Но в Хакасии они протекали особенно активно. Из табл. 1 следует, что в течение 1926 – 1939 гг. городское население здесь выросло почти в 19 раз.

До революции на территории современной Хакасии не было ни одного городского поселения. На момент образования Хакасского округа (1925 г.) здесь находились два рабочих поселка: Усть-Абаканский и Черногорские Копи. По данным переписи 1926 г., в них проживало 3,1 тыс. и 1,4 тыс. чел. соответственно, а в 1939 г., когда они уже стали городами (Абакан и Черногорск), – 36,7 тыс. и 17,4 тыс. чел. соответственно³.

Процесс быстрой индустриализации Хакасии привел к образованию не только городов, но и сети рабочих поселков с быстро растущим населением. В 1929 г. на территории Хакасии возник рабочий поселок Сарала, в 1932 г. – рабочие поселки Балыкса, Коммунар, Кызас и Усть-Абакан, в 1934 г. – рабочий поселок Балахчин⁴. В 1939 г. это были вполне оживленные центры добычи полезных ископаемых (в основном золота), образованные как поселения на месте рудников еще в XIX в., а пос. Сарала являлся райцентром одноименного Саралинского района с населением 30,9 тыс. жителей (позднее – Орджоникидзевский район. – *Авт.*). Это был самый большой по численности населения рабочий поселок Хакасии (табл. 2). Но в 1947 г. рабочий поселок Сарала был исключен из учетных данных.

Впоследствии в ходе многочисленных изменений административных границ и статуса практически все рабочие поселки в Хакасии в конце 30-х гг., за исключением Усть-Абакана, были переведены в сельские населенные пункты.

Таким образом, после проведения переписи 1939 г. выяснилось, что Хакасия наряду с Кузбассом,

Таблица 1

Численность населения Хакасии, 1926 – 1939 гг.*

Table 1

Population of Khakassia, 1926–1939

Годы переписей Census years	Всего, чел.* Total, person	В том числе Including		Удельный вес городского населения, % Share of the urban population, %
		городское Urban population	сельское Rural population	
1926	88 906	5951	82 970	6,7
1939	275 500	111 100	164 400	40,3
1939 к 1926, %	в 3 раза	в 18,7 раза	в 2 раза	в 6 раз

Источник: Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф.21. Оп.1. Д. 12. Л.1, 38; Ф. Р-39. Оп.1. Д. 297. Л. 6; Хакасская автономная область за годы советской власти. Абакан, 1967. С.12.

* В границах указанных лет.

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 271. Л. 3.

⁴ РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1940 г. М.: Изд-во «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1940. С. 44.

Таблица 2

**Население и административный статус
городов и рабочих поселков Хакасии, 1939 г.**

Table 2

**Population and administrative status
of cities and workers' settlements of Khakassia, 1939**

Городские поселения Urban settlements	Административный статус Administrative status	Год образования Year established	Население, чел. Population, people
Абакан	Областной центр	1931	36 700
Черногорск	Город областного подчинения	1936	17 405
Балахчин	Рабочий поселок	1934	8229
Балыкса	То же	1932	9518
Знаменитый	То же	1934	5512
Коммунар	То же	1932	7946
Кызас	То же	1932	5596
Сарала	То же	1929	14729

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 255. Л. 214; Энциклопедия Республики Хакасия: в 2 т. / под ред В.А. Кузьмина. Красноярск: Поликар, 2008. С. 117; Демоскоп Weeky. 2021.22 –22 марта. N 891-892. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_3.php (дата обращения: 01.01.2021 г.).

Иркутской и Читинской областями стала одним из самых высокоурбанизированных регионов Сибири. Для сравнения: удельный вес городского населения Западной Сибири на 17 января 1939 г. составлял 29 %, Восточной – 36 % [4, с. 32–33]. Удельный вес городского населения Красноярского края, в состав которого входила Хакасская автономная область, не превышал 30 %⁵. Однако вряд ли правомерно было бы говорить об урбанизации как о полномасштабном процессе.

Если сопоставить данные переписи 1939 г. с цифрами переписи 1926 г., увидим еще одну важную особенность динамики численности населения Хакасии – рост сельского населения в регионе. За период 1926–1939 гг. сельское население Хакасии выросло более, чем на 47 % (табл. 1). Между тем численность сельского населения Восточной Сибири, к которой географически относится Хакасия, увеличилась примерно на 9 %, а численность сельского населения в Западной Сибири, напротив, даже сократилась на 1,7 % [13, с. 32–33]. Это объясняется многими причинами: снижением естественного прироста, голодом начала 1930-х гг., массовым оттоком сельского населения в город и др.

Все эти негативные особенности динамики численности населения в 1930-е гг. в целом были характерны и для Хакасии [7]. Но в силу особенностей ее

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 23.

Таблица 3

Состав населения Хакасии по полу, 1939 г.*

Table 3

**Composition of the population of Khakassia by gender,
1939**

Население Population	Доля во всем населении, % Share in total population, %		Мужчин на 1000 женщин Men per 1000 women
	мужчин men	женщин women	
Все население*	48,6	51,4	945
городское	49,2	50,8	969
сельское	48,2	51,8	929

Источник: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. М.: Наука, 1992. С. 23, 24; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 272.

* По административно-территориальному делению 1939 г.

социально-экономического развития на юге Красноярского края сформировалась специфическая миграционная ситуация, что и подтвердила перепись 1939 г. Поскольку в Хакасии в 1930-е гг. увеличивалась численность как городского, так и сельского населения, обеспечить высокие темпы роста численности населения только за счет естественного прироста в условиях снижающейся рождаемости было невозможно. Несмотря на высокие в целом, хотя и снижающиеся показатели естественного прироста, во второй половине 1920-х – 1930-е гг. главным источником роста численности населения Хакасии стала миграция [7]. Мощный миграционный приток населения в Хакасию оказывал сильное воздействие не только на численность, но и на структуру ее населения.

Что касается половозрастного состава населения, то Хакасия в этом отношении обладала существенными особенностями. Отметим, прежде всего, относительно сбалансированный состав населения автономной области по полу. Доля мужчин и женщин была почти одинаковой, с незначительным перевесом в сторону женщин. Это было особенно характерно для городских поселений, куда устремлялся большой поток мигрантов, среди которых преобладали мужчины. Миграции компенсировали повышенную смертность мужчин, что было так характерно для 1930-х гг. Относительно уравновешенный состав населения по полу, сложившийся в Хакасии, в целом позитивно сказывался на динамике ее демографической сферы (табл. 3).

Однако следует обратить внимание на явный перекос в соотношении полов среди сельского населения, что было отражением тех потерь, которые понесло село в ходе массовой коллективизации репрессий и голодных лет 1930-х гг. Прежде всего это были потери мужского населения (табл. 3).

Таблица 4
Возрастной состав населения Хакасии, 1939 г.

Table 4

Composition of the population of Khakassia by age, 1939

Возрастные группы, лет Age groups, years	Все население Total population	Городское urban	Сельское rural
До 7 лет	20,1	18,4	21,2
8 – 11	11,2	10,1	11,9
12 – 14	8,7	8,1	9,1
15 – 19	9,2	9,5	8,7
20 – 29	17,3	19,1	16,1
30 – 39	13,9	15,3	12,6
40 – 49	8,0	8,6	7,5
50 – 59	5,5	5,7	5,4
60 и старше	6,0	4,8	7,0
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 271, л. 3.

По стране в целом доминировала иная тенденция: доля мужчин в населении в 1926–1939 гг. неуклонно сокращалась, что в свою очередь вызывало негативные сдвиги в демографической подсистеме общества. Достаточно сказать, что по РСФСР в целом удельный вес мужчин в населении в 1939 г. не превышал 47,2 %⁶.

Перепись 1939 г. показала, что доля детей и подростков до 14 лет в населении Хакасии составляла 40 %, а в населении РСФСР в целом – 41 %⁷, что объясняется высокой рождаемостью населения области, особенно в сельской местности Хакасии. Доля детей и подростков здесь составляла 42,2 %.

Высоким был в Хакасии и удельный вес молодых людей в возрасте 15 – 29 лет. По переписи 1939 г. здесь он составлял почти 27 %, в том числе в городах около 29 %, в сельской местности – около 25 %. Такие показатели следует объяснить мощным притоком мигрантов молодых возрастов в городские поселения для работы в промышленности, на стройках и транспорте. Часть молодых людей перебиралась в города для учебы. В Абакане в это время функционировали вновь образованные Абаканский учительский институт, педагогическое училище, фельдшерско-акушерская школа (позднее – медицинское училище), коневеттехникум (сельхозтехникум), в Черногорске – горный техникум.

Миграции обеспечивали высокий удельный вес населения в активном трудоспособном возрасте от 30 до 59 лет, главным образом в городах, где он достигал

почти 30 %. В сельской местности доля этой группы населения составляла 25,5 %. Сельская местность в 1930-е гг., по сути, была главным источником рабочей силы для индустрии. В итоге в деревне оставались самые младшие возрастные группы до 7 лет и группы населения старше 60 лет (табл. 4).

Возрастной состав населения, тренды рождаемости и смертности, социокультурная ситуация и установки социально-психологического характера предопределяли семейно-брачную структуру населения. Разработчики переписи 1939 г. уделили этим вопросам большое внимание. По данным переписи, основная масса населения Хакасии предпочитала иметь семью. Показатели брачности были высокими. В целом в Хакасии из каждой 1000 чел. населения брачного возраста (в конце 1930-х гг. таковым считалось население 15 лет и старше) в браке состояли 674 чел. При этом уровень брачности мужчин составлял 694 на 1000 чел., женщин – 656 чел.⁸ Брачность, как и в 1920-е гг., была ранней. Материалы переписи показали, что из каждой 1000 женщин, проживавших на территории Хакасии, к возрасту 20–24 года 696 женщин состояли в браке. Максимальной величины уровень женской брачности достигал к 30–39-летнему возрасту. В этом возрастном диапазоне 867 женщин из 1000 уже создали семью. Но после 39 лет в структуре женской брачности фиксировалось постепенное понижение брачности, обусловленное еще немногочисленными в 1930-е гг. разводами, но главным образом овдовением. Среди женщин 50–59 лет замужем были 673 женщины из каждой тысячи, а в возрасте старше 60 лет – 401 женщина⁹.

Тренд мужской брачности был иным. Во-первых, мужчины женились в среднем позднее, максимума показатель брачности у мужчин в Хакасии достигал к 40–49 годам, после чего начинался процесс его снижения¹⁰.

Показатели городской и сельской брачности различались несущественно. По-видимому, городской образ жизни, сильно влияющий на показатели брачности, еще не сформировался. Процессы урбанизации в Хакасии еще только разворачивались. Из каждой 1000 горожан в возрасте 15 лет и старше в браке состояли 671 чел., в сельской местности – 676 чел.¹¹ Таким образом, перепись 1939 г. подтвердила, что собственно перестройка брачного и репродуктивного поведения, вызванная кардинальными процессами демографического перехода, в Хакасии еще не произошла. По-видимому, Хакасская автономная область накануне Великой Отечественной войны стояла на

⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 271. Л. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 23.

⁷ Там же. С. 29.

Таблица 5

Группировка семей по числу совместно проживавших членов семей, 1939 г.

Table 5

Family grouping by number of family members living together, 1939

Людность семьи Family size	Городские поселения Urban settlements	Сельские поселения Rural settlements	Всего Total
Из 2 чел.	20,1	18,2	19,0
Из 3	23,4	20,6	21,8
Из 4	22,2	21,1	21,5
Из 5	16,7	17,8	17,4
Из 6	9,9	11,4	10,8
Из 7 и более	7,7	10,9	9,5

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 271. Л. 4.

пороге этого революционного в демографической истории процесса, но война задержала его до 1950-х гг.

Основная масса населения Хакасии проживала в семьях. Одиночек было очень мало. Важно отметить, что семьи, как правило, были многолюдными. Семьи из 2 чел. составляли меньшинство. Так, перепись 1939 г. зарегистрировала в Хакасии около 60 тыс. семей, из них только 11 тыс. (18 %) состояли из 2 чел.¹² Как правило, это молодые семьи, недавно заключившие брачный союз и еще не успевшие обзавестись детьми. Контроля над рождаемостью семьи еще не практиковали. Через сравнительно небольшое время после заключения брака появлялись дети. На долю семей из 3 и 4 чел. приходилось 43,3 % всех семей: это родители и дети. В городах таких семей было больше. Здесь удельный вес таких семей составлял около 46 %, в сельской местности – 42 %. Горожане постепенно переходили к контролю над рождаемостью.

В целом семейная структура Хакасии характеризовалась наличием значительного количества больших семей, особенно в сельской местности, где рождаемость была выше. Кроме того, в сельской местности значительно больше имелось межпоколенных семей, как правило, из представителей трех поколений. В семье совместно проживали внуки – родители – бабушки и дедушки. Перепись 1939 г. продемонстрировала, что в сельской местности Хакасии на долю семей, состоявших из 5 чел. и более, приходилось свыше 40 % семей, в городах – немногим более 34 % (табл. 5).

В ходе переписи 1939 г. большое внимание уделялось национальному составу населения. Быстро растущая горнодобывающая промышленность Хака-

¹² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 271. Л. 4.

Таблица 6

Национальный состав населения Хакасии, 1939 г.

Table 6

Composition of the population of Khakassia by nationalities, 1939

Национальности Nationalities	% к итогу To the total, in %	В том числе Including	
		городское население, % urban population, %	сельское население, % rural population, %
Русские	75,2	85,5	68,2
Хакасы	16,7	4,6	25,1
Украинцы	2,8	2,6	2,9
Мордва	1,3	1,5	0,1
Татары	1,1	1,7	0,6
Белорусы	0,5	0,7	0,5
Шорцы	0,3	0,6	0,1
Прочие	2,0	2,8	2,5

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 271. Л. 8.

сии требовала притока рабочей силы из других регионов. В итоге к концу 1930-х гг. в населении Хакасии сформировался абсолютный численный перевес русских. Как показала перепись 1939 г. (табл. 6), на их долю приходилось свыше 75 % населения Хакасской автономной области. Особенно большое количество русских было сосредоточено в городской местности (85 %). Второй по численности этнической группой населения были коренные жители области – хакасы. Всего в Хакасской автономной области, по данным переписи 1939 г., проживало 44,7 тыс. хакасов¹³, что составляло 16,7 % населения области (табл. 6). Если по переписи 1926 г. хакасы составляли почти половину населения Хакасского округа (в границах тех лет), то в 1939 г. они уже были в меньшинстве, став миноритарным этносом.

Важно отметить, что часть хакасов проживала за пределами Хакасской автономной области. В основном это представители молодежи, обучавшиеся в крупных городах СССР – Москве, Ленинграде, Новосибирске, Красноярске. Их послали на учебу с целью подготовки национальных кадров. Перепись 1939 г. показала, что в СССР насчитывалось почти 53 тыс. хакасов¹⁴, для 46 тыс. из них хакасский язык был родным¹⁵.

Следует отметить важную особенность расселения хакасов, что было зафиксировано переписью 1939 г. Хакасы в основном проживали в сельской

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 250. Л. 64.

Таблица 7

**Грамотность населения
Хакасской автономной области, 1939 г.***
(Доля грамотных в возрастных группах 9 – 49 лет, %)

Table 7

**Literacy of the population of the Khakass Autonomous
Region, 1939 (literate at the age of 9 – 49 years, %)**

Годы Years	Мужчины Men	Женщины Women	Оба пола Both sex
1926 г.	51,4	25,2	38,3
1939 г.	93,5	80,8	87,0

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 271. Л. 8.

местности, где их удельный вес составлял более четверти населения автономной области. И все же в конце 1930-х гг. у хакасов раньше, чем у других народов Сибири, развернулся процесс перемещения из села в город. В результате показатели урбанизированности хакасского населения по данным переписи 1939 г. оказались выше, чем у других народов Сибири. Среди всего хакасского населения СССР удельный вес горожан составлял 12,6 %, тогда как среди якутов в городских поселениях проживало 7 %, у бурят – немногим более 9 %, ойротов (алтайцев) – 8,9 %¹⁶. Для сравнения показатели урбанизированности русских в СССР достигли 37,8 %¹⁷. Однако в 1930-е гг. процесс массового перемещения представителей хакасского этноса в города еще только разворачивался. Его пик пришелся на 1970–1980-е гг.

В Хакасской автономной области проживали мигранты из других регионов страны – представители многих национальностей. Но «становой хребет» населения в этом многонациональном регионе составляли уже русские. Хакасы уже были в меньшинстве, став миноритарным этносом. В этом принципиальное отличие результатов переписи 1939 г. от предыдущей переписи 1926 г., когда удельный вес этих этнических групп был практически равным.

Важными характеристиками социального и культурного развития региона являются грамотность и образованность населения. Уже в середине 1920-х гг. уровень грамотности населения в Хакасии был достаточно высоким по меркам того времени (табл. 7). В 1926 г. почти 40 % населения Хакасии в возрасте 9–49 лет умели читать и писать. К переписи 1939 г. этот показатель заметно вырос.

К 1939 г. почти 90 % жителей Хакасии были грамотными. Причем в городской местности прослойка грамотных составляла 90,8 %, в сельской – 84,1 %¹⁸.

Вместе с тем перепись 1939 г. вскрыла возможности для дальнейшего повышения грамотности населения. Уровень грамотности женщин составлял в городах 85,9 %, а в сельской местности – 80,8 %¹⁹. Особого внимания требовали старшие группы населения. Согласно переписи 1939 г., в Хакасии среди возрастной группы населения 50 лет и старше доля умеющих читать и писать составляла всего 30,8 %²⁰.

Уровень образованности населения Хакасии, как выяснилось в ходе переписи 1939 г., был невысоким. На 1000 чел. здесь приходилось со средним образованием – не более 46 чел., а с высшим – около 2 чел. В этом отношении область значительно отставала от общероссийских показателей. По РСФСР в среднем на 1000 чел. приходилось почти 77 чел. со средним образованием и почти 7 чел. – с высшим²¹.

Значительное внимание организаторы переписи 1939 г. уделяли распределению населения по социально-классовым группам. Социально-классовая структура населения Хакасии на материалах переписи 1939 г. основательно проанализирована в литературе. Очевидно, что социальная структура населения, зафиксированная переписью 1939 г., демонстрирует результат «грандиозного и жестокого по своей сути эксперимента над деревней» [7, с. 231].

Исследователями немалое внимание уделено также анализу источников средств существования населения Хакасии, выделению по этому признаку отдельных групп в социальной структуре. По материалам переписи 1939 г., значительное число горожан и жителей села являлись иждивенцами. Анализ этих цифр может стать своего рода ключом к разрешению ряда демографических проблем. Отметим, прежде всего, что в городских поселениях Хакасии удельный вес самодеятельных (так при проведении переписи 1939 г. именовались лица, имеющие самостоятельный источник средств существования) среди мужчин составлял 54,9 %, среди женщин – всего 23,5 %²².

В сельской местности доля иждивенцев среди женщин составляла, по материалам переписи 1939 г., почти 57 %, среди мужчин – свыше 47 %²³. Такое положение отражало специфику ментальных, демографических и экономических характеристик сельских жителей. С одной стороны, в сельской местности была выше рождаемость, что способствовало увеличению здесь прослойки детей. Перепись относила детей к иждивенцам. С другой стороны, в городах, особенно в сельской местности Хакасии, значительной оказалась прослойка лиц, которые при организации

¹⁹ Там же.

²⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 40.

²¹ Там же. С. 50.

²² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 271. Л. 15.

²³ Там же.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 250. Л. 3 – 4.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Д. 271. Л. 8.

переписи были включены в группу «члены семьи, помогающие в подсобном сельском хозяйстве». В городе в этой социальной группе оказалось более 9 % женщин²⁴. Это были горожанки, проживавшие в так называемом частном секторе и вынужденные в условиях дефицита продовольствия и низких заработков трудиться в личном подсобном хозяйстве, чтобы получать продукты. Оплата труда колхозников была столь мизерна, что женский труд в личном подсобном хозяйстве в сельской местности был крайне востребован.

Как показывают данные табл. 8, в городских поселениях области почти 43 % самодеятельного населения было занято в промышленности. Вместе с тем 10 % горожан трудились в торговле и заготовках, а почти 9 % горожан было занято в сельском хозяйстве.

Развитие транспортной системы, а также рост городов и промышленности способствовали формированию широкой прослойки рабочих и служащих, занятых на транспорте и строительстве. Удельный вес этой группы в городских поселениях составлял около 14 % самодеятельного населения. Но отставание в развитии социальной инфраструктуры обусловило относительно низкую прослойку рабочих и служащих, занятых в здравоохранении и жилищно-коммунальном хозяйстве.

В сельской местности главным занятием было сельское хозяйство, при этом в колхозах было сосредоточено почти 42 % самодеятельного населения. Обращает на себя внимание значительная доля занятых в лесном хозяйстве. Хакасия была важным центром лесной и деревообрабатывающей промышленности. Велика была доля занятых в государственных учреждениях, особенно в городе, что отражало рост набирающей силу советской партийно-хозяйственной номенклатуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всесоюзная перепись населения 1939 г. дает обширную информацию как об общей численности населения Хакасии, так и по городским и сельским населенным пунктам. Кроме того, содержатся сведения об отраслевой структуре занятости населения, источниках средств существования, национальном составе, грамотности и образовании, половозрастных категориях и др. Однако из-за засекреченности основного массива данных по политическим причинам исследователям длительное время приходилось довольствоваться лишь окруженными показателями переписи 1939 г., некоторые из них с целью сравнения были опубликованы в материалах переписи 1959 г. Доступ же к основным показателям переписи

²⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 271.

Таблица 8

Отраслевая структура занятости населения Хакасии, 1939 г., %

Table 8

Employment of the population of Khakassia in the branches of the economy, 1939, %

Отрасли Branches	Всего занято, % Employment total, %	
	город city	село village
Промышленность	42,9	9,3
Сельское хозяйство	8,9	56,3
В том числе в колхозах	2,1	41,8
Лесное хозяйство	6,1	10,6
Строительство	6,5	3,2
Транспорт и связь	7,4	3,2
Торговля и заготовки	10,0	5,4
ЖКХ	1,9	0,5
Провещение и наука	6,0	3,8
Здравоохранение	3,4	1,7
Госучреждения	4,5	2,6
Прочие отрасли	2,4	3,4
Всего	100,0	100,0

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 271. Л. 16.

населения 1939 г. был закрыт вплоть до конца 1980 – начала 1990-х гг.

Анализ в настоящей статье некоторых материалов переписи населения 1939 г. в Хакасской автономной области позволяет прояснить некоторые малоизвестные (или неизвестные) страницы демографической истории Хакасии, ее социально-экономического и культурного развития в довоенный период в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. М.: Наука, 1992. С. 4–11.
2. Андреев Е., Дарский Л., Харьковская Т. Опыт оценки численности населения СССР. 1926 – 1941 гг.: краткие результаты исследования // Вестн. статистики. 1990. № 7. С. 34–46.
3. Исупов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. С. 180–205.
4. Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 291 с.
5. Кышпанакоев В.А. «Забытая перепись» (к 80-летию со дня проведения Всесоюзной переписи населения 1937 г.) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 4 (20). С. 56–60.
6. Кышпанакоев В.А. Население и трудовые ресурсы Хакасии. Абакан, 1989. 185 с.
7. Кышпанакоев В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1995. 348 с.
8. Тольц М. Итоги переписи населения СССР 1939 г.: две проблемы адекватности // Демографическое обозрение. 2020. № 7(1). С. 100–117.

9. *Жиromская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 280 с.

10. Записки Хакасского НИИЯЛИ. Абакан, 1958. Вып. VI. 191 с.

11. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 годы. Абакан, 1963. 419 с.

12. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярск: Краевое кн. изд-во, 1987. 419 с.

13. *Московский А.С., Исупов В.А.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, 1981. 168 с.

REFERENCES

1. *Zhiromskaya V.B.* All-Union census of 1939: history, assessment of reliability. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: osnovnye rezultaty*. Moscow 1992, pp. 4–11. (In Russ.)

2. *Andreev E., Darsky L., Kharkova T.* Experience in assessing the population of the USSR. 1926 - 1941: brief study results. *Vestnik statistiki*, 1990, no. 7, pp. 34–46. (In Russ.)

3. *Isupov V.A.* Demographic sphere in the era of Stalinism. *Aktualnyye problemy Sovetskoy Sibiri*. Novosibirsk, 1990, pp. 180–205. (In Russ.)

4. *Isupov V.A.* The urban population of Siberia: from catastrophe to revival (late 1930s – late 1950s). Novosibirsk, Nauka, 1991, 291 p. (In Russ.)

5. *Kyshpanakov V.A.* “Forgotten Census” (on the 80th anniversary of the All-Union population census in 1937). *Nauchnoye obozrenye Sayano-Altaya*, 2017, no. 4, pp. 56–60. (In Russ.)

6. *Kyshpanakov V.A.* Population and labor resources of Khakassia. Abakan, 1989, 185 p. (In Russ.)

7. *Kyshpanakov V.A.* Population of Khakassia: 1917–1990s. Abakan, 1995, 348 p. (In Russ.)

8. *Tolts M.* Results of the 1939 USSR census: two problems of adequacy. *Demograficheskoye obozrenye*, 2020, no. 7, pp. 100–117. (In Russ.)

9. *Zhiromskaya V. B.* Demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown. Moscow, ROSSPEN, 2001, 280 p. (In Russ.)

10. Notes of the Khakass SRILLH. Iss. 6. Abakan, 1958, 191 p. (In Russ.)

11. Essays on the history of Khakassia during the Soviet period. 1917–1961. Abakan, 1963, 419 p. (In Russ.)

12. Essays on the history of Khakass regional organization of the CPSU. Krasnoyarsk, 1987, 359 p. (In Russ.)

13. *Moskovsky A.S., Isupov V.A.* Formation of the urban population of Siberia (1926–1939). Novosibirsk, Nauka, 1981, 168 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2020

Дата рецензирования 17.12.2020

Статья принята к публикации 14.01.2021

DOI: 10.15372/HSS20210111
УДК 94:631(571.1)"1941"

С.В. ШАРАПОВ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ И АЛТАЙСКОГО КРАЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

С началом Великой Отечественной войны резко повысилось значение для страны Западной Сибири как тылового региона, обладавшего мощной базой сельскохозяйственного производства. Для исследователей советской экономики военного периода остается актуальным вопрос о готовности сельского хозяйства Западной Сибири отвечать на вызовы военного времени. В данной статье на основе материалов поездки секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева по Западной Сибири летом 1941 г. анализируется социальное и экономическое положение деревни Новосибирской области и Алтайского края накануне немецкого вторжения. К началу войны оба региона находились в условиях острых экономических и социальных затруднений, спровоцированных засухой и чрезмерным изъятием хлеба в ходе заготовительной кампании 1940 г. Результатами переплетения природных и политических факторов стали нехватка продовольствия в ряде районов, резкое сокращение поголовья общественного скота, распространение критических по отношению к советской власти настроений. Реакция центральной власти на проблемы регионов была прямолинейной. С позиции Центра, ухудшение обстановки было вызвано, во-первых, активизацией «антисоветского элемента»; во-вторых, управленческой слабостью руководящего состава местных организаций.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, сельское хозяйство, животноводство, голод, Великая Отечественная война, Западная Сибирь.

S.V. SHARAPOV

THE STATE OF AGRICULTURE IN NOVOSIBIRSK AND ALTAI REGIONS ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: ECONOMIC AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS

Institute of History SB RAS
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

The author analyzes economic and socio-political situation developed on the eve of the Great Patriotic War in the countryside of two large regions of West Siberia: Novosibirsk Region and Altai Territory. The main sources of investigation were documentary materials collected by A.A. Andreev, the secretary and head of the Agricultural Department of the Central Committee of CPSU(b), during his trip to West Siberia in summer of 1941. Documents, analytical reports, and memoranda obtained by A. A. Andreev, compiled mainly by the regional departments of NKVD and NKGB, indicated a similar nature of difficulties faced by both regions. Firstly, this was mass mortality of public livestock, secondly, an acute shortage of food and seed in collective farms. Despite the fact that A. A. Andreev considered the disastrous situation as a result of “wrecking” activity, on the one hand, and inability of regional authorities to establish effective leadership, on the other hand, it was proved that main reasons for the difficulties were the raised taxation, and the drought that hit both regions in the summer of 1940. The aforementioned factors resulted in famine, which was not widespread, apparently, but covered entire villages most affected by the drought. Judging by the fact that food-supply difficulties appeared both in rural areas and cities, it is quite possible to talk about the food crisis in Novosibirsk Region and Altai Territory in winter of 1940 – summer of 1941. The agriculture of both regions was weakened on the eve of the war. The intervention of the central authorities, and personally of A.A. Andreev, partially helped to cope with difficulties, however, some problems, for example, reducing the livestock number, were long-term in nature and were only aggravated by the further wartime extreme conditions.

Key words: Soviet state agrarian policy, agriculture, livestock, famine, Great Patriotic War, West Siberia.

Сергей Валерьевич Шарапов – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3526-8088>

Sergey V. Sharapov – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Благодаря исследованиям сибирских историков известно, что накануне Великой Отечественной войны сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края понесло значительный урон вследствие чрезмерного изъятия зерна во время хлебозаготовительной кампании 1940/41 г. [1; 2, с. 131–175]. И если с определенностью можно говорить о возникшей в регионах нехватке продовольствия, семян и кормов, то реакция на эти проблемы центральной государственной власти до сих пор остается не освещенной. Не затронут в историографии также сюжет о командировке в Западную Сибирь секретаря и заведующего сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреева летом 1941 г. Посетив поочередно Новосибирскую область и Алтайский край, он собрал немало сведений, которые способны пролить дополнительный свет на многие проблемы в сельском хозяйстве этих двух регионов, причем не только экономические, но и социальные. Судя по тому, что Андреев ехал в Сибирь с единственной целью разобраться и исправить положение дел в сельском хозяйстве, политический Центр был встревожен сигналами, поступающими с мест. Цель данной статьи – освещение экономического и социально-политического аспектов кризисной ситуации, сложившейся в сельском хозяйстве Новосибирской области и Алтайского края к началу Великой Отечественной войны.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Экономические затруднения были вызваны двумя главными факторами: засухой, поразившей оба региона летом 1940 г., и резким усилением натурального налогообложения деревни [1; 2, с. 131–175]. На фоне ухудшения международной обстановки и начала Второй мировой войны государство на пределе возможностей наращивало изъятие продовольственных ресурсов из села. С 1939 г. объемы натуроплаты за работы МТС стали определяться исходя из видовой урожайности зерновых, измеряемой на корню перед уборкой. Потери урожая во время уборочной кампании не учитывались, а планы натуроплаты, как следствие, оказывались завышенными. Новацией следующего, 1940 г., стал переход к так называемому погектарному принципу обложения обязательными зернопоставками. Если раньше последние рассчитывались исходя из размера запланированных посевных площадей, теперь их объем исчислялся из количества гектаров пашни, закрепленной за колхозами [3, с. 130]. Это позволило резко увеличить хлебозаготовительные планы в 1940 г.

Засуха лишила надежд получить высокий урожай. В 1940 г. видовая урожайность зерновых в Алтайском крае составила всего 6,3 ц/га (для сравнения:

в 1939 г. – 11,9 ц/га). В Новосибирской области ситуация складывалась чуть лучше – 8,9 ц/га против 12,5 ц/га в 1939 г. Однако амбарная урожайность из-за потерь зерна во время уборки и обмолота оказалась гораздо ниже (в пораженных засухой районах – от 1 до 2,5 ц/га). При этом в соответствии с государственным планом хлебосдачи значительную долю собранного урожая требовалось вывезти на заготовительные пункты. Так, в Новосибирской области для выполнения плана необходимо было сдать государству приблизительно 75 % валового сбора зерна [2, с. 134].

Некоторые принятые Москвой меры несколько облегчали ситуацию. Осенью для обоих регионов был снижен план сбора натуроплаты, списана пеня за просрочку его выполнения, отложено взимание недоимок, а хозяйствам разрешалось сдавать мясо в счет хлебопоставок. К середине декабря 1940 г. Новосибирская область выполнила план на 78 %, Алтайский край – на 67,2 % [2, с. 135]. Несмотря на послабления, многие районы, прежде всего те, которые были охвачены засухой, столкнулись с острой нехваткой продовольствия, кормов и семенного материала. Дефицит вызвал негативные социальные последствия. Той части зерна, которая оставалась в колхозах, не хватало для внутреннего потребления. В результате недоедания распространились болезни, участились случаи голодных смертей, употребления в пищу суррогатов и мяса павших животных. Возросли масштабы бегства крестьян из голодающих колхозов¹.

Экономическое и социальное положение пострадавших от засухи районов Алтайского края и Новосибирской области вызвало беспокойство у центральной власти. В июне 1941 г. в Западную Сибирь был командирован секретарь и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев с целью разобраться в сложившейся ситуации и принять необходимые меры. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют с точностью определить сроки пребывания А.А. Андреева в Западной Сибири. Известно, что в день немецкого вторжения он находился в Новосибирской области, поскольку именно 22 июня 1941 г. датируется его первое донесение И.В. Сталину². Уже 27 июня Андреев выехал в Москву, поработав перед этим три дня в Алтайском крае³. По всей видимости, начавшаяся война вынудила А.А. Андреева сократить командировку и спешно вернуться в Москву. Тем не менее материалы, собранные им во время поездки, представляют для ис-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 254–259.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 1–5.

³ Там же. Д. 37. Л. 1–4.

следователей особую ценность. Они не только позволяют увидеть трудности, которые пришлось пережить сельскому хозяйству Западной Сибири накануне Великой Отечественной войны, но и свидетельствуют о том, каким образом политические верхи реагировали на проблемы регионов.

Сигналы о тяжелом положении в Новосибирской области стали поступать весной 1941 г. по линии НКВД. 8 марта 1941 г. на имя Л.П. Берии была направлена докладная записка начальника управления НКВД по Новосибирской области Ф.М. Медведева. В ней сообщалось о продовольственных затруднениях в 12 районах области, явным показателем чего была чрезвычайно низкая натуральная оплата трудодня в колхозах. Так, в 36 колхозах Черепановского района на трудодень выдавалось 200–300 г зерна, в других 48 колхозах того же района – 400–500 г. Не менее сложное положение было в животноводстве области. Острая нехватка кормов, распространение эпизоотий вызвали массовый падеж скота. Нередко возникала безвыходная ситуация, когда при наличии кормов в районе подвоз их в ту или иную артель был невозможен из-за предельного истощения лошадей и отсутствия иного транспорта⁴.

Другим каналом, по которому информация о неблагоприятном положении в Новосибирской области и Алтайском крае достигала политического руководства страны, являлись так называемые письма во власть. Один из примеров – письмо двадцатилетней комсомолки В.П. Крыловой, проживавшей в Татарском районе Новосибирской области. Она отправила письмо 26 мая 1941 г. на имя И.В. Сталина. По всей видимости, Сталин был знаком с содержанием письма. Об этом свидетельствует отдельное упоминание Крыловой в донесениях А.А. Андреева⁵. В письме В.П. Крылова сообщала о массовом падеже скота в Татарском районе, причиной которого стало, по ее мнению, плохое руководство со стороны районных властей. Несмотря на то, что корм в районе имелся, не был организован его подвоз в колхозы⁶. Крылова с тревогой описывала политические настроения крестьян, намекая на «вредительскую» активность на местах: «Настроение у жителей, которые находятся в колхозах, деревнях, – плохое, мы проводим с ними беседу, они прямо говорят, что в узких пространствах Советского Союза творятся широкие антисоветские дела»⁷.

⁴ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 28–32.

⁵ 22 июня 1941 г. А.А. Андреев писал И.В. Сталину: «По письму Крыловой – все подтвердилось. В районе навели порядок, руководителей поставили новых, прокуратура и НКВД ведут следствие. Видел второй раз Крылову, передал ей благодарность и обещание ее наградить».

⁶ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 22–26 об.

⁷ Там же. Л. 23.

Последнее замечание В.П. Крыловой об «антисоветских делах» совпало с интенцией политических верхов найти причины бедственного положения ряда районов Новосибирской области и Алтайского края во «вредительской» деятельности части работников местных организаций, ответственных за сельское хозяйство. По всей видимости, А.А. Андреев, отправляясь в Западную Сибирь, был сориентирован лично И.В. Сталиным провести работу совместно с местными органами НКВД и НКГБ по линии выявления «антисоветского элемента». Косвенным доказательством тому служит телеграмма А.А. Андреева И.В. Сталину по итогам поездки, в которой он в следующих выражениях описывал положение дел в Алтайском крае и Новосибирской области: «Действительно *подтвердилось Ваше предположение* (выделено нами. – С.Ш.) о наличии ранее рассаженных и еще неразоблаченных вредителей, главным образом в земельных органах»⁸. В целом порядок работы А.А. Андреева с органами НКВД и в Новосибирской области, и в Алтайском крае был одинаков. Ознакомившись по приезду с информацией о «засоренности» местных ответственных организаций «антисоветским элементом», А.А. Андреев фактически направлял деятельность «чекистов» по линии проведения арестов тех лиц, которые и должны были понести основную ответственность за провалы в сельском хозяйстве.

В Новосибирской области А.А. Андрееву пришлось убедиться в том, что положение требовало экстренного вмешательства. Наиболее тревожной была ситуация в животноводстве: только за первые пять месяцев 1941 г. пало 12,4 тыс. лошадей, 39,2 тыс. голов крупного рогатого скота, 64,8 тыс. овец, 12 тыс. свиней. По отдельным районам общественный скот колхозов сократился на одну треть⁹. Весенний сев 1941 г. из-за плохой работы МТС, вовремя не отремонтировавших тракторы, был затянут. На 10 июня план сева был выполнен на 87,9 %, а по ряду районов засеяно только от 1/2 до 2/3 плана. Наблюдалось массовое бегство из Новосибирской области семей переселенцев. Из 15,6 тыс. крестьянских семей, переселившихся в 1940 г. в Новосибирскую область, за зиму 1940/41 г. уехало 6,6 тыс. семей¹⁰. Подтвердились факты продовольственных трудностей в ряде районов области, отдельные случаи голодных смертей и заболеваний по причине недоедания¹¹. В некоторых колхозах доходило до того, что мясо павших животных раздавалось членам артели в счет оплаты трудодней¹².

Значительно хуже складывалось положение дел в животноводстве Алтайского края, где за первые три

⁸ Там же. Д. 37. Л. 13.

⁹ Там же. Д. 35. Л. 1.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 36. Л. 60.

месяца 1941 г. пало 103 тыс. голов крупного рогатого скота, 323 тыс. овец, 72 тыс. свиней и 34 тыс. лошадей. Причины усматривались А.А. Андреевым те же, что и в Новосибирской области: нехватка кормов, распространение болезней, особенно ящура, а также «наличие вредительского уничтожения общественно-го скота враждебными элементами»¹³. Критическая ситуация в животноводстве края подтверждалась свидетельствами специалистов. Главный ветеринарный врач «Главзаготскот Востока» Кутуков, побывавший в марте 1941 г. в командировке в Алтайском крае, в докладной записке писал: «Можно смело и без преувеличения сказать, что животноводство Алтайского края переживает трагедию»¹⁴.

Продовольственное положение в крае было не менее тяжелым, чем в Новосибирской области. Уже в донесении председателя крайисполкома Н.А. Смердова, направленном председателю СНК СССР В.М. Молотову 31 марта 1941 г., сообщалось о критической ситуации с продовольствием в ряде районов. К весне внутренние ресурсы колхозов иссякли, а выделенных для продажи фондов муки не хватало даже для удовлетворения минимальных потребностей. Массовый забой личного скота несколько ослабил, но не ликвидировал продовольственные затруднения. Из-за отсутствия не только хлеба, но и других продуктов в пищу использовался жмых и различного рода суррогаты. Имелись случаи употребления в пищу падали, собак и кошек. Недоедание вызвало распространение заболеваний желудочно-кишечного тракта, цинги, сыпного тифа. Были зарегистрированы отдельные случаи опухания людей и смертей от голода¹⁵.

О сложном продовольственном положении в Алтайском крае сообщали не только донесения региональных руководителей, но и письма во власть, в том числе отправленные на имя А.А. Андреева. Так, житель Баевского района Алтайского края Г.А. Чернышев в 1941 г. писал: «Еще с весны прошлого года мы начали продавать свои манатки за хлеб. Урожай нам ничего не дал и уже можно сказать – больше продавать нечего, люди голодные. Если пал теленок, корова, овечка или лошадь, то от этого ничего не остается – все нарасхват в пищу, большая она была или здоровая. Часть людей (я говорю о колхозниках) пухнет с голоду, бросили работать на фермах, часть освобождается врачами как неспособные работать»¹⁶.

В телеграмме И.В. Сталину А.А. Андреев возлагал ответственность за провал не только в животноводстве, но и в других делах на краевое и районное руководство, которое, по его мнению, проявило недо-

пустимую беспечность. Последняя, помимо неспособности наладить контроль над текущими делами, выражалась еще в том, что руководители забыли «об особых условиях края, где еще много в деревнях и селах бывших кулаков, колчаковцев, всякого рода высланных из центральных районов, которые часто разлагают работу в колхозах, пролезают на руководящие посты председателей колхозов, бригадиров»¹⁷. Характерно, что А.А. Андреев искал причины провалов в сельском хозяйстве не в экономической политике государства, а в социально-политической обстановке, сложившейся в регионах.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Следует отметить, что А.А. Андреев по приезду в Западную Сибирь чрезвычайно внимательно отнесся к информации Алтайского и Новосибирского управлений НКВД и НКГБ о засоренности сельской местности «антисоветским элементом». В документах управления НКГБ содержалась информация о количестве жителей сельских районов Новосибирской области, которые состояли на оперативном учете. В справке, подготовленной для А.А. Андреева, было указано на наличие в области 200 тыс. чел., относившихся к контингенту ссыльных кулаков, и 28 тыс. чел., подпадавших под другие категории «политически неблагонадежных» (в том числе: 340 троцкистов и правых, 314 бывших эсеров и членов других «контрреволюционных» партий, 1828 церковников и сектантов, 1706 бывших белогвардейцев, 928 исключенных из ВКП(б))¹⁸.

Чтобы оценить названные цифры, мы можем приблизительно рассчитать долю поставленных на учет среди жителей сельских районов Новосибирской области. Если взять за основу данные Всесоюзной переписи 1939 г., согласно которым в сельской местности проживали 2385 тыс. чел., то на их долю приходилось 9,5 %. Уже на момент составления справки следственная работа велась по 108 «антисоветским группам» (из них: 44 церковно-сектантских, 36 вредительских, 31 повстанческая, 19 националистических, 3 эсеровских, 19 белогвардейских и 19 прочих). Всего по этим делам проходило 1237 чел. Как указано в документе, «антисоветские формирования» искусственно создавали тяжелое экономическое положение в ряде колхозов, дезорганизовывали трудовую дисциплину, вызывали бескормицу, провоцировали падеж скота, а также распространяли «антигосударственные» слухи, «что, якобы, только благодаря колхозам и советской власти крестьяне голодают, ничего не имеют и т.д.»¹⁹.

¹³ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 25.

¹⁴ Там же. Д. 37. Л. 53.

¹⁵ Там же. Л. 72–73.

¹⁶ Там же. Л. 33–34.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Там же. Д. 36. Л. 35.

¹⁹ Там же. Л. 35–36.

Под пристальным надзором управлений НКВД и НКГБ находились областные органы управления, ответственные за сельское хозяйство (земельные, заготовительные и др.). Как следует из вышеуказанной справки (составленной УНКГБ), наиболее засоренным «социально чуждым и антисоветским элементом» был аппарат областного земельного управления (облЗУ), а среди его подразделений – управление землеустройства, где на учете состояло 18 чел.²⁰ Используя информацию спецслужб, А.А. Андреев не только критиковал региональное руководство за отсутствие бдительности, но и санкционировал аресты якобы «виновных» в провалах сельского хозяйства ответственных работников.

Если в Алтайском крае в силу кратковременности своей поездки А.А. Андреев лишь наметил направление дальнейшей работы краевых управлений НКВД и НКГБ, то в Новосибирской области он лично обеспечил проведение необходимых арестов. В результате активной работы А.А. Андреева совместно с УНКВД и УНКГБ по Новосибирской области было выявлено три направления «вредительства»: умышленное уничтожение общественного скота, создание невыносимых условий для переселенцев, запутывание землепользования и учета земельных фондов. Последнее считалось одной из основных причин продовольственных затруднений в области. Так, якобы в результате «вредительской» деятельности работников облЗУ в фонд колхозов были незаконно включены 518 тыс. га целинных и залежных земель, которые в 1940 г. были обложены обязательными зернопоставками²¹. Хлебозаготовительный план оказался завышенным, что и привело к нехватке продовольствия у колхозников.

В июне 1941 г. был арестован начальник управления животноводством Новосибирского облЗУ Ю.Н. Голошапов. Во время допроса 25 июня 1941 г. он не признал за собой «подрывной антисоветской работы», однако не снимал с себя ответственности за «катастрофическое состояние» животноводства области²². При этом допрашиваемый полагал, что вместе с ним ответственность должны разделить областные руководители (первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Г.Н. Пуговкин, третий секретарь обкома Ф.Д. Кузнецов, заведующий сельхозотделом обкома Ф.В. Елисеев, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын, заведующий облЗУ Г.Ф. Сизов). Показания Ю.Н. Голошапова интересны и потому, что содержат информацию о проблемах управления данной отраслью сельского хозяйства области, в том числе структурного характера. По его словам, Ново-

сибирский обком ВКП(б), облисполком и облЗУ руководили животноводством «недостаточно и неконкретно, отделяясь принятием формальных декларативных решений»²³. Несколько раз Ю.Н. Голошапов сигнализировал о проблемах животноводства, о необходимости принятия экстренных мер, направленных на обеспечение колхозов кормовой базой и борьбу с распространением эпизоотических заболеваний. Однако все докладные записки были положены «под сукно».

В условиях начавшейся летом 1940 г. напряженной хлебозаготовительной кампании проблемы животноводства отходили на второй план. Как утверждал Ю.Н. Голошапов, на одно из обращений, сделанных в августе 1940 г. в связи с угрожающей нехваткой кормовой базы, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын ответил: «Сейчас нужно заниматься хлебом, по вопросам заготовки кормов указания даны и больше никаких указаний давать не требуется»²⁴. Когда Ю.Н. Голошапов обратился к секретарю обкома ВКП(б) Ф.Д. Кузнецову, то получил схожую реакцию: «У нас не закончено с хлебопоставками, а поэтому возбуждать этот вопрос не можем и нецелесообразно»²⁵.

Показания Ю.Н. Голошапова указывают на чрезмерную централизацию системы управления сельским хозяйством на региональном уровне, что лишило ее гибкости. В условиях многомерности задач обком и облисполком занимались лишь теми направлениями работы, которые считались приоритетными (в сельском хозяйстве – это хлебозаготовки, которые начинались во второй половине года), оставляя другие важнейшие вопросы без должного внимания.

В связи с проблемой бегства переселенцев, ранее прибывших в Новосибирскую область, был арестован заместитель начальника областного переселенческого отдела С.П. Пулькин. Он признал себя виновным в «антисоветской деятельности», цель которой – «сорвать и дискредитировать работу по переселению»²⁶. Даже если усомниться во «вредительских» помыслах С.П. Пулькина, его показания вскрывают ряд проблем в работе переселенческого отдела. Во-первых, планы переселения не соответствовали располагаемому фонду жилья, которого оказалось недостаточно. Так, из числа прибывших в 1940 г. не было вселено в заранее подготовленные дома 3573 семьи, и они ютились во временно отведенных квартирах, зачастую не приспособленных для жилья. Во-вторых, задерживалась выдача продовольственных и денежных ссуд, зачастую колхозники-переселенцы остава-

²⁰ РГАСТИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 17–20.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 129–149.

²³ Там же. Л. 130.

²⁴ Там же. Л. 136.

²⁵ Там же. Л. 137.

²⁶ Там же. Л. 76–84.

лись без хлеба или не получали средств на обустройство хозяйства. Переселенцы оказывались в таких условиях, которые вынуждали их возвращаться к прежним местам жительства. Вместе с С.П. Пулькиным были арестованы и другие служащие отдела: бывший ответственный исполнитель по снабжению П.И. Васехо и начальник планово-финансового сектора П.Н. Ребров [4, с. 284].

За «вредительства» в сфере землепользования арестовали работников управления землеустройства облЗО: начальника управления К.Н. Вьюкова, главного инженера Б.И. Агроскина, старшего инженера-землеустроителя Н.И. Лукьянова. Если К.Н. Вьюков на допросе 25 июня 1941 г. отказался признать себя виновным во вредительстве²⁷, то Б.И. Агроскин и Н.И. Лукьянов дали признательные показания²⁸. Их вредительство, как следует из показаний, заключалось в умышленном саботаже работ по введению севооборота, в составлении фиктивной отчетности, а также запутывании учета земель и неправильном определении площадей облагаемых земельных фондов в колхозах. Последнее привело к тому, что колхозам Новосибирской области в 1940 г. были спущены завышенные планы обязательных зернопоставок.

Столь завышенное обложение Новосибирской области, как уже отмечалось, стало главной причиной продовольственных трудностей в колхозах. Об их масштабах косвенно свидетельствуют материалы перлюстрации писем, осуществлявшейся органами НКВД, которые подвергали контролю 5–6 % всей корреспонденции, проходящей через Новосибирский почтамт. Как следует из докладной записки, поступившей А.А. Андрееву, органами НКВД с 1 января по 10 июня 1941 г. было установлено 621 письмо, в котором отправители сообщали родственникам и знакомым о голоде в ряде колхозов Новосибирской области, а также о тяжелом продовольственном положении в самом Новосибирске²⁹.

Письма жителей гораздо более выразительно повествовали о тяготах голодного времени, нежели лапидарные докладные записки представителей местной власти или телеграммы А.А. Андреева. Например, отправитель из с. Нижняя Каменка следующим образом описывал постигшее его бедствие: «Добрый день, дорогая дочка Нюра! <...> Питаюсь одной требушиной и кишками, и то, заколол корову у Лобанова и он мне отдал за работу. <...> И проклятый колхоз не дает справку, и нет хлеба. В колхозе дают по 800 гр. на день и то, раз дадут, а неделю голодом морят»³⁰. В письмах часто встречались свидетельства

о вынужденном употреблении в пищу падали ради спасения от голодной смерти: «Привет от вашей матери А.С. Теперь вы мне не можете помочь, я уже всю пропастину по скотине собрала. Костя у нас сейчас весь опух от голода и холода»³¹. Судя по корреспонденции, бедствовали целые селения: «В некоторых деревнях, в Камбаре, поели всю пропастину и стали опухать с голоду. Скот падает, лошади плохие, колхозники голодные. В Кузнецовой половина деревни разбежались кто куда. Ни хлеба, ни сена. К весеннему севу не готовимся. По 30–50 голов гибнет в день»³².

Имеющиеся в распоряжении архивные документы не позволяют даже приблизительно оценить масштабы смертности от голода в 1940–1941 гг. Письма рисуют весьма мрачную картину в охваченной бедствием местности: «Первым долгом сообщаю, что пришла в Каменку, кое-как доплелась. Витя помер на месте, в Утянке, а Галина умерла дорогой – оба с голода, осталась одна. Нина, я чуть живая. Прошу, pošлите посылку скорее, помираем с голоду»³³; «У нас уже с голоду умирают и пухнут, ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»³⁴; «Условия очень плохие, все голодные. Молодежь ходит печальная от голода. В столовой едят баланду без хлеба. Доходит дело до того, что человек человека ненавидит»³⁵.

Все вышеперечисленное заставляет усомниться в оценках масштабов голода, которые дал А.А. Андреев в донесениях И.В. Сталину. Подтверждая факты гибели людей и распространения болезней, Андреев писал, что таковые имели место всего в двух–трех районах области, в которых голодающими оказались по два–три колхоза³⁶. Скорее всего, такая оценка не соответствовала реальному положению дел, причем продовольственные трудности охватывали не только сельскую местность области, но и города. Об этом также свидетельствует содержание перлюстрированных писем, отправленных из Новосибирска: «Вообще печально в природе, еще хуже в брюхе. По-прежнему ничего нет ни на рынке, ни в магазинах. В окрестностях города положение катастрофическое, как у людей, так и у скота, те и другие ждут подножного корма, а пока ложатся, так как ходить не могут»³⁷; «Как у нас плохо стало с хлебом, встаешь с 6 часов, бежишь в очередь, очереди громадные и стоишь часа три, получишь 1 кг, а что на семью 1 кг? Мама заболела, простыла в очередях и переуто-

²⁷ РГАСТИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 160–163.

²⁸ Там же. Л. 85–103, 151–159.

²⁹ Там же. Л. 67.

³⁰ Там же. Л. 68.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 70.

³³ Там же. Л. 68.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 70.

³⁶ Там же. Д. 37. Л. 13.

³⁷ Там же. Д. 36. Л. 71.

милась»³⁸; «Большие магазины, жизнь кипит. Заходишь в «Гастроном»: чего только нет, как в 31 году. Хлеба нет, масла нет, мяса нет и т.д. А так все, что хочешь – пиво, водка и закуска: перец, соя, горчица, кабуль³⁹. Это еще ничего, раньше, говорят, еще хуже было»⁴⁰; «Если бы ты знала, какая у нас тяжелая жизнь – кошмар. В магазинах съестного почти ничего нет. Живем, только бы не сдохнуть. Народ стонет, только слышишь: ой, да ах!»⁴¹.

Не удивительно, что на фоне продовольственного кризиса в сельской местности распространялись критические по отношению к советской власти настроения. В немалой степени тому способствовало ухудшавшееся из года в год материальное положение колхозного крестьянства. В справке об итогах хлебоуборочной кампании 1940 г. в колхозах Новосибирской области, составленной работниками управления НКГБ, приводятся данные за несколько лет о количестве выдаваемого на трудодни зерна. Так, в 1937 г. на оплату трудодней в области было израсходовано 29,1 % от валовых сборов зерна. В среднем колхознику выдавалось 4,2 кг зерна на трудодень. В 1938 г. эта доля уменьшилась до 23,8 %, а средняя оплата трудодня составляла 3,3 кг зерна. В 1939 г. оба показателя вновь снизились: 16,7 % и 2 кг на трудодень соответственно. Наконец, в 1940 г. доля от валовых сборов на оплату трудодня упала до 13,3 %, а средняя выдача – до 1,1 кг зерна⁴². Таким образом, в течение четырех лет количество выдаваемого на трудодни зерна снижалось не только в абсолютном выражении, но и в относительной доле валовых сборов.

Разумеется, столь продолжительная тенденция ухудшения уровня жизни, а затем продовольственный кризис 1940/41 г. не могли не вызвать недовольство на селе. В докладной записке исполняющего обязанности заместителя областного прокурора Назарюка от 22 марта 1941 г. отмечалось, что на указанную дату по области находилось в производстве около 80 дел, заведенных по ст. 58, п. 10 УК РСФСР («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений»)⁴³. Характерно, что критика государства и колхозного строя в «антисоветских» высказываниях, приведенных в записке, сопрягалась с острым предчувствием близкой войны с Германией и неизбежного поражения в ней СССР. Более того, в некоторых случаях военное поражение воспринималось как событие, которое принесло бы конец невы-

носимой эксплуатации со стороны советского государства: «Вот что делается, Советский Союз продает Германии хлеб, все зерно идет за границу, а у нас рабочий голодает. Германия сильная и хитрая страна, заберет весь хлеб в Советском Союзе, после пойдет войной и может разбить его, а нам намнет бока <...> Советская власть давно мучает рабочих, но нас надо еще больше проучить, чтобы мы поняли и проснулись, а каждый взял в руки у кого что есть и перебил бы все начальство, я первым пошел бы»⁴⁴. Или другой пример: «Вот Молотов поехал в Германию к Гитлеру, там его наверно хорошо встретят, но дружба-то дружбой, а Гитлер хитрый человек, он здорово подлаживается к Советскому Союзу и забрал у нас весь хлеб <...> Конец этим планам будет тогда, когда Гитлер наложит на советские планы свою руку <...> хотя бы скорее был бы конец, а то работаешь как проклятый и не хозяин своему труду»⁴⁵.

На основании приведенных высказываний вряд ли можно судить о масштабах распространения крестьянского недовольства. А.А. Андреев, посетивший ряд районов Новосибирской области, 22 июня 1941 г. писал И.В. Сталину, что «настроение в колхозах очень хорошее, колхозники замечательно работают <...>, а сами посеы пока в хорошем состоянии»⁴⁶. Позже Андреев еще раз в телеграмме Сталину сообщил о настроениях в области: «Вся обстановка преобразилась на глазах: в колхозах, плохо работающих, теперь выходят на работу, <...> рабочие, никогда не выполнявшие нормы, теперь их перевыполняют, жалобы на недостаток товаров прекратились, очередей нет. Много заявлений добровольцев на фронт, замечательное зрелище представляют проводы мобилизованных, сразу как-то все подтянулись»⁴⁷.

Основным результатом поездки А.А. Андреева стали кадровые перестановки в руководстве как Новосибирской области, так и Алтайского края. Вывод, который сделал А.А. Андреев из анализа обстановки, сложившейся к лету 1941 г. в Новосибирской области, заключался в том, что местное руководство не справилось с задачами управления. В телеграмме И.В. Сталину А.А. Андреев дал следующую оценку местным властям: «Очень плохо выглядело руководство Новосибирского обкома и облисполкома. Распушенность и отсутствие власти, многочисленные жалобы работников: толку и окончательного решения вопроса от обкома и Пуговкина нельзя добиться»⁴⁸. С подачи А.А. Андреева в июне 1941 г. был заменен весь высший управленческий кадровый состав Новосибирской области: сняты с должностей первый се-

³⁸ РГАСИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 72.

³⁹ Кабуль – пикантный соус.

⁴⁰ Там же. Л. 72.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Д. 35. Л. 49.

⁴³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 258.

⁴⁴ Там же. Л. 257.

⁴⁵ Там же. Л. 258.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 3.

⁴⁷ Там же. Д. 37. Л. 15.

⁴⁸ Там же. Л. 14.

кретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Г.Н. Пуговкин⁴⁹, заведующий облЗО Г.Ф. Сизов⁵⁰, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын⁵¹, заместитель председателя облисполкома Ф.Д. Кузнецов⁵², который, будучи ранее третьим секретарем обкома ВКП(б), непосредственно отвечал за руководство сельским хозяйством. Смена кадров затронула не только областную верхушку, но и районных руководителей. Так, А.А. Андреев предложил освободить от должности нескольких секретарей райкомов, председателей райисполкомов и заведующих райЗО как людей «сомнительных» и «проваливающих дело»⁵³.

Оценка А.А. Андреевым алтайских краевых властей была сдержаннее: «На Алтае положение с руководством оказалось несколько лучше, но тоже много благодушия. За несколько дней разобрались там, вместе с крайкомом и НКВД – поправили дело. Наметили снять председателя крайисполкома Смердова – гнилого человека, обновить аппарат крайЗО, укрепить руководство в отсталых районах»⁵⁴. Несмотря на все проблемы в регионе, А.А. Андреев охарактеризовал первого секретаря Алтайского крайкома ВКП(б) В.Н. Лобкова как работника опытного и умного⁵⁵.

Помимо кадровых перестановок и выявления «вредителей» А.А. Андреев озаботился проведением ряда мер с целью облегчить хозяйственное и продовольственное положение регионов. Так, в Новосибирской области при его участии были составлены новые порайонные нормы обязательных поставок по зерну на 1941 г. Они оказались значительно ниже норм предыдущего года, что существенно ослабило податной пресс на сельское хозяйство области в 1941 г. Кроме того, была организована продовольственная помощь для тех районов и колхозов, которые оказались в затруднительном положении⁵⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поездка А.А. Андреева в Западную Сибирь показательна как пример взаимодействия центральной власти и регионов, переживавших острые хозяйственные трудности. Последние, в случае Новосибирской области и Алтайского края, были вызваны главным образом усилением заготовительного «пресса» со стороны государства. Однако власть предпочла списать вызванные такой политикой проблемы на результат «вредительской» деятельности «антисовет-

ских сил» и частично возложить ответственность на региональное руководство, которое проявило слабость и не справилось с возложенными на него обязанностями. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края к началу Великой Отечественной войны оказалось в критическом состоянии, причем некоторые проблемы невозможно было решить даже за счет экстренных мер. Если нехватку продовольствия и семенного материала удалось нивелировать, направляя государственные ссуды, то кризис животноводства имел долгосрочный характер. Так, несмотря на аресты «вредителей», падеж общественного скота продолжался. Управление НКВД по Новосибирской области в докладной записке о состоянии животноводства на 25 октября 1941 г., составленной для нового первого секретаря обкома ВКП(б) М.В. Кулагина, сообщало, что положение в колхозах продолжало оставаться «крайне напряженным», а область превратилась в настоящий очаг распространения сибирской язвы⁵⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рынков В.М. Методы и результаты проведения хлебозаготовительной кампании 1940–1941 годов в Новосибирской области // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина; Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 157–176.
2. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. 253 с.
3. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.
4. Тепляков А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск: Наука-Центр, 2004. С. 260–290.

REFERENCES

1. Rynkov V.M. Methods and results of the grain collection campaign of 1940–1941 in Novosibirsk Region. *Sibir' v XVII–XX vekakh: problemy politicheskoy i sotsialnoy istorii: Bakhrushinskiye chteniya 1999–2000 gg.* Novosibirsk, 2002, pp. 157–176. (In Russ.)
2. Il'inykh V.A., Kabtsevich O.K. (eds.) Policy of de-peasantization in Siberia: a chronicle-documentary digest. Iss. 2: Forms and methods of centralized grain procurements. 1930–1941. Novosibirsk, RITS NGU, 2002, 253 p. (In Russ.)
3. Ilinykh V.A. Taxation of the Siberian rural regions. Late 1920s – early 1950s. Novosibirsk, GUP PRO SO RASKhN, 2004, 167 p. (In Russ.)
4. Teplyakov A.G. NKVD department in the Novosibirsk Region on the eve of the Great Patriotic War and during its initial period. *Zapadnaya Sibi'r v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.)*. Novosibirsk, Nauka-Tsentr, 2004, pp. 260–290. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.06.2020

Дата рецензирования 05.09.2020

Статья принята к публикации 14.01.2021

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 11.

⁵⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 373. Л. 6–11.

⁵¹ Там же. Л. 19.

⁵² Там же. Л. 18.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Д. 37. Л. 14.

⁵⁵ Там же. Л. 15.

⁵⁶ Там же. Д. 35. Л. 4.

⁵⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 151. Л. 47–70.

DOI: 10.15372/HSS20210112
УДК 94(47+571).084.8

Р.Е. РОМАНОВ

**КАМПАНИЯ ПО ГЕРОИЗАЦИИ ТЫСЯЧНИКОВ
В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ (МАРТ – ИЮНЬ 1942 г.):
МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируется кампания по развертыванию движения тысячников в оборонной промышленности Новосибирска в период с 16 марта по 10 июня 1942 г. Показана динамика агитационной поддержки этого движения со стороны печатного органа Новосибирского обкома ВКП(б). Выявлены дискурсивные практики газетного агитпропа, связывавшие высокопроизводительный труд с идеей скорейшего разгрома нацистской Германии. Сделан вывод о том, что волнообразная трансляция нового героического культа привела к подъему движения новаторов, боровшихся за повышение выработки. Однако тысячники не могли полностью решить задачу повышения производительности труда, что требовало комплексного подхода к проблемам интенсификации оборонного производства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Новосибирск, оборонная промышленность, социально-трудовая коммуникация, героизация тысячников, газета «Советская Сибирь».

R.E. ROMANOV

**CAMPAIGN TO GLORIFY TYSYACHNIKS
IN THE NOVOSIBIRSK REGION (MARCH–JUNE, 1942):
THE MECHANISM OF SOCIAL AND LABOR COMMUNICATION**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article explores the campaign to develop the movement of the tsysachniks (record-breaking workers) in the defense industry of Novosibirsk in March, 16 – June, 10, 1942. This event is studied based on the original author's concept of social and labor communication. According to it, the information exchange between the communicator (power) and the recipient (working class) was carried out on the basis of incentive-type communication strategies in this case. Within the framework of the stated methodology the author considers the process of glorification of the production records' initiators in the press as the main mechanism of social and labor communication between the Soviet state and the working class in the context of an unsuccessful attempt by the USSR top leadership to switch from a defensive to an offensive war. The article analyzes three stages of propaganda support of the new Stakhanov initiative in the leading military-industrial megalopolis of Siberia; shows the dynamics of its agitation support by the press organ of Novosibirsk Regional Committee of All-Union Communist Party (Bolsheviks) included five cycles of information activity. The paper reveals discursive practices of newspaper agitprop that linked efficient labor with the idea of the most rapid defeat of Nazi Germany. The author concludes that the wave-like repeating of the new heroic cult led to the rapid rise of the innovators' movement who fought for higher output. However, tsysachniks could not completely solve the issue to increase labor productivity, which required an integrated approach to problems of the defense production intensification. A fundamental turning point in its formation came in autumn of 1942, when the labor heroism of the workers was again identified with strategic defense.

Key words: Great Patriotic War, Novosibirsk, defense industry, social and labor communication, tsysachniks' glorification, newspaper "Soviet Siberia".

ВВЕДЕНИЕ

В первый год Великой Отечественной войны одним из факторов создания оборонного тыла являлась побудительная социально-трудовая коммуника-

ция (СТК) между советским государством и рабочим классом. Она осуществлялась за счет стахановского движения под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». На первом этапе его становления (июль

Роман Евгений Романов – канд. ист. наук, Институт истории СО РАН, e-mail: rromanov1981@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9527-8037>

Roman E. Romanov – Candidate of Historical Science, Institute of History SB RAS.

1941 – февраль 1942 г.) взаимодействию власти и рабочих способствовала популяризация починов двухсотников и многосотников, на втором этапе (февраль – июнь 1942 г.) – тысячников и двадцатников. В этих движениях сочетались индустриальный модерн и архетип героя, перенесенный большевиками в сферу производства в конце 1920-х гг. В условиях борьбы с нацистской агрессией официальная пропаганда стремилась донести ценности трудового героизма, прежде всего, до работников военпрома. Большая часть его персонала положительно реагировала на идейные установки советского патриотизма. В Сибирском регионе эти процессы происходили в военно-промышленных центрах, сформировавшихся в ходе эвакуации предприятий на восток СССР. В фокусе исследования находится кампания по героизации тысячников новосибирской «оборонки», проводившаяся на фоне попытки высшего руководства страны перейти от оборонительной к наступательной войне. В связи с этим возникает вопрос о зарождении и развитии нового механизма СТК, связавшего высокопроизводительный труд с идеей разгрома врага в 1942 г.

Процесс социально-трудовой коммуникации военного времени является предметом исторических исследований уже более семидесяти лет. Советские историки отмечали исключительно конструктивное взаимодействие коммунистической партии и трудящихся. Например, А.В. Митрофанова рассматривала в качестве этого процесса соцсоревнование на основе движения стахановцев-патриотов [1]. В современной историографии параллельно существуют представления о преобладании негативных или позитивных отношений государства и тружеников тыла. По мнению А.К. Соколова, накануне войны сталинский режим осуществил поворот к принуждению в русле мер по ужесточению трудовой дисциплины [2]. С точки зрения В.А. Сомова, власть использовала моральное побуждение для активизации ментальной установки советского человека на защиту Отечества [3]. В то же время движение тысячников Сибирского региона по-прежнему рассматривалось исследователями (И.М. Савицкий) в контексте патриотического соревнования производственников-новаторов [4]. В настоящее время назрела необходимость изучения данного феномена с позиций новой методологии.

Авторская методология исследования включает понятие и типологию социально-трудовой коммуникации, метод контент-анализа. Причем СТК характеризуется как процесс передачи информации от одних участников производственных отношений к другим. Для его обеспечения отправители и получатели сообщений используют коммуникативные стратегии (КС), под которыми понимается совокупность целей, механизмов и ожидаемых результатов информационного обмена между коммуникаторами и реципиентами.

Стратегии осуществляются за счет каналов и способов такого рода обмена, являющихся механизмами социального взаимодействия. В рамках СТК выделяются коммуникативные стратегии побудительного и принудительного типов. Институциональной формой побуждения выступал нормативный образ героической эпохи Великой Отечественной войны. Его неотъемлемой частью являлась идея патриотического соревнования, функционировавшего как побудительная коммуникативная стратегия. В ее русле властные институты пытались внедрить в сознание персонала военных заводов представление о труде как подвиге, а работники – заявить о своей гражданской позиции. В феврале – июне 1942 г. одним из механизмов СТК стала героизация тысячников в средствах массовой информации, прежде всего в газетах.

В крупных городах СССР роль ключевого канала коммуникации играли периодические издания региональных партийных организаций. В Новосибирской области основным инструментом пропаганды выступал печатный орган обкома ВКП(б) – газета «Советская Сибирь». Цель исследования состоит в выявлении динамики ее пропагандистского влияния на становление движения рабочих-рекордсменов в период с 16 марта по 10 июня 1942 г. Выбранные хронологические рамки связаны со временем проведения в печати кампании по распространению инициативы первых тысячников в промышленности одного из крупнейших регионов Западной Сибири. В рассматриваемый период пресса транслировала героический образ новаторов, выполнявших не менее десяти норм выработки ради победного завершения войны в 1942 г. Этот процесс изучается посредством контент-анализа аналитических и информационных публикаций о тысячниках оборонных предприятий Новосибирска. Аналитика включала статьи о причинах и сущности данного явления, его значении для укрепления обороноспособности страны. К информационным сообщениям относятся заметки о конкретных фактах героического труда.

К началу 1942 г. Новосибирск принял оборудование 31 эвакуированного предприятия¹. В первой половине года за счет него были расширены мощности завода им. В.П. Чкалова и комбината «Сибметаллстрой», введен в строй ряд новых оборонно-промышленных объектов. Новосибирск превратился в ведущий военно-индустриальный «мегаполис» Сибири, в котором налаживалось массовое производство вооружения и боеприпасов. Эти факторы способствовали появлению среди новосибирских рабочих новаторов военного времени.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 147. Л. 1–10.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

В первый год войны героизация передовиков советской «оборонки» была связана с формированием патриотического подвижничества на производстве – с двумя его этапами. Отправной точкой социально-трудовой коммуникации в его первой фазе стало радиовыступление председателя Государственного Комитета Оборона И.В. Сталина от 3 июля 1941 г.², а во второй – приказ уаркома обороны № 55 от 23 февраля 1942 г.³. В обоих посылах вождя присутствовал целевой ориентир на максимальный выпуск оборонной продукции. Однако призывы к самоотверженному труду подавались в разных контекстах. Летом 1941 г. они мотивировались необходимостью оборонительной борьбы с нацистским вторжением, зимой 1942 г. – переоценкой значения победы в битве за Москву, воспринятой в качестве коренного перелома в войне. Первоначально одним из механизмов СТК выступала героизация в прессе двухсотников и многосотников, затем – тысячников и двадцатников. В качестве ожидаемого результата предполагалось создание слаженной военной экономики в тыловых районах страны.

Кампания по развертыванию движения тысячников в СССР включала четыре этапа:

24 февраля – 24 марта 1942 г. – от публикации постановления Нижне-Тагильского горкома ВКП(б)

«О рекорде фрезеровщика тов. Босого Д.Ф.» до выхода передовицы газеты «Правда» о тысячниках;

25 марта – 30 апреля 1942 г. – от выхода передовицы газеты «Правда» до обнародования первомайского приказа Наркома обороны СССР № 130 о разгрома немецких оккупантов в 1942 г.;

1 мая – 10 июня 1942 г. – от публикации первомайского приказа до завершения агитационной кампании.

В рамках деятельности печатных СМИ каждый этап состоял из циклических «волн», обусловленных нарастанием и спадом пропаганды героического труда. В Сибирском регионе ее возникновение практически совпало со стартом полномасштабного «пиара» новой стахановской инициативы.

ДИНАМИКА КАМПАНИИ ПО ПРОПАГАНДЕ ДВИЖЕНИЯ ТЫСЯЧНИКОВ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

На региональном уровне выявленная информационная ситуация отличалась волнообразной динамикой. На рис. 1 отражен «зигзагообразный» ход агиткампании, свидетельствующий о различной интенсивности пропаганды движения тысячников со стороны газетного рупора Новосибирского обкома ВКП(б). На ее начальном этапе (с 16 по 26 марта⁴) в «Советской Сибири» вышло минимальное количество материалов о передовых стахановцах. Дальнейшая кампания (с 27 марта по 10 июня) включала два периода⁵ и

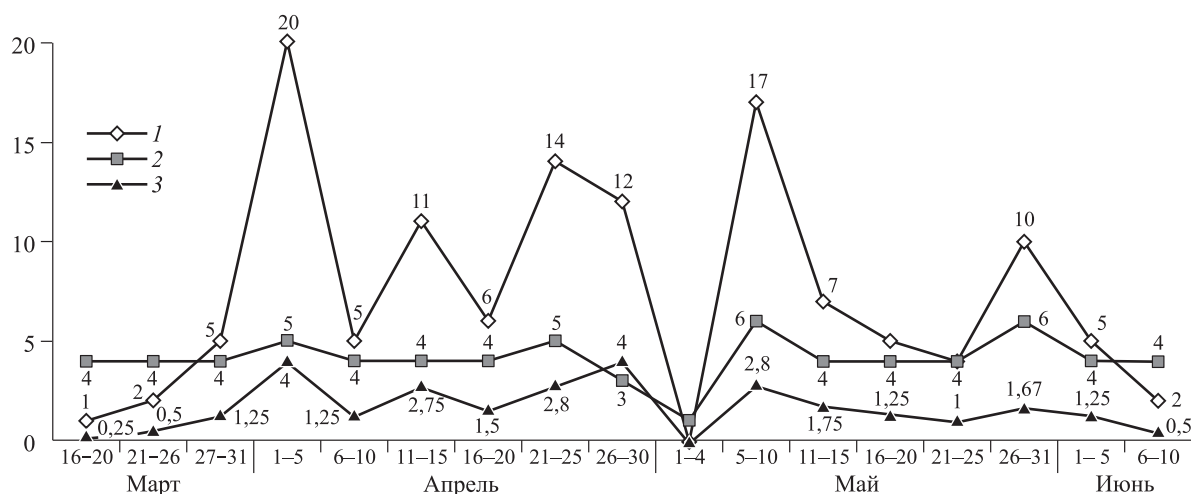

Рис. 1. Динамика кампании по пропаганде движения тысячников в Новосибирской области

1 – количество публикаций о тысячниках; 2 – количество газетных номеров; 3 – среднее число публикаций в одном номере за пятидневку.

Fig. 1. Dynamics of the campaign to promote the movement of tysyachniks in the Novosibirsk region

1 – number of publications about tysyachniks; 2 – number of newspaper issues; 3 – average number of publications per issue per five-day period.

² Выступление И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 29.01.2019).

³ Приказ Народного комиссара обороны № 55 от 23 февраля 1942 г. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t15/t15_19.htm (дата обращения: 01.03.2019).

⁴ В «Советской Сибири» передовица газеты «Правда» о Д.Ф. Босом была опубликована 27 марта 1942 г.

⁵ Первый период – с 27 марта по 30 апреля, второй период – с 1 мая по 10 июня (рис. 1).

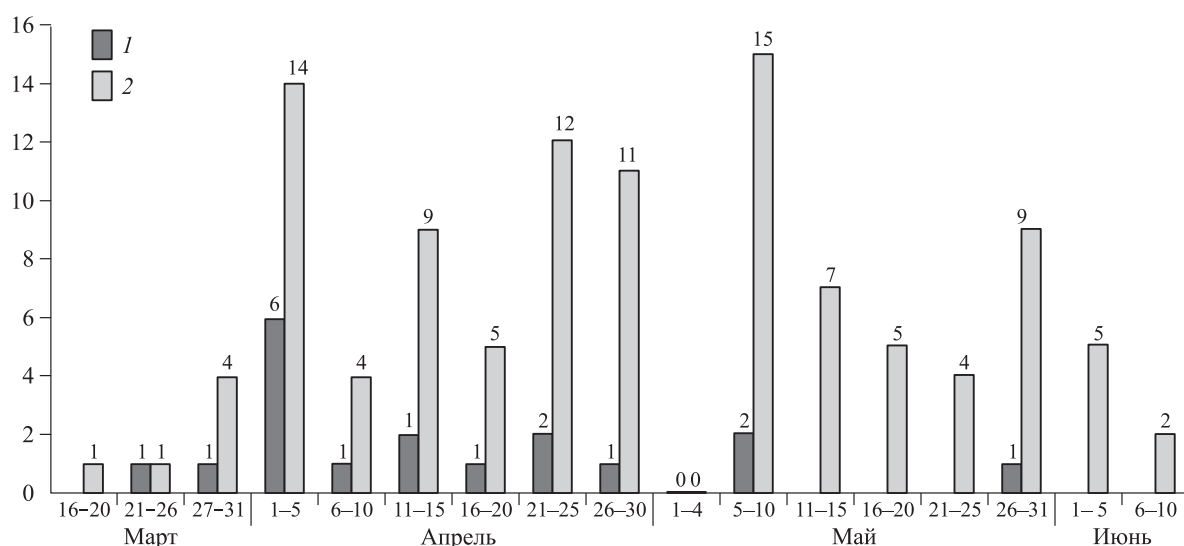

Рис. 2. Динамика соотношения аналитических и информационных материалов, упоминавших о тысячниках, 16 марта – 10 июня 1942 г.

1 – количество аналитических публикаций; 2 – количество информационных публикаций.

Fig. 2. Dynamics of the ratio of analytical and informational materials that mentioned the tsysyachniks, March 16 – June 10, 1942

1 – number of analytical publications; 2 – number of informational publications.

пять циклов⁶ с восходящими и нисходящими фазами. В восходящих фазах численность заметок и статей о лучших передовиках возрастала, а в нисходящих – убывала. Массовость пропаганды зависела от периодичности выхода газеты и коэффициента референтных публикаций (КРП)⁷.

Всего за более чем два с половиной месяца в 71 номере было опубликовано 126 статей и заметок, упоминавших о тысячниках. Тема производственных рекордов рабочих оборонных предприятий Новосибирска затронута в 72 сообщениях (57,14 %). Среднее количество материалов в одном номере составляло 1,77, в частности, по военному – 1,01. Более половины их массива представлено публикациями о передовиках «оборонки».

Масштабы агитнатиска обуславливались также качеством газетных публикаций. На рис. 2 показано, что качественный уровень агитации варьировался от численного соотношения аналитических и информационных сообщений. Основная масса материалов состояла из заметок о трудовых рекордах и общественных мероприятиях. Количество статей об истоках и природе движения тысячников, инициативах по развитию соревнования и других аналогичных событиях было незначительным. С 16 марта по 10 июня 1942 г. вышло 18 «фундаментальных» публикаций по иско-

мой проблематике (14,29 %), в том числе о военных заводах – 16 (12,7 %). В начале кампании развернутые статьи составляли каждое третье – четвертое сообщение, в конце – каждое семнадцатое.

Наряду с количественными параметрами пресса оперировала языковой динамикой, отражавшей ее насыщенность актуальными дискурсивными практиками. Для выявления этих практик, демонстрировавших связь высокопроизводительного труда с «грядущей» победой в войне, необходимо проанализировать ключевые публикации о тысячниках.

ПЕРВЫЙ ЭТАП (24 ФЕВРАЛЯ – 24 МАРТА 1942 г.)

Новый стахановский почин зародился в г. Нижний Тагил 12 февраля 1942 г. как ответ на новогоднее письмо уральцев И.В. Сталину, где отмечалось, что «новый, 1942 год – год торжества, год победы и возрождения нашего мирного счастья»⁸. В этот день фрезеровщик Уралвагонзавода Д.Ф. Босый с помощью сделанного им приспособления к станку выполнил норму на 1480 %⁹. Его достижение привлекло внимание со стороны городской партийной организации. 17 февраля Нижне-Тагильский горком ВКП(б) издал постановление, где сообщалось о факте почти 15-кратного увеличения плановой выработки. Одно из положений директивы гласило: «Обязать райкомы

⁶ Первый цикл – с 27 марта по 10 апреля, второй – с 11 по 20 апреля, третий – с 21 по 30 апреля, четвертый – с 5 по 25 мая, пятый – с 26 мая по 10 июня (рис. 1).

⁷ Среднее число публикаций о тысячниках в одном газетном номере за пятидневку.

⁸ Тагильский рабочий. 1942. 1 янв. URL: <http://tr41-45.tagilib.ru/copy/1942/01/> (дата обращения: 8.05.2020).

⁹ Там же. 1942. 24 февр. URL: <http://tr41-45.tagilib.ru/articles/5637/> (дата обращения: 1.03.2020).

ВКП(б) и парторганизации всех заводов широко популяризовать и распространять метод работы тов. Босого на своих предприятиях»¹⁰. Оно дало старт движению «босовцев» – тысячников военного времени. Публикация постановления в газете «Тагильский рабочий» состоялась 24 февраля, одновременно с появлением в печати приказа Наркома обороны СССР № 55. В последнем содержался намек на переход от оборонительной к наступательной войне. Газетное известие о трудовом подвиге Босого совпало с началом трансляции от власти к обществу идеи скорого освобождения оккупированных районов СССР, поддерживавшейся «снизу». В связи с изменением коммуникативной ситуации новое патриотическое начинание быстро приобрело актуальность. Если двухсотники и многосотники олицетворяли оборону, то тысячники – наступление на военно-хозяйственном фронте, нацеленное на интенсификацию оборонного производства.

Спустя три недели почин Босого был подхвачен в новосибирском военпроме. 15 марта 1942 г. токарь завода № 5 П.Е. Ширшов (комбинат «Сибметаллстрой») за счет рационализации труда выполнил норму на 1090 % [5, с. 279]. 19 марта в газете «Советская Сибирь» вышла заметка о рекорде стахановца, достигнутом в ходе освоения выпуска одной из сложных деталей. Публикация сообщала о заимствовании «метода» Ширшова токарем Савельевым. Автор назвал обоих рабочих «патриотами-стахановцами» и «новаторами», примеру которых следует коллектив цеха¹¹.

21 марта 1942 г. пресса опубликовала заметку о соревновании между Ширшовым и Савельевым, благодаря чему их новаторские методы стали достоянием «всех токарей завода»¹². 22 марта появилась статья о том, как один из рядовых стахановцев «вдруг стал знаменит». Секрет личного успеха Ширшова объяснялся его способностью находить способы разрешения производственных проблем посредством изменения технологии. Первый тысячник Новосибирска предстал в образе рабочего-интеллигента, совмещавшего физический и умственный труд. Этот образ закрепляла фотография, где передовик запечатлен во время работы на токарном станке на фоне красного флага с надписью «1454 %». В публикации сообщалось о поддержке инициативы Ширшова его напарниками по цеху¹³.

К 27 марта 1942 г. в оборонной индустрии Новосибирска насчитывалось не более десятка тысячников. Движение находилось на старте, а его пропаган-

дистское сопровождение еще только разворачивалось (КРП – от 0,25 до 0,5). В целом численность стахановцев военного времени была невысока. Заводские коллективы формировались в основном из женщин и молодежи, не имевших профессиональных навыков. Предприятия испытывали острую нехватку материалов и рабочих кадров, работали неритмично, не выполняли план. В связи с этим успехи первых тысячников приобрели огромное значение для пропаганды высокопроизводительного труда.

ВТОРОЙ ЭТАП (27 МАРТА – 30 АПРЕЛЯ 1942 г.)

27 марта – 10 апреля. В конце марта – начале апреля в печати поднялась первая и самая мощная «волна» по популяризации нового почина. За последнюю мартовскую пятидневку в «Советской Сибири» вышло 5 референтных публикаций, а за первую апрельскую – 20 (КРП вырос с 1,25 до 4). 27 марта 1942 г. газета опубликовала передовицу «Правды» об инициативе Босого¹⁴. В ней подчеркивалась связь между последователями А. Стаханова и босовским рекордом как «выражением патриотического подъема» и продолжением «революции в технике». Далее пояснялось, что Д.Ф. Босый – стахановец военного времени, работающий в тылу так, как сражаются бойцы на фронте. По мнению автора, такая трудовая мотивация вела к реализации творческих способностей и рождала «героев тыла». Первый тысячник изображался «творцом», «новатором», «изобретателем», «фрезеровщиком-виртуозом», ускорившим станочные операции. Героизация передовика осуществлялась путем восхваления его передовых методов работы. Статья призвала использовать все средства пропаганды для тиражирования технических новаций. Речь шла о распространении профессионального опыта героя-творца, дававшего Красной армии больше ресурсов «для полного уничтожения врага». За последней фразой скрывалась уверенность в будущей победе над немецкими захватчиками, ковавшейся не только на фронте, но и в тылу.

Эта передовица сыграла роль катализатора движения тысячников: облпарткомитеты начали оказывать агитподдержку рекордсменам. 29 марта 1942 г. в прессе появилось приветствие Новосибирского обкома ВКП(б) в адрес токарей Ширшова и Савельева¹⁵. 31 марта вышла заметка о митинге на заводе № 5, где комментировались выступления директора Шаркова (чтение перед коллективом упомянутого приветствия), Ширшова (обязательство увеличить выпуск продукции), секретаря парторганизации предприятия Жидкова (указание на необходимость выполнения нормы каждым рабочим) и др.¹⁶ Заметка заканчива-

¹⁰ Тагильский рабочий. 1942. 24 февр. URL: <http://tr41-45.tagilib.ru/articles/5637/> (дата обращения: 1.03.2020).

¹¹ Советская Сибирь. 1942. 19 марта.

¹² Там же. 21 марта.

¹³ Там же. 22 марта.

¹⁴ Там же. 27 марта.

¹⁵ Там же. 29 марта.

¹⁶ Там же. 31 марта.

лась сообщением о принятии резолюции по повышению производительности и «выращиванию» новых тысячников.

Эта новость привела к активизации информационной кампании. 1 апреля 1942 г. в «Советской Сибири» вышло 7 публикаций о движении «ширшовцев». Центральное место занимало обращение тысячников к работникам промышленности региона. Оно началось с указания на то, что срок разгрома врага зависел от самоотверженной работы в тылу. Затем отмечались возможности для роста оборонного производства на базе стахановских рекордов. Авторы обращения призывали рабочий класс поддержать дело Босого и Ширшова, заявляли о готовности «на новые трудовые подвиги во имя освобождения советской земли от фашистской нечисти»¹⁷. Статья была проиллюстрирована фотопортретами передовиков комбината № 179, ставших наглядными символами производственных побед.

Призыв новосибирских «оборонщиков» подхватили кузбасские металлурги. 3 апреля 1942 г. коллектив Кузнецкого металлургического комбината обратился к трудящимся области с воззванием «Заводы, вставайте на фронтную предмайскую вахту». В нем движение тысячников оценивалось как стимул «фронтного социалистического соревнования»¹⁸. 4 апреля в печати появилось 6 сообщений о рекордсменах, в том числе передовица «Правды» о стахановцах военного времени. В статье слова-маркеры «виртуоз своего дела», «новатор», «рационализатор» распространились уже на всех работников, дававших более 10 норм. Подчеркивалось, что решающим фактором в ударном труде являлось уплотнение производственного графика¹⁹. Провозглашенные установки ориентировали тружеников тыла на экономию рабочего времени за счет интенсификации станочных операций.

5 апреля 1942 г. Новосибирский обком ВКП(б) принял постановление о развертывании движения тысячников²⁰. На фоне этого события число материалов о передовиках за вторую пятидневку снизилось до 5 (КРП – до 1,25). Чтобы усилить стимулы к труду, 9 апреля «Советская Сибирь» обнародовала переписку Ширшова и Босого²¹. В своем письме сибиряк общал уральскому «коллеге» о профессиональных успехах и предлагал вступить в соревнование. В ответ тагильчанин написал о достижениях земляков и принял вызов новосибирца. Обмен информацией между основателями движения тысячников способствовал налаживанию коммуникации между работниками Урало-Сибирского региона.

10 апреля в газете вышла заметка о совещании партийно-хозяйственных руководителей Новосибирска. В ней освещались выступления партийного функционера Баулина (о выполнении заводами заданий ГКО за март 1942 г.), стахановцев Ширшова (об изменениях в технологии), секретаря горкома ВКП(б) Яковлева (о критериях оценки работы предприятий). Отмечалось, что последний оратор предложил оценивать итоги деятельности заводских коллективов по динамике снижения количества рабочих, не выполняющих нормы, и численному росту многосотников и тысячников. Сообщение завершалось информацией о принятии решения по дальнейшему развертыванию предмайского соревнования²². Эта резолюция послужила переходным звеном к очередному витку агитации за повышение производительности труда.

11–20 апреля. В начале второй декады апреля стахановские рекорды породили новый пропагандистский импульс. 11–15 апреля в прессе вышли 11 референтных публикаций, в том числе за первые два дня – 8 (КРП за третью пятидневку вырос до 2,75). Ключевой из них являлась передовица «Правды» о всесоюзном соревновании, где впервые прозвучал официальный лозунг о разгрома немецких оккупантов в 1942 г. Отмечалось, что советские патриоты борются за осуществление данного лозунга, написанного «на знаменах предмайского соревнования». Далее автор сделал акцент на необходимости вовлечения новых рабочих в интенсивную производственную деятельность, поскольку «соревнование – незаменимая школа социалистических методов труда»²³. Реализация стратегической цели прочно увязывалась с подвигами тружеников тыла.

В середине месяца в центре внимания «Советской Сибири» оказался военный госзаем 1942 г. Поэтому всплеск интереса к стахановцам произошел лишь 16 апреля, когда в одном номере вышло 5 публикаций по искомой тематике (КРП за четвертую пятидневку снизился до 1,5). Важнейшей являлась статья секретаря Новосибирского горкома партии Яковлева «Больше тысячников, больше многосотников». Ее автор отметил решающее влияние соревнования на выполнение заводами плана и численный рост передовиков. По мнению функционера, Красное знамя должно было достаться заводскому коллективу с наибольшим выпуском продукции для фронта, минимальным количеством рабочих, не выполнявших нормы, максимальным числом двухсотников, многосотников и тысячников, а также с наименьшим техническим браком²⁴. Тем самым обозначились ожидаемые результаты стахановского труда, пропаганда которого вновь усилилась в третьей декаде апреля.

¹⁷ Советская Сибирь. 1942. 1 апр.

¹⁸ Там же. 3 апр.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. 7 апр.

²¹ Там же. 9 апр.

²² Там же. 10 апр.

²³ Там же. 11 апр.

²⁴ Там же. 16 апр.

21–30 апреля. На последнюю десятидневку месяца пришелся подъем второй пропагандистской «волны» в поддержку инициатив рабочей элиты. С 21 по 25 апреля в «Советской Сибири» вышло 14 референтных публикаций, с 25 по 30 апреля – 12 (КРП вырос с 2,8 до 4). В первый день декады газета опубликовала ответное письмо начальника одного из цехов завода им. В.П. Чкалова Курушина на статью секретаря горкома Яковлева. Инженер проинформировал его о распространении стахановского движения среди «чкаловцев» и заверил в способности коллектива сохранить завоеванное ранее Красное знамя²⁵. Так на страницах газеты состоялся локальный диалог между городской властью и рабочим классом, создавший мобилирующий эффект для производства вооружения и боеприпасов.

В преддверие Первомайского праздника 1942 г. вопрос о престиже тысячников приобрел первостепенное значение. 25 апреля в новосибирской прессе вышла очередная передовица «Правды» о предмайском соревновании. Статья сообщала о награждении Босого Сталинской премией – примере того, как «страна окружает заслуженным почетом ... героев трудового фронта». Далее в ней выстраивалась традиционная для СССР статусная иерархия в зависимости от производительности труда. Рабочие, повышавшие выработку, оценивались в качестве советских патриотов, достойных чести и славы. Наибольшей престижностью обладали продолжатели дела Стаханова, внесшие новшества «в технику или организацию труда»²⁶. В связи с этим последователи Босого могли претендовать на роль стахановской гвардии рабочего класса.

В канун Первомая агитация снова достигла максимального накала. 28–29 апреля 1942 г. в «Советской Сибири» было напечатано 10 публикаций о стахановцах военного времени. Центральное место занимала передовица газеты о росте движения тысячников, огождавшихся с «фронтовиками на производстве». Статья возвестила об обращении знатных передовиков производства ко всем трудящимся Новосибирской области. Сообщалось о награждении орденами и медалями «лучших людей военных заводов», внесших значительный вклад в выпуск продукции для фронта. Авторы обращения предлагали начать соревнование городов Сибири за реализацию годового плана к 25-летию Октября. Предприятия должны были выполнять месячные задания за 25 дней, цеха – за 20. Ответственность за начинание первых двадцатников возлагалась на рабочих, выработавших не менее десяти норм. В конце публикации апелляция к высокоинтенсивному труду в связке с задачей освобождения оккупированных районов СССР приобре-

тала категорическую тональность. На этом коммуникативном повороте завершился второй этап информационной кампании.

В конце марта – апреле 1942 г. движение тысячников в условиях его популяризации переживало быстрый подъем. В начале апреля в Новосибирске насчитывалось не более 25–30 работников, выполнявших по 10 норм и более, а к концу месяца – свыше 300²⁷. Основная масса стахановцев военного времени состояла из производственников с довоенным стажем. Острый дефицит опытных кадров и низкая квалификация новичков привели к тому, что на оборонных предприятиях Новосибирска нормы не выполняли от 16,4 до 60,0 % рабочих [5, с. 365]. Такое положение ставило на грань срыва гособоронзаказ и требовало принятия мер по повышению производительности труда.

ТРЕТИЙ ЭТАП (1 МАЯ – 10 ИЮНЯ 1942 г.)

1 мая 1942 г. нарком обороны СССР И.В. Сталин издал приказ № 130, где ставилась задача освобождения советской земли от немецких оккупантов до конца года²⁸. Директива нацеливала трудящихся на оказание максимальной помощи Красной армии в выполнении ее освободительной миссии. Эта помощь должна была выражаться в еще большем наращивании выпуска вооружения и боеприпасов. Рационализаторы снова оказались на острие военно-экономического наступления.

5–25 мая. Выход Первомайского приказа вызвал новый всплеск внимания газетных СМИ к движению тысячников. С 5 по 10 мая 1942 г. в «Советской Сибири» вышло 17 референтных публикаций (КРП – 2,8). Третья «волна» совпала с профессиональными успехами токаря завода им. В.П. Чкалова Б. Зенкова. В первый день мая стахановец при помощи мастера Н. Яковлева выполнил задание на 5714 %. 5 мая пресса сообщила о выработке молодым рабочим 57 норм²⁹. Через два дня его достижение характеризовалось в заметке как «невиданный производственный рекорд»³⁰. 8 мая была опубликована телеграмма, направленная Зенкову и Яковлеву секретарем Новосибирского обкома ВКП(б) Кулагиным. Последний оценил их результат как «лучший ответ делом на Первомайский приказ товарища Сталина»³¹. В ответ работники цеха, где трудился рекордсмен, отправили руководителю региона письмо о выполнении Зенко-

²⁷ Советская Сибирь. 1942. 29 апреля.

²⁸ Приказ народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина от 1 мая 1942 года № 130 [Электронный ресурс] URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t15/t15_22.htm (дата обращения: 19.03.2020).

²⁹ Советская Сибирь. 1942. 5 мая.

³⁰ Там же. 7 мая.

³¹ Там же. 8 мая.

²⁵ Советская Сибирь. 1942. 21 апр.

²⁶ Там же. 25 апр.

вым 102 норм³². Послание заканчивалось заверением выполнить заказы для фронта и задание Верховного главнокомандующего. 10 мая после обнародования в печати письмо стало достоянием городской общности, поддерживавшей действующую армию. В тот же день вышла статья, автор которой назвал молодого новатора «честным патриотом и хорошим токарем»³³. Она иллюстрировалась фотопортретом «Десятитысячник Борис Зенков», создававшим наглядный образ героя трудового фронта.

Венцом агиткампании стала переписка профсоюзной оборонной промышленности Великобритании и СССР в честь празднования Первой 1942 г. 10 мая в «Советской Сибири» вышла статья об обмене праздничными приветствиями между рабочими военных заводов двух стран. Ключевым звеном диалога служил дискурс «выиграть битву на производстве». В британской версии он интерпретировался как «вестник окончательного штурма тирании», в советской – средство «окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения нашей земли и наших братьев»³⁴. Примечательно то, что связка между трудом-боем и «грядущей» победой в войне была актуальна не только в СССР, но и в других государствах антигитлеровской коалиции. Несмотря на отсутствие упоминаний о тысячниках, публичная трансляция этих смыслов адресовалась, прежде всего, упомянутой категории стахановцев.

Данное сообщение стало апогеем динамики пропаганды ударничества, после которого последовало снижение количества газетных материалов о рабочих с высокой выработкой. С 11 по 15 мая 1942 г. в прессе вышли 7 референтных публикаций, с 16 по 20 мая – 5, с 21 по 25 мая – 4 (КРП снизился с 1,75 до 1). В это время одной из знаковых новостей являлась информация о слете стахановцев военного времени. 13 мая в одноименной заметке были прокомментированы произнесенные на «форуме» речи первого секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) Кулагина (об итогах предмайского соревнования и ближайших задачах предприятий), мастера Лозового (о роли мастера в движении тысячников), десятитысячника Зенкова (о способах рационализации) и др. Аудитория извещалась о награждении оборонных заводов, победивших в соревновании, переходящими красными знаменами. Отмечалось, что участники слета подготовили соцдоговор между Новосибирском и Омском и направили для его заключения делегацию к омичам³⁵. 17 мая в кратком сообщении говорилось о прибытии «группы стахановцев и представителей общественных организаций» к месту назначения и подписании

документа, ознаменовавшего начало соревнования между городами Западной Сибири³⁶.

Переход от индивидуального к коллективному состязанию в ударном труде сопровождался смещением пропаганды в сторону движения передовиков, выполнявших месячный план за 20 дней. 14 мая 1942 г. в заметке о двадцатниках цеха Курушина (завод им. В.П. Чкалова) сообщалось о тысячниках, взявших обязательства по реализации майской производственной программы за две первые декады. Публикация заканчивалась примерами ее досрочного перевыполнения³⁷. Они подчеркивали преемственность между двумя формами стахановского движения, что побуждало тружеников тыла к участию в патриотическом начинании двадцатников.

С 15 по 25 мая тематика производственных рекордов утратила первостепенную актуальность для «Советской Сибири». В печати встречались лишь краткие сообщения о стахановских слетах и выработке более десяти норм в других отраслях народного хозяйства.

26 мая – 10 июня. В данный период вокруг темы выдающихся новаторов произошла еще одна информационная вспышка. За 26–31 мая количество референтных публикаций достигло 10 (КРП вырос до 1,67). Самой яркой «искрой» стало известие о выполнении фрезеровщиком завода им. В.П. Чкалова И.И. Монаковым задания на 14 940 %. Об этом событии читателей ознакомила заметка «150 норм в смену»³⁸. 27 мая была опубликована статья о том, как один фрезеровщик заменил 150 станочников. В ней десятитысячник рассказывал об истоках и способах решения технологических проблем оборонного производства. Он взял обязательства выполнить 20 норм, организовать школу «опытников-рационализаторов» для коллективного обмена навыками станочной работы. Стахановец предложил, чтобы каждый тысячник обучил не менее 3 многотонников для наращивания выпуска военной продукции³⁹.

Однако агитпроп не сделал из впечатляющего успеха Монакова очередной сенсации. Аналогичное положение сложилось с достижениями слесарей комбината «Сибметаллстрой» Талланова (212 норм) и Лесинкова (429 норм). Новости о них появились в очень лаконичных сообщениях⁴⁰. Чуть больше повезло Зенкову, взявшему реванш над новыми победителями (571 норма) и заслужившему право на заметку⁴¹. В целом итоги развития движений тысячников и двадцатников были подведены в статье «На заводе им. Чка-

³² Советская Сибирь. 1942. 10 мая.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. 13 мая.

³⁶ Там же. 17 мая.

³⁷ Там же. 14 мая.

³⁸ Там же. 26 мая.

³⁹ Там же. 27 мая.

⁴⁰ Там же. 31 мая; 2 июня.

⁴¹ Там же. 5 июня.

лова»⁴². На этом фоне 1–5 июня число референтных публикаций в «Советской Сибири» сократилось до 5, а 6–10 июня – до 2 (КРП снизился с 1,25 до 0,5). Данная тенденция свидетельствовала о сворачивании агиткампании, обусловленном поражением советских войск под Харьковом и крахом идеи наступательной войны. Через несколько недель пропагандистский маятник вернулся в исходное, «оборонительное» положение (аналогичное лету – осени 1941 г.) в связи с переходом стратегической инициативы к вермахту и появлением приказа № 227 «Ни шагу назад!».

В мае – начале июня 1942 г. под влиянием популяризации героев-творцов численность стахановской элиты на оборонных предприятиях Новосибирска продолжала быстро расти. Если 1 мая на заводе им. В.П. Чкалова насчитывалось 87 тысячников, то 1 июня – 260⁴³. В середине года в городе числилось не менее 1 тыс. передовиков, вырабатывавших по десять норм и более⁴⁴. Их доля в общей массе трудящихся не превышала 1–2%⁴⁵. Большинство рабочих давало одну – полторы нормы за смену. Производственные проблемы затрудняли освоение новичками заводских специальностей. Так, на комбинате «Сибметаллстрой» в мае 1942 г. задания не выполняло около трети персонала, в июне – не менее четверти⁴⁶. По этой причине многие предприятия срывали план поставок важнейших изделий фронту. Директора военных заводов переводили работников на казарменное положение, чтобы ускорить выполнение государственных оборонных заданий. Решающую роль на производстве играли тысячники, находившие пути повышения производительности труда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце февраля – начале июня 1942 г. советское государство воплотило в жизнь новую стратегию социально-трудовой коммуникации, побуждавшую рабочий класс к увеличению выпуска продукции для фронта. Этот процесс разворачивался на фоне попытки перехода от оборонительной к наступательной войне. Одним из его механизмов являлась пропагандистская поддержка движения тысячников в печатных СМИ. Особую роль в становлении данной формы соревнования сыграла пресса Новосибирского региона, ставшего одной из колыбелей стахановского почина. Внешний анализ материалов газеты «Советская Сибирь» показал, что агиткампания развивалась отдельными мощными импульсами. Самые сильные из них пришлись на 1–5, 21–30 апреля, 5–10 мая

1942 г., когда пропаганда приобретала наиболее массированный характер. Первый информационный «пик» форсировал развитие инициативы по выполнению десяти и более норм выработки, второй и третий – закрепили высокие темпы ее распространения в рабочей среде. Затем агитационное сопровождение этого начинания пошло на спад и закончилось после изменения коммуникативной ситуации под влиянием катастрофы под Харьковом.

Внутренний анализ газетных публикаций позволил выявить дискурсивные практики агитпропа, связывавшие трудовые подвиги с установкой на разгром нацистской Германии в 1942 г. Его инструментом являлась героизация тысячников за счет создания патриотического образа рабочей интеллигенции, добивавшейся экономического превосходства над врагом. Волнообразная трансляция нового героического культа привела к подъему движения рационализаторов, боровшихся за увеличение выработки. Но этот подъем не мог полностью решить задачу повышения производительности труда, требовавшую комплексного подхода к интенсификации оборонного производства. Лишь начиная с осени 1942 г., когда трудовой героизм рабочих вновь ассоциировался со стратегической обороной, военная экономика стала прочной основой для будущей Победы СССР над Третим рейхом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. 525 с.
2. Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003 / под ред. Л.И. Бородкина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74–99.
3. Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной. М.: АИРО-XXI, 2015. 176 с.
4. Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 449 с.
5. Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. док. / отв. ред. И.М. Савицкий. Новосибирск: Гос. архив Новосиб. обл., 2005. 873 с.

REFERENCES

1. Mitrofanova A.V. Working class of the USSR during the Great Patriotic War. Moscow, Nauka, 1971. 525 p. (In Russ.)
2. Sokolov A.K. Forced labor in the Soviet industry and its crisis (the late 1930s – mid 1950s). *Ekonomicheskaya istoriya: yezhegodnik. 2003*. Moscow, 2004, pp. 74–99. (In Russ.)
3. Somov V.A. The first Soviet generation: testing by war. Moscow, AIRO-XXI, 2015, 176 p. (In Russ.)
4. Savitskiy I.M. The most important arsenal of Siberia: development of defense industry in Novosibirsk Region during the Great Patriotic War. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2005, 449 p. (In Russ.)
5. Savitskiy I.M. (ed). Defense industry of Novosibirsk Region during the Great Patriotic War. Novosibirsk, Novosibirsk Region State Archive, 2005, 873 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.01.2021

Дата рецензирования 11.01.2021

Статья принята к публикации 14.01.2021

⁴² Советская Сибирь. 6 июня.

⁴³ Подсчитано по: Советская Сибирь. 1942. 6 июня.

⁴⁴ ГАНУ. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 709. Л. 94.

⁴⁵ Авторская оценка.

⁴⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 65.

DOI: 10.15372/HSS20210113
УДК 94:930.2(47+57)"196"

Н.П. МАТХАНОВА

**ПИСЬМА М.М. ГРОМЫКО НАЧАЛА 1960-х гг.
КАК ПРИМЕР КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК ИСТОРИКОВ**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Впервые публикуются письма одной из основательниц Института истории, филологии и философии СО АН СССР М.М. Громыко начала 1960-х гг. к известным ученым – Б.Б. Кафенгаузу и В.К. Яцунскому. Интеллект, эрудиция и коммуникативный талант, а также знакомство с известными столичными учеными давали возможность устанавливать контакты между ними и сибирскими историками. Публикуемые источники позволяют оценить усилия их автора по организации экспертных оценок работ сибиряков высококвалифицированными специалистами. В одном из писем приоткрывается творческая лаборатория М.М. Громыко. Содержится информация о некоторых чертах историографического быта 1960-х гг. и повседневной жизни обитателей новосибирского Академгородка.

Ключевые слова: история исторической науки, эпистолярный, М.М. Громыко, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, коммуникативные практики историков.

N.P. MATKHANOVA

**LETTERS OF M.M. GROMYKO IN THE EARLY 1960S AS AN EVIDENCE
OF COMMUNICATIVE PRACTICES OF HISTORIANS**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The letters written by M.M. Gromyko, one of the founders of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, in the early 1960s addressed to the famous scientists B.B. Kafengauz and V.K. Yatsunsky are published for the first time. They reflect her contribution to establishing contacts and collaboration between the Novosibirsk Center of historical sciences at the early stage of its development, and the leading institutes and scholars in Moscow. Based on the published sources the author explains, how some facts of M.M. Gromyko's biography, such as belonging to alumni of Moscow State University (graduate and post-graduate programs), her first steps in the research and educational carrier, which she took at the MSU, her personal acquaintance with many historians who specialized in feudalism, determined her role in the academic collaboration between Akademgorodok and the capital. The personal qualities of M.M. Gromyko – keen intelligence, erudition and communicative skills – allowed her to establish contacts with Siberian historians. The letters by M.M. Gromyko demonstrate her efforts to organize expert assessments of the Siberian research by highly qualified Moscow historians and to integrate Novosibirsk scholars into the academic activities of such authoritative institutions as agrarian symposia. One of the letters reveals some aspects of the "creative laboratory" of M.M. Gromyko. It contains some information about the historiographic life of the 1960s and the everyday life of Novosibirsk Akademgorodok residents.

Key words: history of historical science, epistolary, Institute of History, Philology and Philosophy SB USSR AS, M. M. Gromyko, communicative practices of historians.

ВВЕДЕНИЕ

Публикуются письма выдающегося историка Марины Михайловны Громыко (1927–2020) за 1961–1965 гг., адресованные известным столичным ученым: 3 письма – Б.Б. Кафенгаузу и 7 писем В.К. Яцун-

скому. После аспирантуры и нескольких лет научно-педагогической деятельности в МГУ М.М. Громыко перешла на работу в Новосибирск и стала одним из первых сотрудников Постоянной комиссии по общественным наукам СО АН СССР. Она была автором и

Наталья Петровна Матханова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik_history@mail.ru, ORCID 0000-0003-2155-2982

Natalya P. Matkhanova – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

членом редколлегии 2-го тома «Истории Сибири», консолидировала вокруг себя людей, которые стремились серьезно заниматься наукой. В Институте истории, филологии и философии (ИИФиФ) Громыко работала с момента его создания и до 1977 г., возглавляла сектор дооктябрьского периода в первый год его существования. В эти годы она занималась изучением русского крестьянства Сибири, а также истории общественной мысли (подробнее см.: [1, с. 140–143]). Нонконформизм, самостоятельность мышления и поведения, присущие Марине Михайловне, привели к тому, что она наряду с несколькими учеными Академгородка подписала в 1968 г. известное «письмо 46-ти». Последовали «проработки» [1, с. 142–143], а затем и общее изменение климата в Сибирском отделении. В 1977 г. М.М. Громыко перешла на работу в Институт этнографии Академии наук в Москве, где работала до 2004 г.

Письма историков прочно вошли в арсенал историографических исследований, особенно широко они используются при создании биографий ученых. Богатое мемуарно-эпистолярное наследие историков, значительная часть которого хранится в Архиве Российской академии наук (Архив РАН), постепенно вводится в научный оборот, публикуется и анализируется. Невозможно переоценить его значение для изучения эволюции взглядов, становления и изменения профессиональных концепций, историографического быта, истории становления и функционирования отдельных институций. Публикуемые ниже источники позволяют осветить многие неизвестные или недостаточно изученные моменты предыстории Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В них отражены усилия по установлению коммуникаций между новым научным центром и сотрудниками ведущего Института истории АН ССР. Подтверждается мысль о том, что М.М. Громыко в годы работы в СО АН СССР играла важную роль в координации работы сибирских историков, организации их сотрудничества со столичными авторитетами. В нашем распоряжении есть только письма Марины Михайловны, очевидно, что корреспонденты отвечали ей, нередко по ее письмам можно судить и о содержании их ответов. Хотя публикуемые тексты характеризуются всеми атрибутами частных писем, по содержанию они являются сугубо деловыми: в них говорится о планируемых и осуществленных изданиях, работе над подготовкой пятитомной «Истории Сибири». В последнем письме отражены творческие сомнения, поиски и решения М.М. Громыко во время работы над ее классическим трудом «Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение». Имеется в письмах информация о некоторых явлениях историографического быта – в част-

ности, о практике оплаты рецензий на книги и статьи. Есть в них, хотя и немногочисленные, сведения о специфических чертах повседневной жизни обитателей новосибирского Академгородка в начале 1960-х гг.

Все письма – автографы, написаны чернилами, четким разборчивым почерком, с небольшой авторской правкой, на листах белой бумаги формата А4. Текст передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, имена собственные и слова с буквой ё приводятся в авторском написании. Подчеркивание сохраняется. Необходимые исправления и авторская правка обозначены в постраничных буквенных сносках. Указание на дату и место написания приводится в начале, независимо от места расположения в подлиннике.

*Архив РАН. Ф. 1580 (Кафенгауз Б.Б.). Оп. 4. Д. 70.
Л. 1*

1. Б.Б. Кафенгауз¹

[Новосибирск], 9 ноября [19]60 г.

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Очень благодарна Вам за «Посошков» [2]. Рада была этой книге вдвойне: и как знаку внимания с Вашей стороны, и как возможности постоянно иметь под рукой эту превосходную работу.

Думаю, что также Вам, Борис Борисович, мы обязаны тем, что сектор по подготовке многотомной «Истории СССР» [3] начал присылать нам свои материалы, в частности, главу Н.М. Дружинина². Для нас это сейчас весьма кстати, т.к. у нас создана группа по подготовке пятитомной «Истории Сибири» [4], и всякий опыт Вашего сектора, вплоть до чисто организационного, имеет сейчас для нас большое значение. Разрабатываем проект проспекта «Истории Сибири»; я, в частности, работаю над разделом «Сибирь в XVIII в.». Когда проспект будет готов в первом варианте, будем просить Вас, Борис Борисович, сделать свои замечания. Широкое обсуждение проспекта³ на научном совете предполагается провести в Новосибирске в конце января. Было бы очень хорошо, если бы Вы смогли // (л. 1 об.) приехать на это заседание.

В декабре рассчитываю быть в Москве для работы в архиве и по организационным делам, в частности, для контакта с сектором по подготовке многотомной «Истории СССР».

³ Далее зачеркнуто пред;

¹ Кафенгауз Бернгард (Борис) Борисович (1894–1969) – доктор исторических наук (1947), профессор (1948) исторического факультета МГУ, в 1940–1965 гг. – в Институте истории АН СССР.

² Дружинин Николай Михайлович (1886–1986) – академик (1953). В IV томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» ему принадлежат главы «Кризис феодально-крепостнического строя», «Массовое антикрепостническое движение и внутренняя политика царизма в 1826–1852 гг.».

Наша Комиссия по общественным наукам³ запланировала по издательству Сибирского отделения тематический сборник статей по социально-экономической истории Сибири XVII–XVIII в.в. [5]. Не смогли бы Вы, Борис Борисович, дать нам что-либо в этот сборник?⁴ Это будет одно из первых изданий Сибирского отделения по гуманитарным наукам; очень хотелось бы, чтобы сборник получился интересным. Ваша работа, даже очень небольшая по объёму, существенно повысила бы научный уровень издания. Ответственным редактором будет, вероятно, В.И. Шунков⁵. Статьи для сборника рассчитываем собрать к 1 апреля.

Всего Вам наилучшего.

С уважением
М. Громыко

Л. 3

2. Б.Б. Кафенгаузу

[Новосибирск,] 20 марта [19]61 г.

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Пользуясь вашим любезным согласием помогать нам, обращаюсь к Вам с просьбой дать отзыв на статью молодого иркутского историка И.И. Комогорцева «Из истории чёрной металлургии Восточной Сибири в XVIII в.». Статья предложена автором в подготавливаемый нами сборник «Сибирь XVII–XVIII в.в. Вопросы социально-экономического развития»⁶.

Мы не теряем надежды, Борис Борисович, на то, что Вы дадите что-либо своё в этот наш первый сборник. Жаль, что статью о письмах Радищева из Сибири⁶ Вы уже кому-то отдали [6]. А может быть, ещё не поздно передать её нам?⁸

Заседание Научного Совета по проблеме «История Сибири и Дальнего Востока» по обсуждению проспекта предполагаемой пятитомной «Истории Сибири» состоится (на этот раз срок, кажется, установлен окончательно) 10 мая 1961 г. Одновременно // (л. 3 об.) с этим письмом высылаем Вам проспект и официальное приглашение. Надеюсь, состояние здоровья позволит Вам посмотреть сибир-

скую весну и помочь нам в создании сибирской истории.

С уважением
М. Громыко

Л. 5

3. Б.Б. Кафенгаузу

[Новосибирск], 10 января [19]62 г.

Глубокоуважаемый Борис Борисович!

Прежде всего, хочу Вас успокоить относительно оплаченного отзыва. Ваши сомнения напрасны: в апреле 1961 г. мы действительно послали Вам на отзыв небольшую статью И.И. Комогорцева «Из истории чёрной металлургии Восточной Сибири в XVII – XVIII в.в.» и очень быстро получили от Вас положительную рецензию (она у нас хранится) с некоторыми замечаниями, которые автор уже учёл при доработке статьи. Но т.к. это произошло накануне Вашей парижской командировки⁷, то естественно, что французские впечатления вытеснили из Вашей памяти не особенно примечательную сибирскую статью. Это тем более даёт нам основания обратиться к Вам снова с аналогичной просьбой, т.к. сейчас мы начинаем подготовку второго выпуска [7] сборников по истории Сибири периода феодализма из серии «Материалы по истории Сибири», и некоторые статьи редколлегии уже наметила // (л. 5 об.) на Ваш суд, но ещё не получили их от авторов.

Очень благодарна Вам за отклик интереснейшей статьи «Пушкин о Петре I» [8] и этюда о письмах Радищева. Приятно было получить письмо, проникнутое новогодними настроениями – итоги и планы. Жаль, что выход Вашей «Истории народного хозяйства СССР» задерживается⁸. К сожалению, наше издательство берёт пока только работы по сибирской тематике.

С М.В. Научителем⁹ мы свяжемся и обсудим его работу на секторе. Может быть, и удастся её опубликовать.

Всего Вам наилучшего!

С уважением
М. Громыко

³ Постоянная комиссия по общественным наукам при Президиуме СО АН СССР.

⁴ Статьи Б.Б. Кафенгауза в сборнике нет.

⁵ Шунков Виктор Иванович (1900–1967) – доктор исторических наук (1954), член-корреспондент АН СССР (1962), в 1959–1963 – заместитель академика-секретаря Отделения исторических наук АН, главный редактор (совместно с А.П. Окладниковым) «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней» в 5 т.

⁶ Комогорцев Иван Иванович (1926–2007) – в 1961 г. окончил аспирантуру Иркутского государственного университета и перешел в СО АН СССР, кандидат (1962), доктор (1969) исторических наук. Указанная статья была опубликована [5, с. 97–121].

^{6-в} *отчеркнуто карандашом на левом поле;*

⁷ В 1961 г. Б.Б. Кафенгауз побывал в Париже в командировке (Архив РАН. Ф. 1554. Оп. 3. Д. 46).

⁸ Монография Б.Б. Кафенгауза «Народное хозяйство СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» осталась неопубликованной (Архив РАН. Ф. 1554. Оп. 1. Дд. 78 – 84; Оп. 3. Д. 47).

⁹ Научитель Михаил Вениаминович (1924–2005) – доктор экономических наук (1969), работал в Иркутске и Гомеле. Возможно, имелась в виду книга, близкая по теме к его докторской диссертации (Социально-экономические проблемы Сибири в экономической литературе второй половины XIX в.).

Архив РАН. Ф. 1639 (Яцунский В.К.). Оп. 1. Д. 454.

Л. 1

4. В.К. Яцунскому¹⁰

[Новосибирск], 24 марта [19]61 г.

Глубокоуважаемый Виктор Корнильевич!

Пользуясь Вашим любезным согласием, данным мне в Киеве¹¹, помогать нам в делах сибирских, обращаюсь к Вам с просьбой дать отзыв на статью Николая Яковлевича Савельева «Роль крестьянской массы в развитии горного производства Кольвано-Воскресенских заводов второй половины XVIII века»¹². Статья предложена автором в подготавливаемый нами сборник «Сибирь XVII–XVIII в.в. Вопросы социально-экономического развития» (ответственный ред[актор] В.И. Шунков [5]).

Не смогли бы Вы, Виктор Корнильевич, дать нам что-либо своё в этот сборник? Это наше первое издание (не считая «Трудов» прошлогодней конференции [9], выхода которых мы, вероятно, дождемся к середине текущего года) и было бы очень ценно, если бы оно было украшено хотя бы небольшим Вашим этюдом.

У нас произошли приятные организационные сдвиги: создан сектор истории Сибири, при Институте экономики¹³ пока (впредь до создания самостоятельного института), во главе с А.П. Окладниковым¹⁴. Основной задачей сектора провозглашена // (л. 1 об.) подготовка пятитомной «Истории Сибири». Таким образом здесь есть уже реальное научно-исследовательское образование по истории, в которое мы все – историки из Постоянной комиссии по общественным наукам СО АН, переведены (5 человек¹⁵). Сверх того нам дано 12 ставок. Если у Вас, Виктор Корнильевич, есть подходящие кандидатуры дельных и способных людей, рекомендуем нам, пожалуйста. В частности,

¹⁰ Яцунский Виктор Корнильевич (1893–1966) – доктор исторических наук (1950), с 1946 г. – старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Один из основателей и руководителей Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы.

¹¹ Так в ркп;

¹² М.М. Громыко была постоянной участницей Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. На его третьей сессии в сентябре 1960 г. в Киеве ею был сделан доклад.

¹³ Савельев Николай Яковлевич (1908–1967) – в 1946–1960 гг. – заведующий отделом Алтайского краеведческого музея, с 1961 – научный сотрудник краевого архива. Его статья опубликована под несколько измененным названием [5, с. 239–247].

¹⁴ Первая Всесибирская конференция историков, состоявшаяся в 1960 г., приняла решение приступить к подготовке многотомной «Истории Сибири». В марте 1961 г. был создан сектор истории промышленности в составе ИЭиОПП СО АН СССР [10, с. 56–57].

¹⁵ Окладников Алексей Павлович (1908–1981) – член-корреспондент АН СССР (1964), академик (1968). С 1961 г. – заведующий сектором истории, с 1962 – Отделом гуманитарных исследований ИЭиОПП, с 1966 г. – директор ИИФиф СО АН СССР.

¹⁶ Первыми сотрудниками сектора истории стали В.Л. Сокин, М.М. Громыко, А.Н. Копылов, Е.А. Куклина, Г.И. Проница [10, с. 57].

нам остро нужен кандидат, специализирующийся по капитализму.

Вы уже, вероятно, получили наш проект проспекта и приглашение на Совет. Одновременно мы направили ходатайство на имя Е.М. Жукова¹⁶ с просьбой направить в Новосибирск на Совет ряд ученых из институтов истории, археологии и этнографии. Там, разумеется, Вы фигурируете.

Итак, ждём Вас 8–10 мая на сибирскую весну! Обещаем поездку на теплоходе по Оби и разные другие занятные вещи (помню Вашу неумолимость в Киеве).

С уважением
М. Громыко

Л. 2

5. В.К. Яцунскому

[Новосибирск], 31 марта [19]61 г.

Глубокоуважаемый Виктор Корнильевич!

Будет не поздно, если Вы пришлёте нам в сборник свою статью к 1 августа. Сдавать мы должны сборник в издательство до 1 сент[ября]. Очень хотелось бы, чтобы Вы в нём участвовали.

С.М. Троицкий¹⁷ и В.М. Кабузан¹⁸ сделали заявку в наш сборник – «Народонаселение Сибири в XVIII в.», но статьи ещё не прислали, поэтому я не знаю, какой круг вопросов и по каким материалам они возьмут и весь ли век охватят полностью, да и осуществят ли эту работу?

Проект проспекта пятитомной «Истории Сибири» мы выслали Вам в адрес сектора. Не застрял ли он там? Сектору же Вашему, как и другим секторам института, также выслано по экземпляру. Уповаем на то, что институт не назначит на время нашего Совета каких-нибудь сессий, и Совет сможет вылиться в нечто значительное и интересное (он назначен, как Вы уже знаете, на 8–10 мая). // (л. 2 об.)

С интересом ждём Вашего симпозиума¹⁹. Я с удовлетворением услышала, что будет поставлен доклад М.А. Барга²⁰.

С уважением
М. Громыко

¹⁶ Жуков Евгений Михайлович (1907–1980) – академик (1958), в 1958–1969 гг. – академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР.

¹⁷ Троицкий Сергей Мартинович (1930–1976) – доктор исторических наук (1972), один из организаторов Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы.

¹⁸ Кабузан Владимир Максимович (1932–2008) – сотрудник Института истории АН СССР, доктор исторических наук (1970). Их статья опубликована под несколько иным названием [5, с. 139–158].

¹⁹ IV сессия Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы состоялась в сентябре 1962 г. в Риге.

²⁰ Барг Михаил Абрамович (1915–1991) – доктор исторических наук (1958), специалист в области истории Великобритании и методологии истории.

Л. 3

6. В.К. Яцунскому

[Новосибирск], 25 апреля [19]61 г.

Глубокоуважаемый Виктор Корнильевич!

Мы очень Вам благодарны за сообщение о продаже библиотеки Андреева²¹. Правда, Виктор Иванович Шунков в прошлом году, будучи в Новосибирске, говорил об этой библиотеке с директором ВО БАН (Восточное отделение б[иблиоте]ки АН²²). Но ВО БАН задыхается пока от тесноты (новое великолепное здание под нашу библиотеку ещё долго будет строиться²³) и потому без энтузиазма относится к подобным возможностям. Но сейчас у нас появилась новая возможность приобретения исторической литературы: поелику наш новорожденный сектор истории существует при Институте экономики, библиотеке этого института поручено нас «комплектовать». Через директора этой библиотеки я и буду действовать. Конечно, нужно будет сделать всё возможное, чтобы библиотека Андреева попала в Сибирское отделение целиком – здесь её настоящее место. Но не уверена, успеем ли. Попытаемся.

Ваша идея создать силами нескольких авторов картину населения Сибири от XVIII [в.] до наших // (л. 3 об.) дней очень интересна. Может быть, стоит это сделать в виде небольшой отдельной книжки? Надо будет обсудить это в период заседаний Совета.

В любом случае будет очень хорошо, Виктор Корнильевич, если Вы подготовите для нас этот материал. В том или другом виде Сибирское отделение его напечатает.

С уважением
М. Громыко

Л. 4

7. В.К. Яцунскому

[Новосибирск], 25 января [19]62 г.

Глубокоуважаемый Виктор Корнильевич!

Хорошо представляю себе, что Вы, как всегда, очень заняты, перегружены свыше всякой меры. И всё-таки должна напомнить Вам относительно рукописи З.Г. Карпенко «Горнодобывающая и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1861 г.г.»²⁴. Для нас сейчас очень важно срочно

²¹ Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) – доктор исторических наук (1940), автор работ по истории и источниковедению Сибири. Его библиотека была приобретена ИИФФ СО АН СССР.

²² Восточное отделение Библиотеки Академии наук было образовано на базе библиотеки Западно-Сибирского филиала АН СССР, впоследствии вошло в состав ГПНТБ СО АН как ее отделение.

²³ Строительство специального здания ГПНТБ было закончено в 1966 г., до этого библиотека размещалась в зданиях ряда институтов.

²⁴ Карпенко Зинаида Георгиевна (1906–2000) – с 1956 г. заведующая кафедрой истории СССР Кемеровского педагогического института. Ее монография была опубликована в 1963 г. [11].

получить Ваш отзыв на эту работу. Монография З.Г. Карпенко по плану издательства СО АН СССР включена в редакционно-издательскую подготовку 1962 г. Мы должны сдать её в издательство в марте этого года. (Работа идёт через наш сектор, хотя Карпенко и не является нашей сотрудницей). К моему несчастью, сектор поручил мне редактировать эту работу. Есть отзыв уральца Кривоногова²⁵ – много серьезной критики, но в общем положительный. Как мне кажется, работа нуждается ещё во многих уточнениях, поправках, доработке. Поэтому нам необходимо знать Ваше мнение, чтобы окончательно решить, стоит ли издавать эту работу, и если да, // (л. 4 об.) то при доработке сейчас, до марта, учесть Ваши замечания.

Мы ждём Вашу статью о населении Сибири. Сборник по истории Сибири периода капитализма [12]²⁶ будет сдаваться в издательство в конце февраля. Предполагается открыть его Вашей статьёй.

Наш сектор уже насчитывает 27 человек (от археологов до советского периода). Но нет ни одного специалиста по капитализму или империализму. Не поможете ли нам, Виктор Корнильевич, найти дельного человека? Или даже двух-трёх?

Готовим тезисы докладов к минскому симпозиуму; на днях вышлем (из нашего сектора трое – Л.М. Горюшкин, О.Н. Вилков и я)²⁷.

У меня изменился адрес (в связи с переездом из Новосибирска в Академгородок): Новосибирск, 72, д. 27 «А», кв. 11.

Адрес сектора тоже изменился: Новосибирск 72, д. 9 «В», кв. 24, сектор истории. (На днях должны ещё раз перекочевать, уже внутри городка.)

С уважением
М. Громыко

Л. 5

8. В.К. Яцунскому

[Новосибирск], 9 апреля [19]62 г.

Глубокоуважаемый Виктор Корнильевич!

Монографию З.Г. Карпенко мы сдали 30 марта в издательство СО АН СССР. Но сдали её в известной

²⁵ Кривоногов Василий Яковлевич (1911–1977) – декан исторического факультета Уральского государственного университета, доктор исторических наук (1966).

²⁶ Статьи В.К. Яцунского в сборнике не было.

²⁷ V сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы состоялась в сентябре 1962 г. в Минске. В материалах Симпозиума статей Л.М. Горюшкина, О.Н. Вилкова и М.М. Громыко нет. Горюшкин Леонид Михайлович (1927–1999) – кандидат (1964), доктор (1976), исторических наук. С 1961 г. – в секторе истории ИЭиОПП СО АН СССР, с образованием ИИФФ – в этом институте, член-корреспондент РАН (1990), в 1991–1997 гг. директор Института истории СО РАН; Вилков Олег Никандрович (1922–2005) – кандидат (1965), доктор (1991) исторических наук, с 1961 – в секторе истории ИЭиОПП СО АН СССР, с образованием ИИФФ СО АН СССР – в этом институте.

мере условно, чтобы не нарушать издательские сроки, а с издательским редактором договорились, что будем ещё продолжать над ней работать до мая месяца. Поэтому, Виктор Корнильевич, мы были бы очень рады, если бы Вы смогли сейчас прислать нам свои соображения по этой работе. Дело в том, что работа вызывает много сомнений спорностью и нечёткостью некоторых положений, и сейчас, при окончательной доработке её, очень важно получить совет авторитетного специалиста. Не хотелось бы осрамиться с одним из первых наших изданий.

Вашу статью, Виктор Корнильевич, о населении Сибири мы всегда рады будем принять. В этот сборник, о котором шла речь, сейчас ещё не поздно её включить, т.к. этот сборник опаздывает, не укладывается в свои сроки. Если же Вы сделаете её позднее, то мы всё равно найдём возможность её опубликовать в «Известиях СО АН СССР» или в следующем // (л. 5 об.) тематическом сборнике – они будут выходить у нас регулярно.

С уважением
М. Громыко

Л. 6

9. В.К. Яцунскому

[Новосибирск], 11 ноября [19]63 г.

Глубокоуважаемый Виктор Корнильевич!

Только сейчас, возвратившись из отпуска, прочитала Ваше письмо.

Разумеется, постановка на Кишиневском симпозиуме²⁸ проблемы сельскохозяйственного освоения в качестве одной из основных вызовет со стороны сибирских историков самую горячую поддержку. Сразу же могу сказать с уверенностью, что сибиряки смогут дать несколько докладов и сообщений. По XVII в. есть новый материал у О.Н. Вилкова, А.Н. Копылова²⁹ (оба, как Вам, вероятно известно, сотрудники нашего отдела); в Омске работает по теме освоения Среднего Прииртышья А.Д. Колесников³⁰ (собрал уже интересный материал по XVII и XVIII в.); в Барнауле кропотливо обрабатывает архивные материалы по освоению верховьев Оби Буганов³¹ (XVIII в.); интересный доклад по сельскохозяйст-

²⁸ VII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы состоялась в октябре 1964 г. в Кишиневе.

²⁹ Копылов Алексей Николаевич (1924 – 2007) – кандидат (1963), доктор (1976) исторических наук, с ноября 1960 г. – сотрудник Постоянной комиссии по общественным наукам, в 1967–1977 гг. – в ИИФ СО АН СССР.

³⁰ Колесников Александр Дмитриевич (1919–2012) – в 1961–1969 гг. в Омском политехническом институте, кандидат (1967), доктор (1973) исторических наук.

³¹ Вероятно, допущена ошибка – имеется в виду Булыгин Юрий Сергеевич (1931–2000), с 1957 г. работал в Барнауле, кандидат исторических наук (1965), тема диссертации «Присоединение Верхнего Приобья к России и заселение его русскими крестьянами в XVIII в.» (сообщено Ю.М. Гончаровым).

венному освоению территории Алтайского горного округа в первой пол[овине] XIX в. может дать Г.П. Жидков³² (Усть-Каменогорский пединститут); по концу XIX – началу XX в.в. смогут, по-видимому, сделать существенные вклады Л.М. Горюшкин – по Зап[адной] Сибири (наш отдел), В.Г. Тюкавкин³³ – по Восточной (Иркутский пед[агогический] ин[ститу]т) и другие³⁴. // (л. 6 об.)

Со своей стороны, могу предложить доклад или сообщение на тему «Земледельческое освоение Западной Сибири в 30-х – 80-х XVIII в.»³⁵, основанное на архивных материалах областных хранилищ Зап[адной] Сибири, а также ЦГАДА и Архива АН СССР, собранных в течение четырёх последних лет.

Этот материал составляет часть подготавливаемой мною книги о соц[иально]-эк[ономическом] развитии Зап[адной] Сибири в названный период [15]. Решаюсь обратиться к Вам, Виктор Корнильевич, с такой просьбой: не сможете ли Вы прочесть мою работу в рукописи? Я смогу представить её Вам в марте-апреле. Мы работаем здесь в изоляции, поэтому особенно важны критика и помощь наиболее квалифицированного рецензента.

Очень обрадовало известие о создании региональных групп аграрников³⁶. Мне кажется, что в Сибири есть реальная возможность и необходимость создания такой группы. В неё могли бы войти З.Я. Бояршинова³⁷, Ф.Г. Сафронов³⁸, четверо сотрудников нашего отдела, названные выше товарищи и кое-кто из аспирантской молодежи Новосибирска, Томска и Иркутска. Вероятно, В.И. Шунков не откажется возглавить такую группу на базе СО АН СССР; он поддерживает с нами тесный контакт (в связи с пятитомной // (л. 7) «Историей Сибири», которой у нас сейчас всё подчинено. Как это мыслится организационно?

Благодарю Вас, Виктор Корнильевич, за внимание: открытки – отклик на наш сборник – пришли по

³² Жидков Геннадий Павлович (1928–1993) – кандидат (1964), доктор (1972) исторических наук.

³³ Тюкавкин Виктор Григорьевич (1928–2012) – кандидат (1959), доктор (1966) исторических наук.

³⁴ В материалах симпозиума опубликованы статьи Г.П. Жидкова [13] и В.Г. Тюкавкина [14].

³⁵ Статья М.М. Громыко в материалах кишиневского симпозиума отсутствует.

³⁶ *дальше зачеркнуто* осн[овную] значит[ельную];

³⁷ В начале 1960-х гг. Комиссия по истории крестьянства и сельского хозяйства выдвинула идею создания региональных отделений (объединений); о создании объединения в Сибири (Новосибирске) сведений получить не удалось (сообщено В.А. Ильиных).

³⁸ Бояршинова Зоя Яковлевна (1909–1986) – с 1940 г. в Томском государственном университете, кандидат (1949), доктор (1967) исторических наук, автор работ по истории Западной Сибири в XVII в.

³⁹ Сафронов Федот Григорьевич (1914–1995) – кандидат (1950), доктор (1964) исторических наук, работал в Якутском университете, Якутском филиале СО АН СССР/РАН.

адресу³⁹. Об отклике голландцев на мои статьи⁴⁰ узнала только от Вас, т.к. здесь не получают этих журналов. Когда буду в Москве, постараюсь разыскать координаты отзывов – нет ли у Вас этих данных?

У нас ввели названия улиц, наконец (до сих пор были только сектора – буква к номеру дома). Поэтому мой адрес теперь звучит так: Новосибирск, 72, Золотолинская, 7, кв. 42.

С уважением
М. Громыко

P.S. Наш служебный адрес: Новосибирск, 72, Отдел гуманитарных исследований СО АН СССР.

Л. 9

10. В.К. Яцунскому

[Новосибирск], 22 января [19]65 г.

Глубокоуважаемый Виктор Корнильевич!

Меня очень тронуло Ваше внимание, когда получила письмо Ваше с замечаниями по тезисам симпозиума. Ответить на него хотелось обстоятельно, после размышлений и переработки некоторых мест рукописи, потому не написала сразу. А позднее Н.А. Горская⁴¹ передала мне Ваши соображения по статье, представленной в «Историю СССР» [16]. Теперь отвечаю и на одно, и на другое сразу.

Прежде всего, хочу поблагодарить Вас за помощь и ценные замечания (это выражение стало у нас уже шаблоном, но в данном случае оно действительно отвечает содержанию). Для меня было особенно важно узнать Ваши соображения сейчас не только в связи со статьей, но и для доработки исследования в целом. Надеюсь, что в нынешнем переработанном^с (с помощью Наталии Александровны) виде статья Вас в какой-то мере удовлетворит.

А теперь по существу вопросов. Вы совершенно правы в том, что самый надёжный способ (при отсутствии настоящей статистики) определения объёма товарного хлеба – по едокам, не связанным с сельским хозяйством (точнее, с земледелием). Перебрав разные другие варианты, я остановилась именно // (л. 9 об.) на этом. Довольно точно удаётся установить, сколько потребляло население заводских и руд-

никовых посёлков Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов (этот наиболее чётко отделившийся от земледелия отряд населения отлично отражён в разнородных источниках, т.к. учёт здесь был хорошо поставлен), сколько шло на войско (особенно на пограничные линии – крупный потребитель), сколько поглощало* винокурение. Ориентировочно (по-видимому, близко к истине) устанавливается и объём потребления северными беспашенными районами Зап[адной] Сибири (у меня есть данные по динамике населения Берёзовского, Сургутского и др. уездов). Сложнее обстоит дело с городским населением: в силу особенности сибирских городов – связь значительной части населения с земледелием сохраняется даже в наиболее развитых из них и в XVIII в. – редко удаётся отграничить потребителей. Анализ динамики и состава населения основных городов З[ападной] Сибири в XVIII в. я попыталась сделать в своей работе (этому посвящена специальная глава) и соответственно имела данные для того, чтобы учесть городское население среди потребителей хлеба. Но в статье из осторожности даю расчёт только по тем группам потребителей, о которых можно говорить с уверенностью (войско, // (л. 10) заводы, винокурение, северные районы), на остальных же указываю (неземледельческое население городов и деревни, южные степняки, Урал – кстати, роль³ последнего, как потребителя сибирского хлеба, не стоит преувеличивать, т.к. он снабжался и с юга, и с запада!). Потому вывожу нижнюю возможную границу уровня товарности. О проценте товарности позволяю себе говорить только в связи с расчётом по потребителям.

Норма потребления в две с половиной четверти (восьмипудные четверти⁴², т.е. 20 пудов на человека в год, а ведь учитываются все, включая младенцев, детей и стариков; а ведь хлеба-то получается больше при выпечке) представляется для Сибири достаточной с тем большим основанием, что там необычайно большую роль в рационе играли продукты охоты, рыболовства (это постоянно отмечается в различных источниках). И наконец, если предположить, что эта норма занижена, то при расчёте объёма товарного хлеба по потребителям последний был тоже занижен.

Что касается губернаторских отчётов, то этот вид источников в моей работе не является основным. Разумеется, я знакома с многочисленными высказываниями за и против губерн[аторских] отчётов. (О себе судить трудно, но полагаю, что критическо-

³⁹ Для определения тиража сборников было важно заранее получить заказы на них, которые оформлялись в виде почтовых открыток и отправлялись в издательство.

⁴⁰ В 1954 г. М.М. Громыко защитила кандидатскую диссертацию «Развитие капиталистических отношений в промышленности и торговле Нидерландов XVI в.». Этой же теме были посвящены ее первые статьи.

⁴¹ Горская (урожд. Кожина) Наталья Александровна (1930–2004) – выпускница исторического факультета МГУ (курсом позже М.М. Громыко), кандидат (1956), доктор (1978) исторических наук, в 1961–2001 гг. – в Институте истории АН СССР. Деятельная участница симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы.

^с далее вычеркнуто в виде;

* далее вычеркнуто солеварение;

³ вписано над строкой;

⁴² Четверть (четвёртая часть или одна четверть) как мера объёма сыпучих тел использовалась для измерения количества зерна, круп и муки, к концу XVII столетия в ней считалось 8 пудов.

му / (л. 10 об.) отношению к источникам меня научил С.Д. Сказкин⁴³ восемнадцать лет назад, когда студенткой второго курса я работала в его семинаре по аграрной истории Европы, не говоря уже о дальнейшей работе над дипломом и диссертацией у него же. Надеюсь, что не грешу отношением к любому архивному сведению как к истинному). Однако представляется, что те ведомости губернаторов и наместников, которые использую, дают близкие к действительности сведения о количестве высеваемого зерна и собранного хлеба. Думать так даёт основание сопоставление с другими данными местных учреждений (воеводских канцелярий, уездных комиссарств, заводских контор, монастырей, главноуправителей и пр. – по отдельным уездам, частям уездов за предыдущие и последующие годы). Так, выведенные по данным этих отчётов о количестве высеваемого зерна посевные⁴⁴ площади проверяются предшествующими сведениями по отдельным уездам или отдельным группам хлебопашцев в этих уездах (государственным крестьянам, экономическим, ямщикам и пр.) и более поздними данными Топографического описания 1790 г.⁴⁴ Размер валового сбора соответствует цифрам земских управителей отдельных территорий за близкие годы и т.п.

Безоговорочно принимаю Ваш упрек относительно // (л. 11) солидаризации с Н.Л. Рубинштейном⁴⁵ в объяснении причин роста цен. По существу мне хотелось присоединиться к нему только⁴⁶ в том, что рост цен не означал кризиса сельского хозяйства т.к. мои западно-сибирские материалы показывают, что рост пашенных земель, общего объёма сельхозпродукции, вовлечение большого числа крестьянских хозяйств в товарно-денежные отношения – все эти явления уживаются с ростом цен. Причины последнего требуют специального исследования в общерусском масштабе. В этом смысле я и смягчила соответствующие места при переделке статьи.

Принимаю и Ваше предостережение относительно «скачка» в пашенных площадях в 1765-67 гг.

⁴³ Сказкин Сергей Данилович (1890–1973) – заведующий кафедрой истории средних веков (с 1949), академик (1958), профессор исторического факультета МГУ, научный руководитель М.М. Громыко.

⁴⁴ *вписано над строкой;*

⁴⁴ Во введении к монографии указано, что «ценные сведения» из «Топографического описания Тобольского наместничества 1790 г.» являются итоговыми для рассматриваемого периода [15, с. 14].

⁴⁵ Рубинштейн Николай Леонидович (1897–1963) – специалист в области историографии и социально-экономической истории России, доктор исторических наук (1940), профессор МГУ в 1939–1949 гг. Имеется в виду его книга по истории сельского хозяйства России XVIII в. [17].

⁴⁶ *вписано над строкой.*

(это уже не по статье, а по тезисам симпозиума. Кстати, тезисы писались более года назад, когда ещё не было завершено исследование, я во многом отошла от них уже в самом докладе в Кишинёве): о скачке здесь нужно говорить условно, в кавычках, т.к. большую роль здесь сыграла приписка скрывааемых или просто не учтённых ранее земель. Что же касается достоверности показателя 1767 г., то он проверяется более поздними сведениями разного типа, отражающими рост по сравнению уже с этой ведомостью. // (л. 11 об.)

В замечаниях по статье Вы обращаете моё внимание, Виктор Корнильевич, на сдвиги в размещении земледельческого населения Зап[адной] Сибири в XVIII в. и роль, в частности, укрепленной линии. Конечно же, эти моменты я имею в виду. В статье я не имела возможности на этом останавливаться, но в основной большой работе вся первая часть (почти половина работы) посвящена вопросам русского населения в Зап[адной] Сибири в 30-х – 80-х гг. XVIII в. – динамика, миграции, размещение, состав. В частности, рассматривается и влияние строительства новых линий на внутреннюю колонизацию юго-западных и юго-восточных р[айон]ов (перемещение туда населения из р[айон]а давнего заселения, освоенного уже в какой-то мере в XVIII в., – из Верхотурского, Туринского, Тюменского, Тобольского и др[угих] уездов). Именно освоение степной части и дало такие большие сдвиги в росте пашенных земель. Вообще, начав шесть лет назад изучение состояния зап[адно]-сиб[ирского] земледелия в XVIII в. и положения отдельных групп хлебопашцев, я вскоре убедилась в том, что нельзя решать эти вопросы, не представив сначала общую картину количества, размещения и состава населения этой окраины. Потому принялась за демографию. Вот и получилась сейчас // (л. 12) работа из двух частей (1 – население; 2 – земледельческое освоение и категории хлебопашцев).

Письмо моё явно затянулось. Грех отнимать у Вас столько времени. В марте я на месяц должна приехать в Москву в командировку. Привезу с собой рукопись всей работы, и тогда надеюсь поговорить с Вами по всем этим вопросам обстоятельно, если Вы сможете уделить мне внимание.

Статью в аграрный ежегодник не успела привести в порядок к сроку. Дело в том, что по динамике пашенных земель я дала статью в здешний сборник Сиб[ирского] отделения давно ещё (он сейчас в наборе) [18]; вопросы же объёма хлебной продукции и рынка вошли в статью для «Истории СССР»; а в «Ежегодник» думала предложить статью об агротехнике – состав и соотношение зерновых культур, орудия труда, системы земледелия, нормы высева, урожайность (в докладе были отражены все три группы

вопросов, в т[ом] ч[исле] и состоянии агротехники). Задержала, как всегда, работа со вторым томом «Истории Сибири» (ох, уж эти коллективные издания! Особенно когда имеешь дело с // (л. 12 об.) разбросанным на тысячи километров провинциальным коллективом). Но теперь уже поздно.

Извините за пространность послания.

Всего Вам наилучшего! И ещё раз спасибо.

С уважением
М. Громыко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиловский М.В. Изучение дореволюционной истории Сибири в Новосибирске в 1950-х – начале 1980-х годов // Исторический курьер. 2019. № 6. С. 137–156. URL: <http://ustkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-12.pdf>
2. Кафенгауз Б.Б. И.Т. Посошков М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 191 с.
3. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. М.: Наука, 1966–1980.
4. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968–1969.
5. Сибирь периода феодализма. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. Вып. 1: Сибирь XVII – XVIII вв. / отв. ред. В.И. Шунков. 258 с.
6. Кафенгауз Б.Б. Письма А.Н. Радищева // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 341–344.
7. Сибирь периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1965. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI – XIX вв. / отв. ред. В.И. Шунков. 366 с.
8. Кафенгауз Б.Б. Пушкин о Петре I // История СССР. 1961. № 3. С. 150–160.
9. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока: мат-лы пленарного заседания и Секции истории досоветского периода, археологии и этнографии. Март 1960. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. 402 с.
10. Куперитох Н.А. Становление и развитие исторических исследований в Сибири: К 40-летию основания Института истории, филологии и философии СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 55–59.
11. Карпенко З.Г. Горнодобывающая и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах / отв. ред. А.П. Окладников, М.М. Громыко. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1963. 215 с.
12. Сибирь периода капитализма. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1964. Вып. 1. 260 с.
13. Жидков Г.П. Наемный труд в хозяйстве кабинетских крестьян Западной Сибири первой половины XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1966. С. 482–494;
14. Тюкавкин В.Г. Формы землевладения в Сибири в начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1966. С. 706–715.
15. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и сельскохозяйственное освоение / отв. ред. В.И. Шунков. Новосибирск: Наука, 1965. 267 с.
16. Громыко М.М. Некоторые результаты сельскохозяйственного освоения Западной Сибири в XVIII в. // История СССР. 1965. № 2. С. 55–73.

17. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). М.: Госполитиздат, 1957. 495 с.

18. Громыко М.М. Динамика сельскохозяйственного освоения Западной Сибири в 60-х – 80-х годах XVIII века // Сибирь периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1965. Вып. 2. Экономика, управление и культура Сибири XVI – XIX вв. С. 164–176.

REFERENCES

1. Shilovsky M.V. Studying the pre-revolutionary history of Siberia in Novosibirsk in the 1950s – early 1980s. *Istoricheskiy kur'yer*, 2019, no 6, pp. 137 – 156 pp. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-12.pdf>
2. Kafengauz B.B. I.T. Pososhkov. Moscow, Leningrad, USSR AS Publ., 1950, 191 p. (In Russ.)
3. History of the USSR from ancient times to the present days. In 12 vol. Moscow, Nauka, 1966–1980. (In Russ.)
4. History of Siberia from ancient times to the present days. In 5 vol. Leningrad, Nauka, 1968–1969. (In Russ.)
5. Shunkov V.I. (ed.) Siberia in the Period of Feudalism. Iss. 1. Siberia in the XVII–XVIII centuries. Novosibirsk, Nauka, 1962, 258 p. (In Russ.)
6. Kafengauz B.B. Letters by A.N. Radishchev. *Voprosy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii i istochnikovedeniya perioda feodalizma v Rossii*. Moscow, 1961, pp. 341–344. (In Russ.)
7. Shunkov V.I. (ed.) Siberia in the Period of Feudalism. Iss. 2. Economy, management and culture of Siberia of the XVI–XIX centuries. Novosibirsk, Nauka, 1965. 366 p. (In Russ.)
8. Kafengauz B.B. Pushkin about Peter I. *Istoriya SSSR*, 1961, no. 3, pp. 150–160. (In Russ.)
9. Dulov V.I. (ed.) Issues of the history of Siberia and the Far East: proc. of conf. on the history of Siberia and the Far East. Materials of the plenary session and the section of the history of the pre-Soviet period, archeology and ethnography, March 1960. Novosibirsk, SB USSR AS Publ., 1961, 402 p. (In Russ.)
10. Kupershtokh N.A. Formation and development of historical research in Siberia: on the 40th anniversary of the establishment of the Institute of History, Philology and Philosophy of SB USSR AS. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2006, no 2, pp. 55–59. (In Russ.)
11. Karpenko Z.G. Mining and metallurgical industry of West Siberia in 1700–1860. Novosibirsk, SB USSRAS Publ., 1962, 215 p. (In Russ.)
12. Dulov V.I. (ed.) Siberia of the period of capitalism. Iss. 1. Novosibirsk, SB USSR AS Publ., 1964, 260 p. (In Russ.)
13. Zhidkov G.P. Wage labor of the peasants of West Siberia belonged to Imperial Family in the first half of the XIX century. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 1964 god. Kishinev, 1966, pp. 482–494. (In Russ.)
14. Tyukavkin V.G. Forms of land tenure in Siberia at the early XX century. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 1964 god. Kishinev, 1966, pp. 706–715. (In Russ.)
15. Gromyko M.M. West Siberia in the XVIII century. Russian population and agricultural development. Novosibirsk, Nauka, 1965, 267 p. (In Russ.)
16. Gromyko M.M. Some results of the agricultural development of West Siberia in the XVIII century. *Istoriya SSSR*, 1965, no. 2, pp. 55–73. (In Russ.)
17. Rubinshtein N.L. Agriculture of Russia in the second half of the XVIII century. (Historical and economic essay). Moscow, Gospolitizdat, 1957. 495 p. (In Russ.)
18. Gromyko M.M. Dynamics of agricultural development in West Siberia in the 1760s – 1780s. *Sibir' perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1965, iss. 2, pp. 164–176. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.01.2021

Дата рецензирования 12.01.2021

Статья принята к публикации 14.01.2021

DOI: 10.15372/HSS20210114
УДК 94:378(571)"199"

Н.А. КУПЕРШТОХ

ТРАНСФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СИБИРИ В 1990-е гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Изучение формирования и развития системы высшего образования в Российской Федерации является актуальным направлением исследований. В современный период, когда реализуются национальные проекты «Наука» и «Образование», государственная политика должна учитывать историческую динамику развития этой важнейшей для общества сферы. Региональный аспект проблемы нуждается в более детальном исследовании в силу сложившихся исторических особенностей развития системы высшего образования и его отраслевой специфики. В статье проанализированы основные трансформации в развитии системы высшего образования Сибири в 1990-е гг. Это десятилетие стало периодом поиска новых стратегий выживания и развития вузов в условиях кризиса экономики, появления сектора негосударственно-го высшего образования.

Ключевые слова: государственная политика, сфера образования, Сибирский регион, государственные вузы, негосударственные вузы.

N.A. KUPERSHTOKH

TRANSFORMATIONS IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF SIBERIA IN THE 1990s

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study of the formation and development of the higher education system in the Russian Federation is a relevant research area. The development of experience of the domestic higher education has not lost its significance nowadays. In the modern period, when the national projects “Science” and “Education” are being implemented, the state policy should take into account the historical dynamics of this sphere’s evolution, which is most important for society. The regional aspect of the problem requires a more detailed study due to the prevailing historical features of the higher education system development and its branch specifics. The system of higher education in Siberia, that started to develop with the Tomsk University opening in 1888, went through several important stages. Historiography of the problem of the second half of the XX century can be conditionally divided into three groups: late 1950s – first half of 1980s; the second half of the 1980s – the early 1990s; early 1990s – nowadays. Despite the huge historiographic background on various problems of the higher education development, there are “gaps” in the literature on interpreting the individual chronological periods, which need to be studied. Thus, the analysis of the Siberian universities’ potential development in the post-Soviet period is mainly represented in the articles in encyclopedias and collective works on the history of individual regions of Siberia and the Far East. Period of the 1990s is reflected in a few papers by researchers devoted to individual problems of the domestic higher education development. Meanwhile, the permanent reform of the higher education system has led to significant changes in the structure of the regional university potential, and needs a comprehensive historical analysis. The article analyzes main transformations in the higher education system’s development in Siberia in the 1990s. This decade became a period of searching for new strategies to survive and develop universities in the context of the economic crisis, emerging sector of non-state higher education.

Key words: state policy of education, Siberian region, state universities, non-state universities.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение формирования и развития системы высшего образования в Российской Федерации является актуальным направлением исследований. Опыт

развития отечественной высшей школы не утратил своего значения и в наши дни. Реализация «прорывных» технологий Советского Союза в космической и оборонной отраслях в середине прошлого века заста-

Наталья Александровна Куперштох – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nataly.kuper@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1522-1837>.

Natalia A. Kupershtokh – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

вила мировое сообщество признать уникальность советской системы образования и явилась причиной изменения школьных и вузовских программ во многих странах мира. В современный период научно-образовательное пространство России, в отличие от советского периода, становится все более многомерным и многоукладным конструктом социальной системы. В условиях реализации национальных проектов «Наука» и «Образование», а также оптимизации сети научных учреждений и вузов государственная политика должна учитывать историческую динамику развития этой важнейшей для общества сферы. Региональный аспект проблемы нуждается в более детальном исследовании с учетом сложившихся исторических особенностей развития системы высшего образования и его отраслевой специфики. Урал, Сибирь и Дальний Восток в силу географического положения и имеющегося ресурсного, производственного, научно-технического и образовательного потенциала играют особую роль в определении долгосрочных стратегий развития России, нацеленных на создание современной экономики инновационного типа, интегрированной в евро-азиатское экономическое пространство.

Система высшего образования Сибири, формирование которой началось с открытия Томского университета в 1888 г., в своем развитии прошла несколько важных этапов. Историографию проблемы второй половины XX в. исследователь В.В. Петрик условно разделил на три группы: конец 1950-х – первая половина 1980-х гг.; вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг.; начало 1990-х гг. по настоящее время [1, с. 81]. Различные аспекты истории вузов в Сибири советского периода изучали Л.Г. Баландина, А.П. Бычков, Е.Г. Водичев, В.Н. Казарин, А.П. Кириченко, Н.П. Коробкова, Т.Г. Кузнецова, Л.В. Липунова, В.В. Малиновский, Л.И. Пыстина, В.И. Степанов, О.Л. Татарникова, Д.В. Хаминов, Л.В. Щурова и др. Несмотря на солидный историографический задел по различным проблемам развития высшей школы, в литературе остаются «лакуны» в освещении отдельных хронологических периодов, которые остро нуждаются в изучении. Так, анализу развития вузовского потенциала Сибири постсоветского периода в основном посвящены разделы в энциклопедических изданиях и коллективных трудах по истории отдельных регионов Сибири и Дальнего Востока. Некоторые сюжеты истории высшего образования раскрыты в статьях Ю.И. Казанцева, И.С. Сивцева, М.А. Иваненко. Между тем перманентное реформирование системы высшего образования привело к существенным изменениям в структуре вузовского потенциала региона и нуждается во всестороннем историческом анализе.

В данной статье проанализированы основные трансформации в развитии системы высшего образо-

вания Сибири в 1990-е гг. Методологической основой исследования явилось представление о системе высшего образования как определяющем социокультурном факторе в развитии общества. От того, насколько уровень подготовки специалистов отвечает современным потребностям социума, зависит состояние науки, культуры, экономики, обороноспособности государства. Выбор хронологических рамок обусловлен следующими обстоятельствами. 1990-е гг. являются временем поиска новых стратегий выживания и развития государственных вузов в условиях кризиса экономики, а также появления сектора негосударственного высшего образования. Территориальные рамки статьи заданы представлением о Сибири как совокупности регионов Западной и Восточной Сибири. В начале 1990-х гг. в Западно-Сибирский район входили Алтайский край, Республика Алтай, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская и Тюменская области; в Восточно-Сибирский регион – Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская и Читинская области¹. Хотя Республика Саха (Якутия) была включена в Дальневосточный район, в статье рассматривается также история якутской высшей школы, органично связанной с институтами Якутского научного центра СО РАН. Источниковой базой исследования послужили опубликованные документы по вопросам развития высшей школы (постановления Правительства РФ, указы Президента РФ), статистические материалы, периодическая печать, интернет-ресурсы вузов Сибири.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СИБИРИ

Глубокие изменения, происходившие в российском обществе после распада СССР, существенным образом отразились на системе высшего образования. К началу 1990-х гг. высшая школа Сибири обладала относительно развитой отраслевой и территориальной структурой, в крупных городах была сконцентрирована значительная часть вузов. В каждом из таких городов, как Новосибирск, Красноярск, Иркутск, имелось более десятка вузов, традиционную роль вузовского центра сохранял Томск. Наиболее развитой вузовской сетью обладала Западная Сибирь, в начале 1990-х гг. здесь функционировали 58 вузов (259,3 тыс. студентов); в Восточной Сибири – 32 вуза (155,5 тыс. студентов). Совокупный потенциал Сибири в сфере высшего образования был сопоставим с потенциалом Москвы и Московской области (91 вуз и

¹ Российская Федерация в 1992 году (статистический ежегодник). URL: <http://istmat.info/node/18226> (дата обращения: 04.12.2020).

506,1 тыс. студентов)². По числу студентов на 10 тыс. населения среди неблагоприятных регионов Восточной Сибири оказались Читинская область, Республики Тыва и Саха (Якутия), хотя темпы роста численности студентов в этих регионах постепенно нарастали.

Политика в сфере высшего образования воплотилась в законах РФ «Об образовании» 1992 г.³ и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 1996 г.⁴ Эти документы фиксировали объем государственного финансирования, регулировали прием студентов в вузы, определяли основные принципы реализации платного обучения, закрепляли автономию вузов. Так, федеральный закон «Об образовании» 1992 г. предусматривал ежегодные расходы на образование не менее 10 % национального дохода. На практике этот показатель составил 4,6 % в 1992 г., 5,8 % – в 1993 г., около 3 % – в 1994 г. [2, с. 868].

Резкое снижение государственного финансирования заставило вузы адаптироваться к новым условиям и искать пути выживания. Освободившись от жесткого государственного регулирования, вузы начали осваивать коммерческую модель по предоставлению образовательных услуг. Относительная степень автономии позволила формировать стратегии развития вузов в новых условиях. Это имело не одни только «минусы» (возросшая конкуренция на рынке образовательных услуг при нестабильном государственном финансировании), но и очевидные «плюсы» – свободу поиска оптимальных моделей адаптации в новых условиях. Динамика роста численности вузов свидетельствует об активном процессе дальнейшей регионализации высшего образования. Увеличение вузовской сети связано в основном с организацией многочисленных частных вузов, а также с экспансией в регион филиалов центральных коммерческих вузов. Именно благодаря новым формам получения высшего образования возросло количество вузов и обучаемых в них студентов и в Сибирском регионе: в 1999/2000 учебном году в Западной Сибири обучалось 411,2 тыс. студентов в государственных и 15,5 тыс. студентов в негосударственных вузах; в Восточной Сибири – 211,7 тыс. студентов в государственных и 8,7 тыс. студентов в негосударственных вузах⁵.

² Российский статистический ежегодник 1994 г. URL: http://istmat.info/files/uploads/18276/stat_ezh_rf_1994_regiony.pdf (дата обращения: 04.12.2020).

³ Закон РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения: 02.12.2020).

⁴ Федеральный закон от 22 августа 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/9959> (дата обращения: 02.12.2020).

⁵ Российский статистический ежегодник 2000 г. Образование. URL: http://istmat.info/files/uploads/45859/10_obrazovanie.pdf (дата обращения: 04.12.2020).

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СЕТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВУЗОВ

Лидерами качественного высшего образования в регионе стали сложившиеся и хорошо известные в стране государственные университеты Западной Сибири (Алтайский, Кемеровский, Новосибирский, Омский, Томский, Тюменский) и Восточной Сибири (Бурятский, Иркутский, Красноярский, Якутский). Старейшими из них являлись университеты Томска (открылся в 1888 г., первый ректор – профессор-физик Н.А. Гезехус) и Иркутска (открылся в 1918 г., первый ректор – профессор М.М. Рубинштейн). Причем томские вузы (университет, технологический институт) в течение продолжительного времени были главными центрами науки и образования на периферии. Во второй половине XX в. историческим преимуществом региона стало активное формирование научных центров Сибирского отделения АН СССР/РАН. Как правило, классические университеты Сибири работали в тесном сотрудничестве с академическими учреждениями. Лидерами в этой сфере являлись Томский и Новосибирский университеты.

Томский государственный университет сыграл выдающуюся роль в подготовке высококвалифицированных кадров не только для Сибири, но и для страны в целом. Немало томских выпускников возглавили кафедры известных вузов, институты, сектора и лаборатории региональных отделений Академии наук СССР на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. В 1990-е гг. потенциал вуза продолжали развивать ректоры ТГУ Ю.С. Макушкин, М.К. Свиридов, Г.В. Майер⁶. Благодаря их усилиям была выработана концепция стратегического партнерства с ведущими научными центрами страны и мира, которая позволила формировать проекты различного уровня – от регионального до международного. Традиционно высокий уровень подготовки кадров в университете, а также исследовательские традиции стали основанием для присвоения ему статуса национального исследовательского университета в 2009 г.

Новосибирский государственный университет (НГУ) (открылся в 1959 г., первый ректор – академик И.Н. Векуа) с самого начала рассматривался как составная часть научно-образовательного комплекса в Новосибирске. Филиалы НГУ были организованы в Красноярске и Улан-Удэ. В 1990-е гг. его ректорами являлись академик Ю.Л. Ершов, профессор В.Н. Врагов, член-корреспондент РАН Н.С. Диканский. Многоступенчатая система подготовки кадров (олимпиады, ФМШ-СУНЦ, Высший колледж информатики)

⁶ Электронная энциклопедия. Национальный исследовательский Томский государственный университет. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Томский_государственный_университет (дата обращения: 08.12.2020).

позволяла по-прежнему привлекать для обучения в НГУ наиболее талантливых школьников из глубинных районов Сибири. Ставка на усиленную интеграцию с институтами Новосибирского научного центра создала возможности для появления новых специальностей и факультетов, расширения подготовки кадров через магистратуру и аспирантуру, реализации международных проектов. В НГУ начали функционировать научно-образовательные центры, в которых студенты занимались научно-исследовательской деятельностью с первых курсов обучения. Мощный исследовательский потенциал НГУ стал основанием для получения статуса национального исследовательского университета в 2009 г. [3, с. 331].

Специалисты по истории Сибири отметили следующую закономерность: Западная Сибирь стала единственным в стране экономическим регионом, где каждая область или край имели свой университет. Такая тенденция соответствовала стратегии социально-экономического и культурного развития сибирских краев, областей и национальных республик. Именно в этом ключе следует рассматривать историю ряда университетов. В первой половине 1970-х гг. в Западной Сибири было открыто четыре новых университета. Причем два из них – Алтайский и Омский – были вновь созданы, а два других – Кемеровский и Тюменский – открылись на базе местных педагогических институтов. Большую роль в становлении новых университетов Сибири сыграли Томский и Новосибирский университеты – молодые кафедры новых вузов состояли в большинстве своем из выпускников ТГУ и НГУ.

Алтайский государственный университет начал функционировать с 1973 г., его первым ректором стал талантливый организатор – доцент В.И. Неверов. Значительного развития АлтГУ достиг при следующем ректоре – В.Л. Миронове, в 1986 г. прибывшем в Барнаул из Томска из Института оптики атмосферы СО АН СССР/РАН. В 1991 г. В.Л. Миронов был избран членом-корреспондентом РАН и в 1990-е гг. стал проводником интеграции вуза и академических институтов Сибири.

При значительном участии выпускников и сотрудников НГУ, ТГУ, других вузов и НИИ создавался Омский государственный университет. Вуз был открыт в 1984 г., его первым ректором стал профессор В.В. Пластинин. В 1990-е гг. ОмГУ под руководством ректоров В.В. Тихомирова и Г.И. Геринга проводил политику адаптации вуза к новым экономическим условиям в виде расширения платных специальностей, реализации совместных проектов с другими вузами и академическими НИИ в интересах развития реального сектора экономики Омской области. В 2004 г. ОмГУ присвоено имя Ф.М. Достоевского.

Тюменский государственный университет появился в 1973 г. в результате реорганизации педагогического института. Он был существенно укреплен квалифицированными кадрами, успешно расширил подготовку специалистов для активно развивающегося региона Западной Сибири – Тюменской области. Его первым ректором стал профессор И.А. Александров, прибывший из ТГУ. В 1990-е гг. ТюмГУ возглавлял профессор Г.Ф. Куцев, который ратовал за открытие новых специальностей в университете и модернизацию высшего образования в регионе [4].

Кемеровский государственный университет был открыт в 1974 г. также посредством реорганизации педагогического института. Первым ректором КемГУ был профессор В.А. Михайлов. В 1990-е гг. вуз возглавлял крупный ученый-химик Ю.А. Захаров, избранный в 1991 г. членом-корреспондентом РАН. Под его руководством велась подготовка кадров не только для социально-экономического сегмента Кемеровской области, но также для академических институтов Кемеровского научного центра СО РАН.

В Восточной Сибири формирование университетов отличалось рядом особенностей. Одна из них – большой временной интервал в появлении вузов этого типа. [5]. Старейший Иркутский университет в 1990-е гг. возглавляли профессора-химики Ф.К. Шмидт и А.И. Смирнов. Под их руководством была выработана система мер, которая помогла вузу выстоять в сложный экономический период. Началось более активное сотрудничество с зарубежными странами, произошло открытие новых специальностей, расширение коммерческой составляющей⁷. Научная деятельность вуза осуществлялась в сотрудничестве с учеными Иркутского научного центра СО РАН. Красноярский государственный университет открылся в 1969 г. на базе филиала НГУ и филиала юридического факультета ТГУ. Первым ректором университета в Красноярске стал профессор А.И. Дрокин. В 1990-е гг. красноярский вуз под руководством ректоров Н.Д. Подуфалова и А.С. Проворова усилил международные связи и совместно с рядом европейских университетов получил гранты по программе Европейского Союза. Другой линией «выживания» стало создание на базе университета научных центров технологической направленности и сотрудничество с промышленными корпорациями и институтами Красноярского научного центра СО РАН. В 2006 г. КрасГУ стал «ядром» Сибирского федерального университета.

⁷ История Иркутского государственного университета на рубеже веков // Современная история Иркутской области: 1992–2012. Т. 2: 2012. URL: http://irkipedia.ru/content/istoriya_irkutskiy_gosudarstvennyy_universitet_na_rubezhe_vekov_sovremennaya_istoriya (дата обращения: 08.12.2020).

Бурятский государственный университет в Улан-Удэ открылся в 1995 г. на основе объединения филиала НГУ и педагогического института. Большая роль в формировании преподавательского состава высшей школы Бурятии принадлежит Иркутскому государственному университету. Первым ректором БГУ стал профессор С.В. Калмыков. При нем были открыты новые факультеты (восточный, экономики и управления, юридический, медицинский), а также Боханский филиал университета. Университет как часть научно-образовательного комплекса Республики Бурятия осуществлял подготовку кадров в сотрудничестве с сотрудниками Бурятского научного центра СО РАН. Развернулось международное сотрудничество Бурятского университета с рядом стран Европы и Юго-Восточной Азии, причем не только реализовывались совместные проекты, но и практиковался обмен преподавателями и студентами [6]. В 2018 г. вузу присвоено имя Доржи Банзарова.

Якутский государственный университет организован в 1956 г. на базе местного педагогического института. Первым его ректором являлся профессор А.Е. Мординов. В 1990 г. университету присвоено имя М.К. Аммосова. В 1990-е гг. его возглавлял профессор В.В. Филиппов, избранный в 1997 г. членом-корреспондентом РАН. Он обеспечил заметные качественные перемены в структуре университета: появились новые кафедры и специальности, на базе действующих факультетов были созданы институты, открыты филиалы в Нерюнгри и Мирном. Была разработана программа информатизации университета, налажены связи с зарубежными вузами и усилены контакты с институтами Якутского научного центра СО РАН [7, с. 19]. В 2010 г. Якутский государственный университет преобразован в Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

Именно университеты Сибири стали частью процесса интеграции с академическими учреждениями в 1990-е гг. В отчете СО РАН о работе в 1995 г. отмечено, что творческие связи академических институтов с вузами сложились в Новосибирске, Барнауле, Кемерово, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске и Якутске. Сибирское отделение РАН в лице академика В.А. Коптюга провозгласило развитие дальнейшей кооперации с сибирскими университетами одним из стратегических направлений развития научно-образовательного комплекса региона⁸.

Университеты Сибири стали своеобразными «локомотивами» постепенной интеграции в международное образовательное пространство. Так, Тюменский государственный университет при поддержке

Европейского Союза организовал Международную школу банковского дела, в Новосибирском государственном университете открылась кафедра ЮНЕСКО по проблемам устойчивого развития, Красноярский государственный университет совместно с Вашингтонским университетом создал Центр подготовки малого и среднего бизнеса (RUSA), Иркутский государственный университет достиг соглашения с Мэрилендским университетом о подготовке профессиональных управленческих кадров на основе программы двойных дипломов. Географические рамки международного сотрудничества существенно расширились, они охватывали страны Европы, Америки, а также Юго-Восточной Азии – Китай, Монголию, Южную Корею.

Важная роль в подготовке кадров для промышленного сектора региона принадлежала техническим вузам. История технического образования в Сибири началась с открытия в 1900 г. Томского технологического института, известного сегодня как Томский политехнический университет. Сеть технических вузов и втузов появилась в Сибири в 1930-е гг., а в годы Великой Отечественной войны пополнилась образовательными учреждениями, эвакуированными из европейской части страны. Политехнизация образовательного процесса в соответствии с запросами экономики 1950–1960-х гг. способствовала организации вузов технического профиля в Новосибирске, Омске, Барнауле, Кемерово, Красноярске, Иркутске, Улан-Удэ. К началу 1990-х гг. в ряде городов Сибирского региона возникли крупные, известные в стране центры технического образования. Не имея возможности в отдельной статье проанализировать деятельность всех технических вузов Сибири, остановимся лишь на некоторых из них.

Одним из центров технического образования в стране являлся Новосибирск. Здесь в 1953 г. открылся Новосибирский электротехнический институт (НЭТИ), который в 1992 г. сменил название на Новосибирский государственный технический университет (НГТУ)⁹. В 1990-е гг. его ректором был профессор А.С. Востриков, под руководством которого была разработана стратегия вуза. Основные направления этой стратегии включали усиление научно-исследовательской деятельности и развитие международных связей, переход на многоуровневую структуру подготовки специалистов, внедрение системы контрактного обучения и появление новых специальностей, включая гуманитарную сферу, компьютеризацию вуза, совершенствование системы управления.

В Алтайском крае большую роль в подготовке кадров для промышленного сектора играл Алтайский

⁸ Отчет о деятельности Сибирского отделения Российской академии наук в 1995 году. URL: <http://www.nsc.ru/win/sbras/rep/95/17soob.html> (дата обращения: 06.12.2020).

⁹ НЭТИ–НГТУ. История. URL: <https://www.nstu.ru/university/info/info/history> (дата обращения: 08.12.2020).

политехнический институт (с 1959 г. – АПИ), ведущий свою историю с 1941 г., когда в Барнаул был эвакуирован Запорожский машиностроительный институт. В 1961 г. АПИ было присвоено имя И.И. Ползунова. В 1992 г. вуз преобразован в Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова. В 1990-е гг. под руководством ректора В.В. Евстигнеева вуз также внедрил ряд мер по адаптации к новым условиям. Получила дальнейшее развитие многоуровневая подготовка кадров, в структуре вуза появились филиалы – в Бийске и Рубцовске, принимались меры по развитию международных связей.

Крупнейшим центром технического образования в Восточной Сибири являлся Красноярский политехнический институт, который открылся в 1956 г. В соответствии с общей тенденцией переименования вузов в 1993 г. он стал называться Красноярский государственный технический университет (КГТУ). Его ректоры А.М. Ставер (прибывший в Красноярск из новосибирского Института гидродинамики СО АН СССР) и С.А. Подлесный в новых экономических условиях сделали ставку на развитие фундаментальных исследований и интеграцию с ведущими отечественными и зарубежными научными центрами. В КГТУ была организована первая за Уралом кафедра ЮНЕСКО «Новые материалы и технологии». Вуз стал площадкой для переподготовки кадров региона. Были созданы новые факультеты (включая гуманитарное направление) и организованы филиалы КГТУ в Усть-Илимске, Железногорске и Зеленогорске. В 2006 г. этот вуз вошел в состав Сибирского федерального университета.

В 1990-е гг. происходил процесс преобразования ряда педагогических вузов в университеты. Они открылись в Сургуте, Горно-Алтайске, Улан-Удэ, Кызыле и других городах, некоторые педагогические институты превратились в академии. Эта тенденция определялась заинтересованностью государственных вузов в получении дополнительных бюджетных средств, стремлением повысить свою привлекательность для абитуриентов. Следует признать, что «новые» университеты значительно уступали «старым» по научному потенциалу. Прирост численности государственных вузов был минимальным. На базе филиала Алтайского политехнического института в 1994 г. был открыт Бийский технологический институт, который по-прежнему находится в составе АПИ; на базе Сибирского кадрового центра (бывшей Высшей партийной школы) в 1995 г. возникла единственная за Уралом Сибирская академия государственной службы с целью подготовки управленцев региона (ныне Сибирский институт управления/филиал РАНХиГС). В 1998 г. открылся Барнаулский юридический институт МВД России [8, с. 393].

Вузовское сообщество в условиях выработки региональной стратегии выживания в сложных экономических условиях пошло по пути создания советов ректоров вузов в субъектах РФ. Этот процесс в новой России запустило распоряжение Президента РФ Б.Н. Ельцина от 25 ноября 1992 г. «О Российском Союзе ректоров»¹⁰. Документ одобрил создание общероссийского общественного объединения, направленного «на содействие развитию связей вузов независимо от их ведомственной подчиненности и форм собственности в различных областях деятельности». Так, Совет ректоров вузов Новосибирской области был организован в 1992 г. по инициативе ректора НГУ, академика Ю.Л. Ершова. Возглавил Совет ректор НЭТИ–НГТУ профессор А.С. Востриков. Советы ректоров появились в Томской, Иркутской областях и в других субъектах РФ. Годичные собрания Совета ректоров вузов позволяли определять наиболее актуальные проблемы образовательного процесса в регионе, выработать политику сохранения преподавательского состава и укрепления материально-технической базы вузов.

Еще до подписания Россией в 2003 г. конвенции о присоединении к Болонскому процессу многие государственные вузы перешли на систему «бакалавриат – магистратура», сохранив и традиционные дипломы специалистов. Увеличение платного набора студентов позволило вузам самостоятельно решать ряд проблем материально-технического обеспечения, создавать новые факультеты, вводить новые специальности, в том числе и на коммерческой основе.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СЕТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ВУЗОВ

Важнейшей тенденцией, изменившей структуру высшей школы региона, стала организация негосударственных образовательных учреждений. Учредителями негосударственных вузов выступали частные лица, общественные организации и творческие объединения. Негосударственные вузы в РФ должны были снизить нагрузку на бюджет и расширить возможности для молодежи получения высшего образования по месту жительства. Кроме того, негосударственные вузы расширяли возможности получения второго высшего образования и переподготовки зрелых специалистов. Учредители вузов надеялись, что частные учебные заведения смогут оперативно и гибко действовать на рынке образовательных услуг, внедрять инновационные технологии в образование [2, с. 867–868].

¹⁰ Распоряжение Президента Российской Федерации «О Российском Союзе ректоров». 25 ноября 1992 г. URL: <https://www.rsr-online.ru/upload/iblock/de2/president.pdf> (дата обращения: 10.12.2020).

Динамика процесса впечатляет. Если в 1993/1994 учебном году в РФ действовали 548 государственных и 78 негосударственных вузов, то в конце десятилетия – соответственно 590 государственных и 349 негосударственных вузов¹¹. Число студентов, обучающихся в негосударственных вузах, менее чем за десять лет, выросло в 6,5 раза. [2, с. 868] Десятки негосударственных вузов были созданы и в крупных городах Сибири, что сказалось на росте общей численности вузов. В Новосибирске в 1992 г. было открыто сразу три негосударственных вуза: Сибирский независимый институт, Новосибирский институт экономики и менеджмента, Сибирская академия финансов и банковского дела. В последующие годы появились Новосибирский гуманитарный институт, Новый сибирский институт, Русско-немецкий университет и др. Негосударственные вузы стали развиваться при наличии развитой, и на первый взгляд, всеохватывающей системы государственного высшего образования. Однако расчеты, проведенные нами в конце 1990-х гг. на основе данных Новосибирского областного комитета статистики, показали, что почти половина государственных вузов относилась к таким отраслям, как промышленность, строительство, транспорт и связь [9, с. 86]. Частные вузы попытались занять нишу гуманитарного и экономического образования, поскольку по отдельным направлениям существовал повышенный спрос на специалистов, которые были необходимы для развития новых отраслей экономики.

Среди других заметных негосударственных образовательных учреждений следует назвать Алтайскую академию экономики и права в Барнауле (в 1995 г. преобразованную из филиала московской Академии экономики и права в самостоятельное учреждение, Алтайская академия просуществовала более 20 лет), Томский экономико-юридический институт, Омскую юридическую академию, Кузбасский институт экономики и права в Кемерово и др. В небольших сибирских городах – Бийске, Новокузнецке, Абакане и других – создавались многочисленные филиалы негосударственных вузов, в основном московских, зачастую исключительно с целью извлечения прибыли. Расширение сети негосударственных вузов носило хаотичный характер, отчасти этому способствовал неудовлетворенный спрос на образовательные услуги. Примерами успешной деятельности коммерческих вузов в 1990-е гг. являются Алтайская академия экономики и права в Барнауле, Сибирская академия финансов и банковского дела в Новосибирске, Омская юридическая академия и др. По замечанию известного исто-

рика Ю.И. Казанцева, среди негосударственных образовательных учреждений в России абсолютно доминировали вузы экономического и гуманитарного профиля [2, с. 869]. Отсутствие координации между частными вузами вскоре привело к перепроизводству менеджеров, экономистов, юристов, психологов. Свообразным регулятором в сфере коммерческого высшего образования явился Закон РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 1996 г. Все частные вузы в обязательном порядке должны были не только иметь лицензию, но и получить государственную аккредитацию. Отсутствие финансовой поддержки со стороны государства и нарастающий контроль за деятельностью частных вузов – характерные особенности негосударственного сектора высшего образования. Многие частные образовательные учреждения не смогли пройти аккредитацию и прекратили свое существование, другие не выдержали конкуренции. В XXI в. от системы частных вузов Сибири остались единичные образовательные учреждения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сфера высшего образования Сибири в 1990-е гг. оказалась в целом довольно устойчивым социальным институтом. Это обеспечивалось многопрофильностью структуры вузов, сохранением основного кадрового потенциала, хотя некоторого оттока преподавательских кадров все же избежать не удалось. В условиях системного социально-экономического кризиса именно образовательная сфера сыграла в обществе своеобразную цементирующую роль. С опорой на потенциал вузов и научных учреждений местные власти искали выход из кризиса, выработывали стратегии «выживания». Новым явлением в жизни сибирских вузов стала возможность установления прямых научных и образовательных контактов с зарубежными университетами и научными центрами, что создавало перспективу подготовки и реализации крупных международных программ.

Таким образом, если в первой половине десятилетия высшая школа испытывала серьезные проблемы из-за резко сократившегося государственного финансирования, то к концу десятилетия ситуация в региональном образовательном комплексе несколько стабилизировалась. Причинами этого стали возросшая доля расходов государства на высшее образование во второй половине 1990-х гг., а также частичная децентрализация и демократизация управления в сфере образования. Предоставление вузам самостоятельности в решении ряда проблем и расширение спектра образовательных услуг позволили им формировать индивидуальные стратегии выживания и развития. Государственную политику в сфере образова-

¹¹ Российский статистический ежегодник 2000 г. Образование. URL: http://istmat.info/files/uploads/45859/10_obrazovanie.pdf (дата обращения: 04.12.2020).

ния на начало XXI в. определила Национальная доктрина образования в Российской Федерации 2000 г.¹² Постановление Правительства РФ наметило новые приоритетные задачи в сфере высшего образования: развитие высших учебных заведений как центров образования, культуры, науки и новых технологий; интеграцию образования и науки, интеграцию образования и науки с производством. Эти важные задачи предстояло решать на следующем этапе исторического развития и на региональном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрик В.В. Высшая школа Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х годов (историография проблемы) // Вестн. ТГПУ. 2006. Вып. 1(52). Сер.: Гуманитарные науки (История). С. 81–86.
2. Казанцев Ю.И. Негосударственный сектор высшего образования Западной Сибири // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, № 1. С. 866–872.
3. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н.Н. Аблажей, Е.Г. Водичев, С.А. Красильников; отв. ред. М.П. Федорук. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 404 с.
4. Шафранов–Куцев Г.Ф. Университет и регион. Тюмень, 1997. 223 с.
5. Лопшакова Н.А. Высшее образование: проблемы регионализации в современной России: на материалах Восточной Сибири. Екатеринбург; Чита: Понск, 2002. 270 с.
6. Калмыков С.В. Исследовательский университет Байкальской Азии. Новосибирск: Наука, 2010. 222 с.
7. Сивцев И.С. 60 лет университетского образования в Якутии: некоторые аспекты труда ректоров в XX веке // Вестн. Сев.-Вост. федер. ун-та им. М.К. Аммосова. Сер.: История, политология, право. 2016. № 3. С. 5–23.

8. История Алтая: в 3 т. Барнаул; Белгород, 2019. Т. 3: Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века) / под ред. Е.В. Демчик. 484 с.

9. Иваненко М.А., Куперштох Н.А. Проблемы и перспективы высшего образования в регионе (на примере г. Новосибирска) // Науч. зап. Новосиб. гос. акад. экономики и управления. Новосибирск, 2000. Вып. 2. С. 84–89.

REFERENCES

1. Petrik V.V. Higher school of Siberia in the late 1950s – early 1990s (historiography of the problem). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Istoriya)*, 2006, no. 1, pp. 81–86. (In Russ.)
2. Kazantsev Yu.I. Non-state sector of higher education in West Siberia. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire*, 2017, vol. 7, no 1, pp. 866–872. (In Russ.)
3. Fedoruk M.P. (ed.) Novosibirsk State University: creation, formation, development (1959–2019). Novosibirsk IPTs NGU, 2019, 404 p. (In Russ.)
4. Shafranov-Kutsev G.F. University and region. Tyumen, 1997, 223 p. (In Russ.)
5. Lonshakova N.A. Higher education: problems of regionalization in modern Russia: on the materials of East Siberia. Ekaterinburg, Chita, Poisk, 2002, 270 p. (In Russ.)
6. Kalmykov S.V. *Research university of Baikal Asia*. Novosibirsk, Nauka, 2010, 222 p. (In Russ.)
7. Sivtsev I.S. 60 years of university education in Yakutia: some aspects of rectors' activity in the XX century. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya: Istoriya, politologiya, pravo*, 2016, no. 3, pp. 5–23. (In Russ.)
8. Demchik E.V. (ed.) History of Altai. Vol. 3. Altai in the modern era (XX – early XXI century). Barnaul, Belgorod, 2019, 484 p. (In Russ.)
9. Ivanenko M.A., Kupershtokh N.A. Problems and prospects of higher education in the region (a case of Novosibirsk). *Nauchnyye zapiski Novosibirskoy gosudarstvennoy akademii ekonomiki i upravleniya*, 2000, no. 2, pp. 84–89. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.12.2020

Дата рецензирования 10.01.2021

Статья принята к публикации 14.01.2021

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. «О национальной доктрине образования в Российской Федерации». URL <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения: 08.12.2020).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20210115

УДК 94:001.32(470)"2020"

¹Д.С. БОБРОВ, ²С.О. ВИШНЕВСКИЙ, ³Т.И. МОРОЗОВА¹

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА-КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ» (Новосибирск, 12–14 октября 2020 г.)

¹Институт истории и международных отношений Алтайского государственного университета
РФ, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61,

²Новосибирский государственный медицинский университет,
РФ, 630091, г. Новосибирск, Красный проспект, 52,

³Институт истории СО РАН, РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

Статья посвящена школе-конференции для молодых ученых-историков, которая состоялась в Новосибирске 12–14 октября 2020 г. Мероприятие проводилось с целью развития профессиональных навыков и исследовательской культуры молодых ученых. Обсуждались различные вопросы историографии и источниковедения, общественно-политической, социально-экономической и культурной истории, дипломатии и международных отношений. Особое внимание организаторы и участники школы-конференции уделили проблемам научной коммуникации и ее роли для развития исторической науки.

Ключевые слова: научная коммуникация, школа-конференция, научная школа, историческая наука, молодые ученые.

¹D.S. BOBROV, ²S.O. VISHNEVSKIY, ³T.I. MOROZOVA¹

INTERNATIONAL YOUTH SCIENTIFIC SCHOOL-CONFERENCE «CURRENT CHALLENGES OF HISTORICAL STUDIES: YOUNG SCHOLARS' PERSPECTIVE» (Novosibirsk, October, 12–14, 2020)

¹Institute of History and International Relations, Altai State University,
61, Lenin str., Barnaul, 656049, Russian Federation

²Novosibirsk State Medical University,
52, Krasny ave., Novosibirsk, 630091, Russian Federation,

³Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

The article is devoted to School-Conference for young historians held in Novosibirsk on October 12–14, 2020. The event was intended to develop professional skills and research culture of young scholars. It discussed various issues of historiography and source study, socio-political,

Денис Сергеевич Бобров – канд. ист. наук, доцент кафедры, Институт истории и международных отношений Алтайского государственного университета, e-mail: bds-eureka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6786-1321>.

Станислав Олегович Вишневецкий – старший преподаватель кафедры социально-исторических наук, Новосибирский государственный медицинский университет, e-mail: wishnewskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3535-2036>.

Татьяна Игоревна Морозова – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: mti137@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8601-1290>.

Denis S. Bobrov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History and International Relations, Altai State University.

Stanislav O. Vishnevskiy – Senior Lecturer, Department of Social and Historical Sciences, Novosibirsk State Medical University.

Tatiana I. Morozova – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS.

socio-economic and cultural history, diplomacy and international relations. The organizers and participants of the School-Conference paid special attention to the problems of scientific communication and its role to advance historical science.

Keywords: scientific communication, school-conference, scientific school, history, young scholars.

Одним из важнейших факторов развития научной мысли в целом и исторической науки в частности является коммуникация. Пандемия 2020 г. и введенные из-за нее ограничения подтвердили справедливость данного утверждения. Временное закрытие научных, отраслевых и образовательных учреждений, отмена ряда конференций, коллоквиумов, симпозиумов и семинаров существенно осложнили работу ученых, сказались на сроках и результатах проводимых исследований.

В этих условиях принципиальной задачей стала организация ежегодной молодежной научной школы-конференции «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых», нацеленной на установление конструктивного диалога между представителями различных научных школ, а также на интеграцию молодых историков в «большое» историческое сообщество. Первая конференция под указанным названием состоялась в Новосибирске в 2011 г. Она стала популярным брендом, а Новосибирск – настоящим центром притяжения для молодых историков со всей России. Поэтому, несмотря на многочисленные ограничения, вызванные пандемией, Совет научной молодежи Института истории СО РАН в десятый раз принял на себя роль инициатора и главного координатора этого мероприятия.

Основными организаторами школы-конференции, как и в прошлом году, стали Институт истории СО РАН (далее – ИИ СО РАН), Новосибирский государственный университет (далее – НГУ) и Автономная некоммерческая организация поддержки и развития гуманитарных исследований «Свободные науки» (далее – АНО «СН»). В оргкомитет школы-конференции вошли 13 научных сотрудников и преподавателей из ИИ СО РАН, НГУ, Новосибирского государственного медицинского университета, Алтайского государственного университета, Томского государственного университета и Красноярского медицинского техникума.

Подготовка к проведению очередной школы-конференции началась весной 2020 г. Принять участие в мероприятии в качестве докладчиков изъявили желание 153 исследователя. Прошедшие технический отбор заявки были подвергнуты научной экспертизе, которую осуществляли члены организационного и программного комитетов конференции, при необходимости привлекая внешних рецензентов. Заявки, получившие положительные отзывы, были допущены до конкурсного отбора, впервые введенного организаторами в 2020 г. В ходе конкурса заявки оценивались по ряду критериев, в том числе учитывались актуальность темы исследования, его научная новизна, обеспеченность источниками и аргументированность выводов. По итогам трехступенчатой экспертизы в программу школы-конференции были включены 92 научных доклада: 87 индивидуальных и 5 в соавторстве. Их авторы – студенты, аспиранты, преподаватели и научные работники в возрасте не старше 35 лет из 24 городов России – от Калининграда и Крыма до Магадана и Владивостока, а также из Донецка, Йены, Ташкента, Токио и Шанхая.

Изменения коснулись не только методики отбора заявок, но также сроков и формата проведения мероприятия. Впервые молодежная школа-конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» проводилась в октябре и впервые в комбинированном очно-дистанционном формате. Несмотря на различные ограничения и жесткие требования по соблюдению санитарно-эпидемиологических норм почти три десятка историков из Калининграда, Великого Новгорода, Санкт-Петербурга, Москвы, Ярославля, Тюмени, Омска, Томска, Барнаула и Владивостока смогли принять очное участие в работе школы-конференции. Докладчики, по разным причинам не имевшие такой возможности, были задействованы в различных мероприятиях посредством видеосвязи.

Открытие школы-конференции состоялось 12 октября 2020 г. в зале заседаний Президиума СО РАН. С приветственными словами к участникам обратились директор Института археологии и этнографии СО РАН, чл.-кор. РАН, проф. А.И. Кривошапкин, директор Гуманитарного института НГУ, д-р ист. наук, проф. А.С. Зуев, директор Института истории СО РАН, канд. ист. наук В.М. Рынков, директор АНО «СН», канд. ист. наук В.А. Слугина и председатель программного комитета школы-конференции, главный научный сотрудник ИИ СО РАН, д-р ист. наук, проф. В.И. Шишкин. Выступавшие высоко оценили роль и значение молодежной конференции, обратили внимание на большой объем работы, проделанной оргкомитетом, и пожелали всем участникам плодотворной дискуссии.

Как в 2018 и в 2019 гг., организаторы школы-конференции стремились все проводимые в ее рамках мероприятия подчинить решению главной задачи. Оргкомитет предложил участникам обсудить роль и значение научной коммуникации для развития исторической науки, в том числе в условиях, когда коммуникативное взаимодействие осуществлялось или осуществляется в ограниченном режиме.

В рамках научной школы «Историки и историческая наука в условиях изоляции: проблемы и пути их решения», состоявшейся 12 октября, приглашенные специалисты из Москвы, Новосибирска, Омска и Тюмени убедительно показали, что ситуация, в которой оказались современные ученые, на самом деле не является уникальной. Не только в России, но и в других странах историки неоднократно сталкивались и продолжают сталкиваться с самыми различными видами и формами изоляции.

Первым на эту тему выступил один из известных сибирских методологов исторической науки, проф. Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р ист. наук С.Б. Крих. Им были сформулированы актуальные в современных реалиях вопросы соотношения концептов «научная изоляция» и «научная периферия», обозначены маркеры периферии с разделением их на две группы. Внешние, по его мнению, включают исследовательские и социальные практики, связанные с публикацией результатов изысканий, плотностью социального и/или профессионального пространства, степенью географической удален-

ности ученого от ведущих научных центров. Внутренние отражают отношение исследователя к устоявшемуся в науке теоретико-методологическому аппарату (в том числе категориальному), мотивы избрания и специфику реализации тематики профессиональной деятельности, включая стиль изложения и подачи материала. В результате тщательного анализа изысканий отечественных специалистов по эпохе древности С.Б. Крих предложил оригинальную периодизацию истории периферии в советской историографии 1930–1980-х гг. Он показал, что на завершающем третьем этапе, к концу советского периода, произошли существенные изменения в интеллектуальном пространстве научного сообщества: внутренний ресурс развития с точки зрения взаимоотношения научного ядра и периферии оказался практически исчерпан. В заключение исследователь призвал академическое сообщество установить более гибкие подходы к выделению научной периферии, внимательно относиться к импульсам и сигналам, исходящим от нее.

Доцент Сибирского института управления (филиала РАНХиГС при Президенте РФ), канд. ист. наук Н.В. Палишева посвятила свое выступление осмыслению историографической ситуации вокруг британского владычества в Индии. По ее мнению, в широком смысле колониальный период в истории страны стал временем движения от изолированности к глобальности, причем эта идеологема длительное время структурировалась в специальной литературе. Уже в начале XX в. в индологической историографии сформировались два противоположных взгляда на британское господство: позитивный и скептический. Н.В. Палишева констатировала, что в советских исследованиях преобладала теория колониального синтеза как межформационного взаимодействия, трансформации социально-политических процессов на субконтиненте под воздействием европейских акторов. Появившееся в зарубежной индологии относительно недавно ревизионистское направление в оценке установления английского доминирования в регионе центральную роль отводит эндогенным факторам, отрицая существенный разрыв с предшествовавшими периодами в исторической преемственности и культурной идентичности. Как следствие, перед современными исследователями неизбежно возникает вопрос ревизии субъектно-объектных связей применительно к индийскому колониализму, наделения его характеристиками субъекта, что создает дополнительный эвристический потенциал осмысления соответствующих региональных процессов в контексте мировых политических и социокультурных трендов второй половины XIX – середины XX в.

Президент Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), канд. ист. наук Г.А. Бордюгов посвятил свое выступление опыту осуществления научного производства отечественными историками в период с 1940-х гг. по настоящее время. Говоря о школе советских медиевистов, он отметил отсутствие прямого влияния социальной и профессиональной изоляции на качество результатов изысканий ученых. Несмотря на кардинальные социально-политические трансформации, произошедшие в 1990-е гг., динамика профессиональных практик значительной части научного исторического сообщества (даже априори консервативно настроенных историков партии) продемонстрировала в это время адаптивность и высокую

приспособляемость к изменившимся реалиям за счет кардинального обновления методологического инструментария, появления оригинальных «субдисциплин», дальнейшего развития академической мобильности. В качестве одного из профессиональных вызовов сегодняшнего времени и одновременно объективной черты развития научного знания Г.А. Бордюгов обоснованно обозначил увеличение в общей массе публикаций, формально относящихся к исторической тематике, исследований, слабо сопрягающихся с анализом ретроспективы или фактически принадлежащих к иной отраслевой специализации.

Профессор Тюменского государственного университета, д-р ист. наук С.В. Кондратьев обратил внимание на вариативность исследовательских практик в условиях социальной и научной изоляции. На основе целого ряда персональных социально-биографических и историографических выкладок, касавшихся историков различных направлений, он заключил, что многочисленные социальные вызовы диктуют необходимость предоставления ученым «профессионального ответа». Он может заключаться в уходе из профессии, тематической изоляции, в том числе добровольной, или смене профессиональной ориентации. Докладчик заметил, что обращение к широкому спектру стратегий и способов их реализации историками позволяет заместить и нивелировать обусловленный теми или иными статусными позициями дефицит собственных исследовательских практик.

Второй день школы-конференции (13 октября) был посвящен работе секционных заседаний, на которых с научными докладами выступили молодые исследователи. Почти 70 историков из шести стран поделились результатами своей научной работы в области историографии и источниковедения, изучения взаимоотношений общества и власти, социально-экономических процессов, истории культуры, дипломатии и международных отношений. Несмотря на трудности, вызванные обновленным форматом проведения мероприятия, все доклады (как очные, так и дистанционные) вызвали оживленную дискуссию. Этому способствовали и высокий уровень большинства из них, и попытки модераторов секций ориентировать участников на обсуждение не только представленных результатов исследований, но и того влияния, которое оказала на них научная коммуникация.

Логическим завершением школы-конференции стало проведение круглого стола «Научная коммуникация: цель, формы, методы, значение» (14 октября). В соответствии с замыслом организаторов в нем приняли участие представители от каждой тематической секции: два заседания проходили параллельно и изолированно друг от друга: очно и дистанционно. Дискутируя о влиянии изоляции на состояние исторической науки, организацию работы историка, а также способы коммуникации и перспективы ее развития, исследователи на собственном примере подтвердили зависимость коллективного суждения от формата коммуникации. Как выяснилось в ходе общего обсуждения, организованного в финале круглого стола, те участники, которые взаимодействовали друг с другом посредством видеоконференции, оптимистично восприняли текущую трансформацию научной коммуникации, увидев в ней перспективы для качественного развития исторической науки. Вместе с тем исследователи, дискутировавшие очно, посчитали

трудности самоизоляции не столь судьбоносными, меняющимися лишь соотношением уже существующих в арсенале историка инструментов и не затрагивающими основы исследовательской деятельности. Таким образом, именно условия проведения круглого стола во многом определили выработку отношения молодых ученых к состоянию исторической науки и перспективам ее развития.

Доклады участников школы-конференции изданы в виде сборника материалов конференции. Книга включает 46 научных статей, посвященных актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории с II века н.э. до на-

ших дней и наглядно демонстрирующих широкий спектр научных интересов молодых историков.

Оргкомитет школы-конференции искренне благодарит Российский фонд фундаментальных исследований, Президиум СО РАН, Совет научной молодежи СО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, пространство коллективной работы «Точка кипения» и журнал «Гуманитарные науки в Сибири» за финансовую, организационную и информационную поддержку в подготовке и проведении мероприятия.

DOI: 10.15372/HSS20210116

УДК: 94(571.1)"1914–1918"

Д.О. НИКУЛИН

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ИЗУЧЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

**(Рец. на кн.: Шумилова Э.Е. Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири
в годы Первой мировой войны: монография. Екатеринбург: Издательские решения, 2020.
178 с.)**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рецензируется монография, посвященная анализу повседневности в городах Западной Сибири в период Первой мировой войны. Данное исследование восполняет представление о роли Сибири в стране в этот период, о демографических и экономических процессах в регионе. В основном рассматриваются условия жизни горожан, их быт, что позволяет современному читателю судить о войне с позиции простого обывателя.

Ключевые слова: Сибирь, Первая мировая война, повседневность, демография, медицина, жилищный фонд, благотворительность.

D.O. NIKULIN

**THE FIRST WORLD WAR IN THE RECENT DOMESTIC HISTORIOGRAPHY:
STUDYING EVERYDAY LIFE**

**(Book review: Shumilova E.E. The everyday life of large cities in West Siberian cities during
the years of the First World War: a monograph. Yekaterinburg: Izdatel'skiye resheniya, 2020, 178 p.)**

Institute of History SB RAS,
8, Nilolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is a book review dedicated to everyday life in West Siberian cities. The monograph contributes to studying the problems of Siberia's position and role in the First World War, which has recently become more popular among researchers. While other historical studies consider mainly military issues, as well as the regional economic situation, E. E. Shumilova's work touches upon the way of life and living conditions of citizens, which allows the reader to imagine the war from a simple commoner's point of view.

Key words: Siberia, First World War, everyday life, demography, medicine, housing stock, charity.

В последние годы среди молодых историков Сибири растет интерес к истории региона в годы Первой мировой войны: по этой теме публикуются статьи и защищаются диссертации (см.: [1; 2; 3; 4]. По проблемам, касающимся Первой мировой войны и Сибири, защищены диссертации [5; 6]). В эту тенденцию вписывается монография канд. ист. наук Э.Е. Шумиловой, раскрывающая повседневность в городах Западной Сибири в данный период. Исследование Э.Е. Шумиловой ценно еще и тем, что является приме-

ром применения в отечественном сибиреведении методик «школы Анналов», которая стала важным этапом развития исторической методологии.

Во введении автор кратко описывает историю изучения повседневности в исторической науке, обосновывает актуальность собственного исследования. Истории повседневности автор посвятил специальный историографический обзор. Что касается досоветского и советского периодов, то автор преимущественно рассматривает освещение

Даниил Олегович Никулин – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nikdanya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7721-8671>

Daniil O. Nikulin – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of History SB RAS.

медицинских, демографических и других проблем, сетует на малое количество работ по благотворительности в годы войны. В анализе трудов предшественников по повседневности исследователь не касается работ военно-исторического характера, предметом изучения которых являются непосредственно Первая мировая война и ход сражений. В обзоре постсоветской историографии упоминается большое число трудов, при этом тщательно сопоставляются точки зрения авторов.

В первой главе монографии дана характеристика населения крупных городов Западной Сибири в указанный период, анализируются демографические процессы, а также состояние медицины. По оценке автора, доля женщин в населении городов Западной Сибири в годы войны увеличилась; в крупных городах не отмечено единой тенденции относительно роста или падения численности населения. Э.Е. Шумилова отмечает факт сокращения рождаемости при росте количества браков. Что касается медицины, то автор вскрывает тревожную ситуацию в сибирских городах: массовые болезни, нехватка больниц и медицинских работников. В целом, по мнению автора, в городах Сибири произошло ухудшение социального благополучия, чему органы власти не сумели противостоять, действуя зачастую непоследовательно.

Во второй главе анализируется состояние экономики сибирских городов и городского жилищного фонда. По оценке исследователя, выгоду в сложившейся ситуации получали главным образом местные предприниматели, занятые в оборонных отраслях экономики и сконцентрировавшие в своих руках крупные государственные заказы. Быстрый рост цен при медленном повышении заработной платы вызывал напряжение во взаимоотношениях власти и рабочих, нередко происходили продовольственные беспорядки с участием жен мобилизованных, которые, лишившись кормильца, оказывались в бедственном положении. Главными виновниками продовольственных трудностей население считало местных торговцев, завышавших цены на продукты. Тем не менее автор отмечает, что, несмотря на всевозможные трудности, ситуация в городах Западной Сибири по сравнению с европейской частью России была значительно легче.

В годы войны в сибирских городах не хватало и жилья; согласно сведениям Э.Е. Шумиловой, для приобретения и съема было доступно слишком мало жилплощади, при этом цены оставались баснословными. Автор отмечает наличие проблем не только с жильем, но и с топливом.

Недостаточно внимания, с нашей точки зрения, уделяется в монографии влиянию на ситуацию с жилищным фондом проблемы расквартирования военнослужащих запасных полков (хотя Э.Е. Шумилова и поднимает эту тему). Между тем влияние этого фактора было весьма значительным: для размещения офицеров некоторые жилые дома даже освобождались от текущих постояльцев, включая членов городских управ. В Томске к зиме 1916–1917 гг. количество расквартированных войск достигло 46 тыс. чел., из-за чего пришлось на зиму оставить в деревнях военнопленных, высланных ранее на сельскохозяйственные работы.

В третьей главе автор анализирует восприятие населением войны в целом и немцев в частности. Рассматривая развернувшуюся в стране «борьбу с немецким засильем», автор определенно симпатизирует сибирским немцам, оценивая подозрения против них как беспочвенные, а антигерманскую пропаганду – как не имевшую оснований в общественном мнении. Э.Е. Шумилова отмечает неэффективность такой пропаганды в Западной Сибири – население относилось к военнопленным спокойнее, чем в европейской части страны. В целом мы согласны с выводами о том, что вначале местное население относилось к пленным настороженно, позднее же они стали восприниматься как фактор обыденности. Мы можем подтвердить и активность пропаганды в создании «образа врага»: так, в официальной документации Сибирского казачьего войска подробно описывались пытки, примененные 6 сентября 1915 г. немецкими военнослужащими к казакам 9-го Сибирского казачьего полка Н. Спиглазову и Н. Бедрину¹. В документах Омской местной бригады штаба Омского военного округа также появлялись сведения о зверствах противника: в частности, за отказ работать четверо находившихся в австро-венгерском плену русских военнослужащих были расстреляны местными учащимися военных образовательных учреждений (кадетами)².

Что касается анализа автором благотворительности, то, не подвергая сомнению весомость приведенных фактов, позволим себе не согласиться с одним из выводов в книге, а именно с причинами значительного количества мелких (по 50 коп.) пожертвований. Главный вывод, который следует сделать из факта таких мелких пожертвований, заключается не в желании сибиряков «не быть белыми воронами», а в отсутствии у них значительного количества средств, что вполне могло сочетаться и с желанием, выражаясь словами Э.Е. Шумиловой, примененными ею в отношении более зажиточных сограждан, «укрепить свой авторитет», «помочь землякам». Если же автору известно, что такие жертвователи могли позволить себе отдавать больше, но не стали этого делать, то подобные сведения стоило бы привести.

Соглашаясь с выводами Э.Е. Шумиловой о восприятии войны солдатами и широкими народными массами как непонятной и (с 1915 г.) ненужной, все-таки напомним, что «ослабление патриотического накала» стало наблюдаться в городах Западной Сибири с 1915 г. в связи, возможно, не только с резким ухудшением экономического положения, но и поражениями русской армии на фронте, связанными со «снарядным голоданием» и приведшими к «великому отступлению».

Монографии, на наш взгляд, свойствен следующий недостаток: автор перечисляет ряд фактов и делает выводы из них, усилия же, приложенные к логической связи этих фактов между собой для облегчения восприятия, можно посчитать недостаточными. Тем не менее данная монография является важным этапом в изучении истории Сибири периода Первой мировой войны.

¹ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 146. Лл. 24об, 113.

² Там же. Ф. 333. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авилов Р.С.* Иркутский военный округ (1884–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014. № 12. С. 26–32.
2. *Авилов Р.С.* Омский военный округ (1882–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2015. № 8. С. 3–10.
3. *Авилов Р.С.* Приамурский военный округ: военно-административные преобразования накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.) // Россия и АТР. 2018. № 1. С. 173–186.
4. *Кузнецов М.Ю.* Роль местных войск Восточной Сибири в пополнении личным составом действующей армии в годы Первой мировой войны // Изв. лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 4 (33). С. 115–130. DOI: 2415-8739-2019-4-115-130
5. *Коняев Р.В.* Подготовка резервов для действующей армии в Омском военном округе в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2019. 296 с.
6. *Никулин Д.О.* Подготовка пополнения для действующей армии периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. в запасных частях Омского военного округа: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2019. 290 с.
7. *Шумилова Э.Е.* Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны: монография. Екатеринбург: Издательские решения, 2020. 178 с.

REFERENCES

1. *Avilov R.S.* Irkutsk military district (1884–1899, 1906–1918): the history pages. *Voенno-istoricheskiy zhurnal*, 2014, no. 12, pp. 26–32. (In Russ.)
2. *Avilov R.S.* Omsk military district (1882–1899, 1906–1918): the history pages. *Voенno-istoricheskiy zhurnal*, 2015, no. 8, pp. 3–10. (In Russ.)
3. *Avilov R.S.* Priamur military district: the military administration reforms before World War I (1906–1914). *Rossiya i ATR*, 2018, no. 1, pp. 173–186. (In Russ.)
4. *Kuznetsov M.Yu.* The role of local troops in East Siberia to replenish the army personnel during the First World War. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 115–130. DOI: 2415-8739-2019-4-115-130. (In Russ.)
5. *Konyaev R.V.* Training reserves for the active army in Omsk Military District during the First World War (July 1914 – March 1918): a dissertation. Barnaul, 2019, 296 p. (In Russ.)
6. *Nikulin D.O.* Training reinforcements for the active army during the First World War of 1914–1918 in spare units of Omsk Military District: a dissertation. Novosibirsk, 2019, 290 p. (In Russ.)
7. *Shumilova E.E.* The everyday life in West Siberia cities during the First World War: a monograph. Ekaterinburg, Izdatel'skiye resheniya, 2020, 178 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.12.2020

Дата рецензирования 11.01.2021

Статья принята к публикации 14.01.2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebvaniya-k-materialam.html>

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/> (сайт Издательства СО РАН)

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.